

А 52



Хари Алувалиа

ВЫШЕ ЭВЕРЕСТА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ



Хари Алувалиа

ВЫШЕ ЭВЕРЕСТА

Воспоминания
альпиниста



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1983

Major H.P.S. Ahluwalia
Higher than Everest
Memoirs of a Mountaineer
Delhi 1975

Редакционная коллегия

К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель), Л. Б. АЛАЕВ,
А. Б. ДАВИДСОН, Н. Б. ЗУБКОВ, Г. Г. КОТОВСКИЙ,
Р. Г. ЛАНДА, Н. А. СИМОНИЯ

Ответственные редакторы

Л. Б. АЛАЕВ и Е. Б. ГИППЕНРЕЙТЕР

Алувалиа Х.

А 52 Выше Эвереста. Воспоминания альпиниста. Пер. с англ. О. Л. Орестова. Предисл. Индиры Ганди. Послесл. и примеч. Л. Б. Алаева и Е. Б. Гиппенрейтера. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983.

199 с. («Рассказы о странах Востока»).

Участник индийской экспедиции на Эверест 1965 года майор Хари Алувалиа рассказывает о подготовке и восхождении на высочайшую вершину мира. Книга, выдержавшая в Индии четыре издания, повествует об удивительной судьбе альпиниста, чудом выжившего после тяжелого ранения на фронте и вернувшегося к активной деятельности. Предисловие написано премьер-министром Индии Индирой Ганди.

А 4202000000-102 142-83
013(02)-83

ББК л 8(5)

© Н.Р.С. Ahluwalia, 1973.

© Перевод, послесловие и комментарии:
Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1983.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хотя я родилась на одной из самых плоских равнин мира, я всегда считала себя дочерью гор. Не только потому, что горцами были мои предки, — в горах я чувствую себя как дома, но и потому, что горы отвечают — если можно заимствовать слова судьи Г. Д. Кхослы — моим эмоциональным потребностям.

Нелегко определить точно истоки какой-либо эмоции. Что привлекает меня в горах? Красота ландшафта, чистота воздуха, безлюдье или тот вызов, который горы бросают человеку, требуя от него выносливости и находчивости. Возможно, все это, но и еще кое-что. В долинах нас окружают плоды человеческого труда, а следовательно, мы постоянно ощущаем величие человека. Горы создают иную перспективу: человек — это ничтожная крупица, подавленная гигантскими силами природы.

Как бы то ни было, я люблю горы. Как радостно бегать по холмам. Как успокаивает глаза прохладная зелень высоких склонов, одетых в леса, пьянящие ароматом сосен и других деревьев, сквозь которые прокладывает путь человек. А как привлекательны меняющиеся свой цвет могучие и сильные обнаженные скалы. И наконец, величественные снежные вершины, отливающие золотом и серебром под лучами солнца и застенчиво прячущиеся за дымкой облаков. Меня всегда поражают и радуют в высоких горах дикие цветы, крошечные разноцветные головки которых выглядывают из самых не-

вероятных трещин и уголков, упрямо преодолевая все препятствия.

Майор Алувалия принадлежит к избранной плеяде людей — тех, немногих, кто стоял на вершине высочайшего пика мира — Эвереста. Он отличился и на поле битвы, защищая нашу родину. Смелость проявляется различно. И майор Алувалия показал огромное мужество и настойчивость, ведя длительную и упорную борьбу с болезнью.

Сейчас майор Алувалия делит с нами трудности и беды, радость успехов и горечь неизбежных неприятностей. Помимо всего он и писатель. Я с особым удовольствием читала его описание экспедиции на Эверест.

Индира Ганди

Нью-Дели,
12 марта 1973 г.

КОНЕЦ МЕЧТЕ

Я очнулся в темной незнакомой комнате. Медленно возвращалось сознание. Словно в волшебном калейдоскопе путалось прошлое с настоящим. Мне грезился Гульмарг (Кашмир) и его снежные горные склоны, по которым я весело катился вниз, и Эверест (на его вершину я поднялся несколько месяцев назад). Неужели с тех пор прошло всего лишь несколько месяцев? Казалось, это было очень давно. Затем все смешалось, и вот я уже готовлю своих солдат к ночному патрулированию. Вот снова я в джипе, который трясется в темноте по проселочной бесконечной дороге.

В комнате постоянно стоял туман, словно все виденное проносилось передо мной в дыму, и тогда оставалась только глубокая безысходная пустота. Когда наконец туман рассеялся и я 15 октября 1965 года — эту дату я установил позднее — открыл глаза, возле моей постели сидели трое. Это были моя мать (она горько плакала), Х. К. Сарин, имевший прямое отношение к экспедиции на Эверест, и Нариндер Кумар, бывший заместитель руководителя экспедиции.

Я никак не мог понять, почему плакала мать. Не зная, насколько серьезно мое состояние, я решил, что в семье, видимо, произошло какое-то несчастье. Сарин, подперев подбородок рукой, задумчиво глядел на меня и почему-то молчал. Тогда я попытался заговорить с ним сам, но вскоре почувствовал, что не могу произнести ни слова. Я стал пытаться объясняться жестами, но оказалось, что не в силах поднять правую руку. В отчаянии я закрыл глаза и погрузился во тьму.

Когда я открыл глаза, то посетителей около меня уже не было. Возле меня стояла только медицинская сестра. Я заметил, что в носу у меня трубка, в которую сестра вливала шприцем какую-то жидкость. Я чувствовал, как она льется через нос в горло, и, когда гло-

тал ее, мне казалось, что энергии прибавлялось. Я все никак не мог взять в толк, почему меня кормят таким странным способом.

Не сразу я догадался, что со мной происходит. Сестра ушла. В комнате снова оказались родственники и друзья. Я будто и узнавал их, но не мог вспомнить ни имен, ни степени родства. Наконец сообразил, что среди гостей две мои сестры и беззвучно плачущая невеста. Она была в белом сари. Мне так хотелось дотронуться до руки невесты, но я лишь сумел кивнуть головой, стараясь тем самым показать, что со мной, дескать, все в порядке. В комнату вошли еще посетители. Между собой они говорили шепотом. Время от времени меня спрашивали, как я себя чувствую. Это было бессмысленно, так как ответить я не мог.

Ночью я снова попытался вспомнить все, что со мной произошло. В памяти прекрасно сохранились события последних месяцев, когда я шел на Эверест. Я видел лица друзей, поднимавшихся со мной на вершину, ясно представил себе вид, открывавшийся с Эвереста, и даже снова пережил охвативший нас восторг и ликование. Однако события недавнего времени ускользали из моей памяти. Лишь позднее, во время длительного выздоровления, я все-таки припомнил события того рокового вечера — 30 сентября 1965 года в Кашмире, когда я стоял в темноте на злосчастной дороге.

Только что окончилась индо-пакистанская война, и было объявлено о прекращении огня. Вместе с другими офицерами я участвовал в военных операциях в районе Сонамарга. Придя в сознание, я прежде всего вспомнил капитана Джала Мастера из парашютного полка, человека удивительно приятного. Хотя я познакомился с ним только после поступления в школу, его веселый нрав скрашивал те тяжелые дни. Затем в памяти всплыло лицо майора А. П. С. Чаухана из инженерных войск (я жил с ним в одной комнате). Если бы мы не были знакомы с детства, вряд ли я смог бы подолгу его выдерживать. Настороженно относились к нему и другие курсанты. Пехотный майор Сурат Сингх и я вместе учились в академии. Хотя он был двумя курсами старше, мы дружили. Майор был интендантом нашей роты.

Майор Сурат Сингх, капитан Джал Мастер, майор А. П. С. Чаухан и я вместе ехали в джипе. Внезапно

раздался выстрел, и я упал. Оказывается, пуля попала мне в шею. Меня уложили на носилки и на санитарной машине отправили в базовый госпиталь в Сринагаре. Вспоминаю наш путь в Сринагар как кошмар. Вместе со мной в санитарной машине ехали доктор Рой, майор Васудев и мой денщик Шер Сингх. Время от времени я терял сознание, а придя в себя, испытывал невыносимую жажду. Тело мое горело, как в лихорадке. Я кричал:

— *Пани! Пани! (Воды!)*

Доктор Рой и Шер Сингх попеременно прикладывали мне к губам смоченную в воде вату. Во время тряски в санитарной машине в полусознательном состоянии то и дело повторял, что надо остерегаться возможного проникновения врага в этот район.

Мы добирались до Сринагара часов пять, и я потерял много крови. Позднее доктор Рой и майор Васудев говорили, что я лишь чудом остался жив. Я очнулся в госпитале в Сринагаре во время переливания крови. Мне вводили еще и глюкозу. Я тяжело дышал, и казалось, кровать ходит подо мной ходуном от каждого глубокого вдоха. Среди посетителей была моя тетка. Она положила мне под подушку портрет Гуру Нанак¹.

— Гуру будет охранять тебя, — сказала она и разрыдалась слезами.

Я уже мог немного говорить, но сразу же начались ужасные боли, и врач велел молчать. Я пробыл в госпитале два дня, хотя тогда мне казалось, что находился там всего несколько часов.

Чтобы перевезти в госпиталь в Дели, пришлось положить меня на носилки и отправить в аэропорт, где ждал военный самолет. В аэропорту я на минуту пришел в сознание и услышал обрывки разговора между пилотом и одним из врачей.

— Такая погода, что вряд ли взлетим, — сказал пилот.

Очень важно доставить майора Алувалиа в Дели именно сегодня. Иначе будет поздно, — заявил врач.

Не успел я вникнуть в смысл этого разговора, как снова потерял сознание. Очнулся я уже во время полета — летчик воспользовался небольшим просветом в ту-

¹ Гуру Нанак — основатель религии сикхизма (*здесь и далее примеч. ред.*).

чах. Подташнивало. Врач пытался надеть на меня кислородную маску, и тут меня вырвало прямо ему на халат. Я покачал головой, как бы прося прощения. Однако врач спокойно сказал:

— Не волнуйтесь, пожалуйста, — и вытер мое лицо носовым платком.

Наконец меня доставили в Дели и положили в госпиталь. Помню, мне было то очень жарко (температура поднималась выше 40 градусов по Цельсию), то холодно, и я находился в полусознательном состоянии. К губам прикладывали смоченную в воде вату, и сестра то и дело обтирала тело прохладной губкой. Почему-то такое внимание сестры меня раздражало. Мне казалось, что она нарушает приятный сон, от которого так не хотелось пробуждаться. Иногда я думал, что несчастье произошло со мной во время спуска с вершины Эвереста. Тогда почему же Рават и Пху Дорджи, поднимавшиеся со мной на гору, не помогают мне сейчас? В душе теплилась надежда, что я скоро поправлюсь и летом снова отправлюсь в горы.

Врачи решили, что необходима операция. Трахеотомию — разрез дыхательного горла — делал генерал Джозеф, видный хирург и заведующий хирургическим отделением военного госпиталя. Ему ассистировала бригада опытных врачей. После операции я почувствовал себя немного лучше и мог — хотя и с трудом — шевелить руками. Я понял, насколько серьезно мое состояние и что полное выздоровление не наступит никогда. Отныне важной частью лечения был курс инъекций, которые делали каждые два-три часа. Постепенно восстанавливалась чувствительность рук, но это причиняло острую боль в пальцах и кистях. Я все еще оставался беспомощным, не вставал и чувствовал себя опустошенным. В трахее скопилось много сгустков крови, что затрудняло дыхание. Врачи решили эту проблему, введя в дыхательное горло трубку, другой конец которой шел к сосуду, соединенному с небольшим мотором.

Когда включали мотор, сгустки крови отсасывались из трахеи и падали в сосуд. Процесс крайне неприятный. В дополнение к «отсасывателю», так врачи называли это приспособление, они лечили меня паром. Дважды в день грудь и лицо закутывали «водяной рубашкой», чтобы сгустки крови размягчались и легче отсасыв-

вались из трахен. Во время этой процедуры температура поднималась выше 40 градусов по Цельсию, но затем меня обтирали губкой, и вскоре температура падала. Так продолжалось десять дней, и грудь очистилась от сгустков крови. Дышать стало легче.

Был сделан еще один шаг по пути к выздоровлению, когда я смог наконец сам пить фруктовые соки, которые до этого вводили через трубку. Я пытался глотать как можно больше жидкости, но, по-видимому, не совсем удачно, и сестра намеревалась снова прибегнуть к помощи трубки. Хотелось избежать этого во что бы то ни стало, и я прилагал все усилия, чтобы пить нормально. Видимо, мои успехи удовлетворили врачей, так как трубку больше не применяли.

Я был доволен этой победой моего тела и моей воли. Однако далеко не все мне удавалось. Так, например, несмотря на все попытки говорить, я не мог сказать окружающим ничего вразумительного. Отверстие в дыхательном горле искажало слова. Как-то я попытался объяснить, что подушка очень твердая и необходима надувная, но меня никто не понял. Конечно, это мелочь, но тогда она мне казалась важной, и в отчаянии я заплакал от обиды, что меня не понимают. Лишь часа два спустя удалось объяснить, что я хочу, с помощью оригинальной комбинации жестов и звуков. Мой младший брат Соми произносил по порядку все буквы алфавита, и я кивал головой, когда он называл нужную. Так мы составили то слово, которое я никак не мог произнести.

Эти затруднения длились недолго, трахеотомическую трубку вынули и на рану наложили повязку. Вскоре она зажила, и я начал говорить. Я ликовал, хотя не мог еще долго разговаривать, так как от напряжения терял сознание.

До сих пор мне давали только жидкую пищу, но постепенно я начал получать и твердую. Сначала трудно было ее переваривать, но и это прошло. Появилось новое осложнение — воспаление мочевыводящих путей, сопровождавшееся высокой температурой. Приходилось глотать до пятидесяти таблеток в день, а на ночь принимать снотворное. Вначале снотворные таблетки действовали хорошо, но постепенно я привык к ним, и пришлось увеличить дозу. Таблетки заменили инъекциями

патедина, но и они действовали недолго, и начались утомительные бессонные ночи. Бессонница стала сложной проблемой для моих врачей, а для меня просто мучением. Я опасался, что стану наркоманом и не смогу отвыкнуть от успокоительных средств. Тогда мать пригласила гомеопата. Он дал мне флакон с бесцветной жидкостью и сказал:

— Принимайте, пожалуйста, по двенадцать капель, но ни в коем случае не больше и не меньше, — и вы будете спать.

Дважды перед сном я принимал предписанную дозу лекарства и стал спать лучше, чем со снотворным. Года через два я встретил этого врача и похвалил прописанное им чудодейственное лекарство. К моему удивлению, он сказал:

— Во флаконе, который я вам дал, была простая вода.

Дни в госпитале шли по заведенному порядку — лечение, посещения родственников, невесты и друзей. Первой, около 7 часов утра, приезжала мать. Она жила далеко от госпиталя, и такие ранние визиты ко мне ей были трудны, но мои просьбы не приезжать так рано она и слушать не хотела. Конечно, я был счастлив видеть ее. Невеста обычно приходила во второй половине дня и проводила у моей постели часов пять. Она читала книги, журналы, а иногда пересказывала содержание какого-нибудь фильма. Однако часто мы просто сидели молча, и мне казалось, что такое молчание иногда важнее любого разговора. Каждый ее приход открывал передо мной новые черты ее личности.

Посещал меня и Нариндер Кумар. Как-то с собой он привел своего друга. Новый посетитель сказал, что его очень опечалило мое несчастье, и спросил Кумара, восстановилась ли моя речь. Меня его вопрос рассердил, и, чтобы избежать дальнейших расспросов, я лишь улыбался и молчал. Кумар объяснил, что я уже могу говорить, тогда его друг поинтересовался, не поврежден ли мой мозг. Это вывело меня из себя, и я уже хотел было предложить этому пытливому джентльмену задать мне какую-нибудь математическую задачу. Нет ничего хуже, чем навязывать непрошеное сочувствие и жалость людям, которые в них не нуждаются. Такая пошлая сентиментальность не может быть искренней.

Совсем другим посетителем оказался мой денщик Шер Сингх, человек малограмотный. Я боялся, что именно он будет произносить банальные слова сочувствия. Но этого не произошло.

— Вы ничего не потеряли, — говорил он, — сикх жив даже после того, как ему отрубят голову.

Шер Сингх рассказал мне об одном сикхском мученике Бабе Дипе Сингхе, которому в бою отрубили голову. Тогда Баба взял голову в одну руку, а другой продолжал рубить врагов. Он выиграл сражение, вернулся в Амритсар и упал замертво в Золотом храме. Этот рассказ произвел на меня глубокое впечатление и помогал в тяжелые минуты.

Навещал меня также мой родственник майор Кулриндер Сингх. Он находился на лечении в том же госпитале и быстро поправлялся от раны. Сингх рассказывал мне о новых правилах в Индийской армии. Теперь военнослужащим будет сохранено жалованье на время лечения и выздоровления и принимаются меры к обеспечению работой. Меня регулярно посещал Гуппи, сын Сарина. Он учился в колледже. От него я узнавал последние городские новости.

День Республики — 26 января — важный день в истории независимой Индии. В этот день в Дели обычно проходит замечательный парад, в котором участвуют войска и гражданское население. На этот раз для участия в параде пригласили также членов успешной экспедиции на Эверест. Мне захотелось увидеть моих товарищей на параде, поэтому я попросил установить в палате телевизор. К сожалению, сделать этого не удалось, а я еще не настолько окреп, чтобы меня можно было перевезти в общую палату. Так мне и не удалось увидеть моих друзей, когда они проходили мимо трибуны, где стоял президент Индии, приветствовавший их достижения, мимо Ворот Индии (памятника героям войны), по Конноут-Плейсу (деловому центру столицы), мимо Красного форта, сыгравшего такую важную роль в истории Индии.

Однако меня ждал приятный сюрприз. После обеда под моим окном закрипели тормоза и остановились какие-то машины. Вскоре у моей постели стояли товарищи по восхождению на Эверест. Когда закончился парад, они тут же направились в госпиталь. Среди моих

гостей были и Рават и Пху Дорджи, с которыми я поднимался на вершину в одной связке. Пришел ко мне руководитель экспедиции капитан III ранга Коли. Он обнял меня так же горячо, как когда-то после спуска с вершины. Однако его объятия напомнили мне, каким я стал теперь и каким был во время экспедиции.

Хотя я навсегда останусь членом нашего небольшого «эверестского братства», я уже никогда не смогу подняться по горным склонам. Эта мрачная мысль (конечно, я скрыл ее от друзей) тяготила меня недолго. Если даже я и не смогу больше заниматься альпинизмом, то все же должен быть счастлив, что мне удалось подняться на Эверест. Вскоре друзья ушли. Меня тронули прощальные слова Пху Дорджи:

— Я пойду в монастырь Тьянгбоче и попрошу главного ламу особо помолиться за тебя.

Я с грустью вспомнил монастырь, ярко-красные крыши которого четко вырисовывались на фоне вечных снегов и курившейся вершины Эвереста, и мне стало грустно.

Еще в детстве я полюбил горы, ведь мы жили в Симле, у подножия Гималаев. Зимой лужайка перед нашим домом была покрыта снегом. Из досок мы делали санки и катались по снегу. Тогда мне и в голову не приходило, что я когда-нибудь окажусь в зоне вечных снегов. Совсем мальчишкой, в Симле, я мечтал познать тайны гор. Чтобы осуществить мечту, потребовались годы самодисциплины, упорного труда и невероятных усилий. И все же именно стремление, мечта влечет человека вперед — будь то ученый, пролагающий путь к новому открытию, поэт, мастер слова, или альпинист, вроде меня, жаждущий покорить новую вершину.

Болезнь положила конец моим альпинистским мечтам. Нужно было подумать о будущем. Неожиданно я понял, что в новых условиях мне предстоит покорить еще один Эверест. Каждый день приходила ко мне невеста. Конечно, ее потрясло мое несчастье, но она никогда не отчаивалась и не унывала. Она помогала врачам и сестрам и всегда подбадривала меня. Эта девушка удивительно быстро умела поднять мое настроение. В ее присутствии я почти забывал о своей болезни.

В те дни наши отношения казались чуть ли не идеальными. Но долго ли это могло продолжаться? Я счи-

тал своим долгом рассеять иллюзии. И тем не менее с каждым днем девушка становилась мне все ближе. Между нами установились замечательные отношения, и нарушить их у меня не хватало смелости. Мы мало говорили, но даже молча удивительно хорошо понимали друг друга. Она вообще не была разговорчива. Но и в этом молчании я угадывал ее затаенные мысли. Именно поэтому я чувствовал себя увереннее и понимал, что она привязана ко мне.

Однажды я осторожно намекнул ей, что не следует считать себя связанной обязательствами, взятыми до моего ранения. Пожалуй, настало время расстаться друзьями. Она разразилась слезами. Я почувствовал себя виноватым и сам еле сдерживал рыдания. Она подошла, приложила пальцы к моим губам и прошептала:

— Хари, пожалуйста, обещай мне, что никогда больше не повторишь этих слов.

Мне не хотелось ее обижать, но шли недели, месяцы, и я понимал, что никогда не стану полноценным человеком. Следовало набраться смелости и поговорить с нею всерьез. Как бы ни было болезненно расставание, но оно все-таки неизбежно. Однажды, во время ее посещения, я взглянул в окно. Там, в саду, цвели розы, жужжали пчелы, открывался чудесный светлый мир, хотя тьма окутывала мои чувства. Сестры ушли, и мы с невестой остались вдвоем. Она сидела на краю кровати и что-то мне рассказывала. Я взял ее руки в свои и проговорил:

— Так не может больше продолжаться. Ты знаешь, я инвалид. Как муж я буду только тяжелым бременем. Забудь меня и живи спокойно.

Она не приняла мои слова всерьез и весело, но с упреком сказала:

— Хари, ты забываешь свое обещание.

Я решил, что надо быть безжалостным и, если надо, даже грубым. Я крепко сжал ее руки и резко бросил:

— Хочешь выйти замуж за человека, который через восемь месяцев умрет? Ты же знаешь, что этот срок установили врачи.

Улыбка застыла на ее губах. Казалось, она была потрясена. Она заплакала:

— Хари, пожалуйста, не говори так!

Мне очень хотелось сгладить впечатление от моей

грубости. Но я знал, что иного пути у меня нет. Воцарилось молчание. Мои пальцы коснулись обручального кольца на ее руке. Я хорошо помнил, где и когда я купил его. Незадолго до экспедиции на Эверест мы с мамой ездили в Агру, туда, где словно серебряная бабочка на фоне жаркого тропического неба парит мавзолей Тадж-Махал. Его построил могольский султан Шах-Джахан в память своей жены Мумтаз-Махал, и я решил, что лучше всего купить обручальное кольцо именно здесь, где находится памятник, построенный в честь великой любви. Было воскресенье, и магазины не работали. Я упросил одного ювелира открыть магазин и купил кольцо.

Я не мог без слез смотреть на невесту. Мы долго молчали. В душевной агонии, измученный, я закрыл глаза. Когда я открыл их, она уже освободила свою руку и ушла.

Больше я никогда ее не видел.

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Мои воспоминания о раннем детстве связаны с Симлой, где я жил в возрасте четырех-пяти лет. Наша семья снимала небольшой коттедж в долине Фагли, откуда за час можно было пешком дойти до торгового центра города. Отец работал инженером в Центральном управлении общественных работ и отвечал за порядок в вице-королевском дворце. Я любил подниматься с ним по крутой тропе, ведущей к торговому центру, а затем быстро сбегать к нашему коттеджу.

Если отец был занят или уставал после работы, я отправлялся по магазинам с мамой. Она покупала овощи, фрукты и другие продукты питания. Иногда мать нанимала носильщика. В годы британского господства местных носильщиков презрительно именовали *кули*. Теперь мы не употребляем этого слова, хотя для тех, кто еще отягощен старыми привычками, эти люди остаются «кули». Мать не разрешала мне носить покупки. Однако, когда я подрос, я брал с собой небольшой рюкзак и нес в нем фрукты и другие продукты. Я гордился тем, что стал сильным и могу помогать матери.

С нетерпением я ждал воскресных дней и разных праздников. В такие дни мы ходили в гости к родственникам. Лучше всего запомнился мне в Симле дом деда (со стороны матери). Он находился возле торгового центра, на Молле, и дом тетки моей матери в Кайтху, на другом конце Симлы. Дед занимал верхний этаж двухэтажного дома. Все комнаты выходили на веранду. В гостиную и столовую детей не пускали, и обычно дед встречал нас в отдельной комнате.

В моих воспоминаниях о детских годах особое место занимает внушительная фигура деда. Он был одним из первых индийцев, получивших офицерский чин в Королевском медицинском корпусе Индийской армии², стал капитаном, что тогда было большой редкостью. Глубоко верующий сикх гордился и своей религией, и профессией. Его день начинался рано — в четыре часа утра. Дед обливался холодной водой даже в зимние месяцы, когда в Симле бушевали метели. Затем после часовой молитвы выходил на прогулку. В половине восьмого он верхом отправлялся с визитами к пациентам, а затем — в госпиталь. У деда была спокойная, красивая лошадь золотистой масти. За дедом повсюду следовал и его рыжий кокер-спаниель. Всадник, конь и собака, медленно шествующие утром по городу, представляли собой незабываемое зрелище.

Деда в Симле все жители хорошо знали, любили и уважали. Он был очень добрый и, казалось, прекрасно понимал проблемы других людей. Я восхищался его воинской формой и стеком, который он всегда носил под мышкой. Особенно доволен бывал я, когда дед разрешал мне (в сопровождении конюха) ездить верхом. С гордостью я проезжал по улицам. Лавочники узнавали меня и кричали:

— Вон едет внук капитана сахиба!³

Дед был вспыльчив, поэтому все, и даже бабушка, побаивались, когда он бывал не в духе. Только на одного члена семьи его гнев не распространялся — на мою

² Индийская армия — в данном случае официальное название сипайской армии периода колониализма, то есть армии, состоявшей из солдат (сипаев) — индийцев, руководимых главным образом английскими офицерами. Наряду с Индийской армией в Индии находились и английские королевские войска.

³ Сахиб (хинди) — «господин», почтительное обращение к старшему по возрасту, должности или общественному статусу.

мать. Он очень любил ее и никогда не бранил. Однако с нами, детьми, он мог быть суров и порой жесток. Помню, как однажды в воскресенье, когда мы его навестили, дед сказал, что всем детям — моим двум сестрам, младшему брату и мне, а также детям моего дяди, проживающим с дедом, — надо сделать прививки от брюшного тифа. Мы панически боялись уколов и искали места, куда бы спрятаться. Дед приказал всем выстроиться в ряд и приготовиться к уколу. Спасти было невозможно. Один за другим мы подходили к нему, и никакие слезы и крики не помогали; иглы не избежала ни одна детская ручка. Праздник потерял для меня свою прелесть. Моя рука разболелась, а к вечеру поднялась температура, поэтому пришлось отказаться от прогулки верхом.

В нашей семье довольно прочные военные традиции. Мой прадед служил в кавалерии. В то время, о котором я пишу, он жил в Мехловале, деревне наших предков, в районе Сиалкота. У деда Орден Британской империи и титул Кавалера Британской империи за службу в армии. Во время первой мировой войны он сражался в рядах Британской армии и получил от англичан много наград и большой участок земли в деревне.

Дед по линии отца — инженер, причем эту же профессию должен был избрать и мой отец. Дед — человек принципов. Он возглавлял большую семью. Ему не раз предлагали более высокие посты, но старик отказывался, не желая покидать Дели. Вместе с двумя братьями (мы называли их «большая тройка») он остался в Дели и всегда был душой нашей семьи.

Дом в Фагли у нас был очень удобный, но семья росла, и отец стал подыскивать более просторный. Мы переехали в коттедж Хишнаки, недалеко от Молла и дома деда. Нам очень понравился новый коттедж и его большой двор, хотя теперь я уже не мог ежедневно подниматься на гору и спускаться в долину.

Во дворе росли две яблони, но, когда мы приехали, яблоки еще не созрели. Родители запретили нам срывать зеленые плоды, но соблазн для меня и младшей сестры Гудди был слишком велик. Потихоньку мы нарвали яблок и ели их с солью. Нашему пиршеству скоро пришел конец. Как-то утром мать заметила, что на одной из больших ветвей не осталось ни одного яблока.

Конечно, мы отпирались, а моя старшая сестра Гурмит даже сказала матери:

— Биджи, наверное, дети дхоби⁴ сорвали яблоки.

Мать поверила и пообещала поговорить с сыновьями дхоби. Однако, когда мы вернулись из школы, мать явно была не в духе.

— А теперь говорите правду, — строго приказала она. — Кто все-таки сорвал яблоки?

Никакие отговорки не подействовали, и нас выпороли.

Эта история очень расстроила мою религиозную мать, считавшую, что дети должны всегда говорить правду. Во время вечерней молитвы, на которую собирались все члены семьи, она обратилась к богу с такими словами:

— О, боже, если ты даровал мне детей, сделай так, чтобы они были честны и правдивы и совершали добрые дела, которыми я могла бы гордиться.

После молитвы она еще раз напомнила нам, что надо всегда говорить правду, и приказала просить прощения у бога. В знак признания вины и обещания никогда не порывать мы должны были низко кланяться и касаться лбом пола. Я старался не очень сильно елозить носом по полу, но Гудди нос все-таки расшибла. Когда дед заметил ссадины у нее на носу, матери пришлось рассказать об всем, и ей впервые досталось от деда, который не признавал подобных наказаний для маленьких детей.

Нам сказали, что нынешней зимой в Симле было необычно много снега. Поэтому мать вязала свитеры, перчатки и чулки для всей семьи. Ей приходилось делать это ежегодно, так как связанные ею вещи к следующей зиме уже оказывались детям малы. Мы очень любили кататься перед домом по снегу на санках. Здесь был идеальный для этого пологий склон.

Мы соорудили санки из деревянных ящиков, а живший по соседству плотник прибил к ним полозья, чтобы они хорошо скользили. Мчась вниз на санях, мы представляли себя эскимосами из далекой холодной страны. Случались и аварии. Однажды, когда Гудди и я спускались с горы, наши санки перевернулись. Правда, мы не расшиблись, но Гудди сильно перепугалась

⁴ Д х о б и — человек, принадлежащий к касте прачек.

и с тех пор не желала больше со мной кататься. Я стал специалистом по катанию на санках, научился тормозить ногами, и аварий уже не случалось. Мать не возражала против наших занятий спортом, но иногда сердилась, что мы носим в дом снег и пачкаем полы. Она не разрешала входить в дом в уличной обуви. Перед сном мать мыла нам ноги.

Зима в Симле имеет свои особые прелести. Заснеженные ветви деревьев изумительно красивы, и в них сверкают, при свете поднимающегося или заходящего солнца, мириады разноцветных огоньков. Мы по-прежнему ходили в гости к деду. Особенно запомнился мне один визит. В тот день я впервые увидел махараджу. Дед устроил большой прием в честь посетившего Симлу махараджи Патиалы.

Дед тщательно готовился к этому дню и пригласил в гости всю элиту Симлы. Детей, конечно, на обед не пустили, и мы сгорали от любопытства. Я считал, что махараджа носит роскошный золотой шервани⁵ и чуридар⁶, ожерелья из бриллиантов и других драгоценных камней, а на тюрбане у него наверняка сверкает огромный бриллиант вроде «Кохинора». Я спросил отца, как выглядит махараджа, но его уклончивый ответ меня не удовлетворил. Дед не раз рассказывал о махарадже Бхаратпура, личным врачом которого он когда-то был. Ясно, что надо воспользоваться званым обедом, чтобы взглянуть на живого махараджу. Поэтому я попросил старшего двоюродного брата Джагмохана устроить так, чтобы я смог посмотреть на знатного гостя. Дед доверял Джагмохану и поручал ему следить за напитками для гостей и даже за тем, как готовили блюда.

Гости прибыли и сели за стол. Тогда Джагмохан провел меня в соседнюю комнату, откуда я мог наблюдать за ними в замочную скважину.

— Который из них махараджа? — шепотом поинтересовался я.

— В середине сидит, рядом с дедом, — ответил брат.

— Это тот, который одет в черный костюм? — спросил я, не веря своим глазам.

⁵ Шервани — длинный сюртук со стоячим воротником, с пуговицами от шеи до низа.

⁶ Чуридар — узкие длинные штаны, обычно закатанные снизу.

Брат утвердительно кивнул головой, а я был глубоко разочарован. Вместо блистательного махараджи я увидел весьма прозаичного вида пожилого человека.

В памяти сохранилось тяжелое воспоминание, связанное с гибелью дедушкиной лошади. Однажды утром, собираясь в школу, я заметил, что лошадь все еще на конюшне. Я заподозрил что-то неладное, так как дед уже ушел на работу, а ведь он всегда отправлялся на работу верхом. Я спросил бабушку, почему дед оставил лошадь дома. Она ответила:

— Лошадь заболела, и дед пошел пешком.

В школе я все время думал о лошади. После уроков я сразу же бросился на конюшню. Лошадь лежала, и возле нее стояли дед, врач с длинной трубкой в руках, конюх и собака Томми. Дед строго сказал мне:

— Иди-ка домой. Лошадь тяжело заболела.

Дома я рассказал обо всем матери, и она тоже заволновалась. Вскоре пришел слуга от деда и сообщил печальную весть — лошадь убили. «Почему же ее убили?» — думал я и не мог сдержать слез. Когда мы пришли на конюшню, она уже была пуста. Томми не вилял хвостом и не встречал нас веселым лаем. Он грустно сидел в углу веранды.

Дед сказал:

— Очень жаль кобылу, но пришлось пристрелить ее, чтобы избавить от мучений. Она съела какую-то ядовитую траву, и надежды на выздоровление не было.

Я потерял верного друга и с тех пор старался не ходить мимо конюшни.

Дед собирался бросить государственную службу и поселиться в Лахоре. Отправив лишние вещи в Мехловал, он приехал в Лахор, где мы в то время жили, и снял дом неподалеку от нашего, на улице Нисбет-Роуд. Во время летних школьных каникул решили в Симлу или Дели не ездить, а провести это время в Мехловале и испытать прелести сельской жизни. Мы уведомили о своем решении жившего в деревне прадедушку. Тот ответил телеграммой, что рад будет видеть нас, и обещал все приготовить к нашему приезду.

Путешествие в Мехловал было необычным. Моя тетя, две сестры и я выехали поездом из Лахора и к вечеру прибыли в Наровал, на конечную станцию, откуда надо было ехать на лошадях. На станции нас встретили

родственники, жившие в деревне Раб, где нам предстояло провести ночь. Прадедушка прислал слугу, поручив ему сопровождать нас до Мехловала. В Раб мы отправились на *тонге*⁷.

Лил дождь, и кругом были лужи и даже целые озера. Наутро, после сравнительно удобного ночлега в Рабе, я с изумлением узнал, что дальше мы поедем на мулах. Для поездки по проселочной дороге, размытой дождями, мулов считали самым надежным транспортным средством.

Я никогда не ездил на муле, и понятно, что забирался на него с опаской. Вскоре я почувствовал себя в седле увереннее, но тут, как назло, пришлось переезжать вброд небольшое озеро. Мул неожиданно сел в воду, и никакими силами мне не удавалось его поднять. Я до нитки промок и громко сетовал на тетку за то, что она заставила меня ехать на этом упрямом животном. Тогда она предложила поменяться мулами. Однако я предпочел идти дальше пешком вместе со слугами. Мы шли мимо бескрайних обработанных плодородных полей. Кукуруза метра на полтора возвышалась над другими культурами. Мы сделали привал, чтобы подкрепиться. Еду нам принес слуга из Мехловала.

Мехловал поразил меня прежде всего тишиной, чистым и свежим воздухом. Тетка (она бывала здесь раньше) показала мне наш большой родовой дом с двором и колодезем. Возле колодца в кресле сидел прадедушка, которому тогда было уже девяносто четыре года. Несмотря на свой возраст, в белой сильно накрахмаленной *курте*⁸ и *пайджаме*⁹, он выглядел довольно бодро. Мы с удивлением заметили, что он грыз поджаренные зерна *грама*¹⁰.

— Вот это да! — воскликнула Гурмит. — У него, должно быть, крепкие зубы.

— Да, причем собственные, — добавила тетка.

Прадедушка встретил нас тепло и каждого крепко обнял. Он был старостой (*ламбардаром*) Мехловала

⁷ Тонга — легкая двухколесная повозка индийского извозчика.

⁸ Курта — просторная мужская рубашка из белой хлопчатобумажной материи с большим вырезом спереди и сзади.

⁹ Пайджама — просторные штаны из легкой ткани.

¹⁰ Грам — вид гороха.

и пользовался здесь особым уважением. Нас представили и другим видным жителям Мехловала и соседних деревень, приехавшим на встречу с нами.

Вечером нас ждал роскошный ужин. Затем тетка поехала всех во фруктовый сад. Там росли апельсины и манго. Это было наше фамильное поместье. Сад занимал большую площадь, и пышная зелень радовала глаз. На следующее утро мы обошли весь дом и с интересом рассматривали коллекцию оружия и старинных вещей. Там были ружья и винтовки, пистолеты и штыки, старинный фарфор, большие медные фигуры животных и всевозможные вазы для цветов. Меня очаровала статуэтка лошади из фарфора. Много было здесь интересного.

Мой дедушка был личным доктором махараджи Бхаратпура и нередко получал дорогие подарки. Среди этих вещей я увидел меч с золотой рукояткой, инкрустированной драгоценными камнями. Говорили, что меч принадлежал одному из вождей времен махараджи Ранджита Сингха. Здесь находился также *ачкан*¹¹, сотканный из золотой нитки — зари. Дедушка надевал его, когда присутствовал на *дарбаре*¹² махараджи.

Тетка оказалась неплохим гидом. В дождливые дни, когда нельзя было гулять, мы слушали рассказы прадедушки о «старых добрых временах». За службу в армии он получил много наград, в том числе титул Сардара Бахадура. Он любил вкусно поесть и перед обедом выпивал две рюмки виски. К алкоголю у нас относились отрицательно, но военному это разрешалось.

В молодости прадедушка был знаменитым охотником. Он говорил, что благодаря охоте у него на обед всегда было два сорта мяса. Вокруг Мехловала водилось много фазанов, а иногда попадались и олени. Правда, прадедушка уже давно перестал охотиться. В то время, когда мы приехали к нему, он выполнял обязанности ламбардара — собирал налоги с заминдаров (землеплательцев) и улаживал мелкие споры в деревне.

Две недели в деревне пролетели быстро. Наступил день отъезда. Мы распрощались с прадедушкой. Старик

¹¹ Ачкан — мужская верхняя одежда, вид длиннополого кафтана

¹² Дарбар — съезд вассальных правителей при дворе сюзерена.

вдруг сильно загрустил. Ему не хотелось с нами расставаться. Он послал слуг провожать нас и, помня о моей неудаче с мулом, дал мне коня для поездки до деревни Раб. Обратное путешествие прошло спокойно. Отец с матерью встретили нас на вокзале в Лахоре. Скоро мы снова пошли учиться в школу, и началась обычная городская жизнь.

Отец был очень занят работой и почти никогда не гулял с нами. Но как-то в субботу он повез нас на машине в Амритсар посмотреть Золотой храм¹³. От Лахора до Амритсара всего пятьдесят шесть километров, но отец вел машину медленно и осторожно, и на дорогу потребовалось больше двух часов. Мать повела нас в храм и подробно рассказала об его истории. Меня поразили ее религиозность и глубокое знание истории сикхов и жизни сикхских гуру. В храме мы слушали *киртаны* (религиозные песни) и выпили святой воды.

К 1947 году обстановка в Лахоре ухудшилась. Нередко на целый день или на несколько часов из-за беспорядков закрывали школы. Дед на месяц нанял тонгу, на которой по утрам нас отвозили в школу, а после занятий доставляли домой. Владельцем тонги был старик Миян, мусульманин. Он очень любил детей, а его лошадь и тележка выглядели весьма опрятными. Лошадь звали Биджли («Молния»). Не помню, чтобы Миян когда-нибудь бил ее кнутом или палкой. Казалось, она понимала хозяина с полуслова. Достаточно было легонько шлепнуть ее по спине, как лошадь переходила на рысь. Миян говорил, что Биджли — дочь его прежней кобылы. Старик заботливо ухаживал за лошадю.

Однажды, когда мы собирались на занятия в школу, появился Миян, но без тонги. Он сказал деду:

— Дела идут все хуже. В нашем квартале убили человека. В эти дни я не смогу возить детей в школу. Советую и вам не отпускать их из дому.

Дед забеспокоился, так как в нашем районе мусульмане составляли большинство жителей. Нас буквально заперли в доме и не разрешили выходить даже на тер-

¹³ Золотой храм — главное святилище сикхов, существующее с конца XVIII в.; расположено посреди искусственного озера в г. Амритсаре. Получило название «золотой» по цвету медных куполов.

расу. Я потерял связь с сестрами, которые находились в школе Киннэрд, далеко от нашего дома.

Наступили тревожные дни. Напряженность в городе нарастала, и было уже много случаев убийств. Пылкие речи руководителей различных общин подогревали страсти. Судьба Лахора висела на волоске. Заседала комиссия по размежеванию границ, выступали представители индусов, мусульман и сикхов, решался вопрос о том, останется ли Лахор индийским или отойдет к Пакистану. Вскоре обстановка прояснилась — Лахор вошел в состав нового государства — Пакистана, и в общинах меньшинств — индусов и сикхов — воцарилась паника. Последним ударом оказался поджог индусского торгового центра Шахалми-Гэйт, что сломило сопротивление индусских торговцев. Ежедневно тысячи купцов и других жителей покидали город на поездах и автобусах. Они старались забрать с собой все что можно.

Отец в это время находился в Дехра-Дуне и очень за нас беспокоился. Он послал своего сотрудника-сикха сопровождать нас до Дехра-Дуна. Ему опасно было появляться на улице, ведь его сразу узнали бы по бороде, длинным волосам и тюрбану. Сикхи становились жертвами мусульманских фанатиков, поэтому мы отослали его обратно в Дехра-Дун и решили, что мои сестры и я отправимся вечерним поездом в Амритсар. Наши сестры все еще оставались в школе Киннэрд, и их нужно было оттуда выручать. В те тревожные дни исчезли автобусы и тонги, достать какой-либо транспорт было трудно, а идти пешком просто опасно. Мы позвали старика Мияна и попросили нам помочь. Он сразу же согласился отвезти меня в школу, но посоветовал не надевать тюрбана, чтобы не привлекать внимание прохожих. Я заплел волосы в длинную косу и попрощался с родными.

Уже в самом начале пути я воочию увидел трагические последствия раздела Индии. Я сидел на козлах рядом с Мияном. Он погонял лошадь и внимательно следил, не появятся ли хулиганы. Вдруг на дорогу вышла небольшая группа мусульман. Они кинулись к тонге. Вероятно, они заметили, что в коляске сидел сикх. Я даже слышал, как кто-то крикнул:

— Держите мальчишку — он сикх!

Миян понял, что дело плохо, и погнал лошадь. Один

из преследователей схватился сзади за тонгу, но Миян хлестнул его кнутом. Я дрожал от страха и вместе с Мияном покрикивал на лошадь. Биджли оправдала свое имя — не помню, чтобы лошадь когда-нибудь так быстро бегала. Мы спаслись от преследователей и до школы Киннэрд ехали не останавливаясь. По дороге мы видели много изувеченных трупов в лужах крови. Я был перепуган и чувствовал себя беспомощным.

Школу охраняли вооруженные люди. Я встретился с директором школы и нашел сестер. Многие девочки уже уехали, другие собирались бежать. Миян не решался везти нас на вокзал, и директор обещала помочь с транспортом.

На прощание Миян обнял меня и сказал:

— Да сохранит тебя Аллах. Я должен сейчас уехать.

Вечером за нами прислали закрытый военный фургон, и мы благополучно добрались до вокзала. На платформе царил хаос. Кроме беженцев из Лахора там были люди, бежавшие с севера, даже из Пешавара. Поезд был переполнен пассажирами. В купе для женщин с пятнадцатью местами поместились пятьдесят человек. Никто не знал, когда поезд отправится. Некоторые говорили, что он вообще не пойдет. Все волновались и нервничали.

Женщины испугались появления в их купе мальчика-сикха. Они опасались, что он накличет на них беду. Я чувствовал себя виноватым, но ничего не мог сделать. Наконец поезд тронулся, и мы облегченно вздохнули. Однако минут через пятнадцать он замедлил ход и остановился. Вероятно, на поезд напали хулиганы-мусульмане. Мы слышали крики и выстрелы. Женщины волновались. Одна из них сказала:

— Спрячьте этого мальчика. Они ищут сикхов и будут обыскивать все купе.

Гурмит не знала, что делать. Она хотела спрятать меня в туалете, но женщины сказали, что это место опасное. Меня засунули под сиденье, и я спрятался за складками сари старушки, сидевшей рядом с сестрой.

Весь путь до Амритсара, хотя мы преодолели всего пятьдесят шесть километров, был сплошным кошмаром. Поезд часто останавливался, и на каждой остановке мы слышали душераздирающие крики. По-видимому, людей вытаскивали из вагонов и избивали. Из-за темноты (бы-

до около полуночи) женщины дрожали еще сильнее. В целях безопасности поезд не освещался. Наконец он остановился на запасных путях, и кто-то воскликнул:

— Амритсар! Слава богу, мы, кажется, живы!

Мы не двинулись с места, пока не убедились, что прибыли действительно в Амритсар, а не на какой-нибудь разъезд. На платформе нас встретил человек с письмом от отца. Я облегченно вздохнул, сел у окна вагона и с ужасом стал вспоминать пережитое и подумал о том, какой трагедией оказался для Индии раздел.

Родители ждали нас в Дехра-Дуне на платформе. Встреча была радостной. После нашего отъезда из Лакхора дед уехал в Мехловал. Он рассчитывал, что после раздела деревня останется на территории Индии. Однако его ожидания не оправдались, и им с бабушкой пришлось бежать. То пешком, то автобусом, то поездами в течение месяца добирались они до Дехра-Дуна. По дороге им приходилось брести по полям, жить в покинутых домах, часто без еды и питья. Измученные и оборванные, добрались они наконец до Дехра-Дуна. Бабушке все-таки удалось спасти драгоценности — она зашила их в пояс. Мой замечательный прадед прибыл тоже в Дехра-Дун, но через неделю скончался. Ему так хотелось дожить до ста лет, но ужас раздела и последовавший за этим хаос, потеря всего, что было ему так дорого, ускорили его кончину. Он прожил девяносто шесть лет.

В Дехра-Дун приехали и мои двоюродные братья. Вместе с дедом и бабушкой они переехали в другой дом, неподалеку от нашего. Дом был большой, с огромным двором, в котором мы всегда играли. В саду росли манго, гуава, груши, папайя и овощи. Распорядок дня у дедки тоже изменился. Раздел Индии повлиял на его характер, и теперь он редко сердился. Дед стал очень религиозным, ел только вегетарианскую пищу и совсем отказался от алкогольных напитков.

Мать радовалась, что ее родители поселились поблизости от нашей семьи. Было решено, что все мальчишки поступят в школу «Академия св. Иосифа». Меня приняли в четвертый класс, а двоюродного брата Ди Пи ¹⁴ —

¹⁴ Автор называет своего брата инициалами его имени в английском произношении букв. Подобное обозначение принято в Индии и носит характер интимности и фамильярности.

в третий. Младшие братья и сестры учились в монастырской школе. Нам купили велосипеды, и по утрам мы велосело катили на них на учебу. «Академия св. Иосифа» находилась на улице Раджпур-Роуд, переходившей в шоссе. Оно вело к известному горному курорту Массури. Как и все публичные школы¹⁵, «Академия св. Иосифа» имела большую территорию со спортивными площадками. Школу содержали ирландские священники, сторонники суровой дисциплины. Игры были обязательны, и тренировки часто проводились на открытом воздухе, что было мне по душе. Я увлекался хоккеем, футболом и заинтересовался легкой атлетикой.

Дехра-Дун расположен в долине на высоте 1000 метров над уровнем моря. В цветущей долине было много мест для пикников. Таковы, например, горы Сивалик с городами Ришикеш, Чакрата и Массури. Климат Дехра-Дуна нежаркий, здоровый, и весь год здесь светит солнце. Мне нравилось это место. Здесь в отличие от Симлы не было суровой зимы, а летом не мучила жара — не то что в Лахоре.

Как-то в субботу мы решили совершить прогулку от Раджпура до Массури.

— Давайте на велосипедах доберемся до Раджпура, а оттуда отправимся пешком до Массури, — предложил Ди Пи.

Его идея нам понравилась, но у нас было только два велосипеда, поэтому пришлось ехать вдвоем на одном по дороге, которая шла двенадцать километров вверх до самого Раджпура. Предстоял довольно крутой подъем, так как Раджпур находился у подножия холмов, откуда уже пешком поднимались к Массури. Я был счастлив, так как впервые после Симлы снова шел в горы.

У нас были друзья, Бхим и Пуран, с которыми мы здесь познакомились, а также Раскин Бонд, учившийся с нами, но живший в Дехра-Дуне с матерью. Ди Пи и я поднялись утром часов в пять. По дороге нам предстояло заехать за Бхимом и Раскином Бондом, которые жили в Ашли-Холле, недалеко от школы. Со мной на велосипед сел Бхим, а с Ди Пи — Раскин, и мы отправились в Раджпур. В гору ехать было тяжело.

¹⁵ Публичные школы — так в Англии, а по ее примеру и в Индии называют привилегированные учебные заведения для детей высокопоставленных и состоятельных лиц.

На крутых подъемах Бхим соскакивал, толкал велосипед, а затем на ходу прыгал на багажник. У него появилась идея:

— Давай я тоже поставлю ноги на педали, тогда мы вместе будем крутить их.

И действительно, это помогло. Иногда, правда, нога Бхима соскальзывала с педали, но все же велосипед двигался быстрее. Ди Пи был сильнее меня, и они с Раскином легче поднимались в гору. До Раджпура мы добрались за час и в половине седьмого утра отправились в Массури.

— Какое чудесное утро! — радостно воскликнул Раскин.

Он писал небольшие рассказы и умел хорошо описывать природу. Бхим учился со мной в одном классе и считался отличным учеником. Если у меня что-то не получалось, особенно по математике, я обращался к нему за помощью. Ди Пи был на класс моложе и тоже учился очень успешно. Уже целый год он считался первым учеником в классе. В хоккей и футбол он играл неважно, но увлекался легкой атлетикой, в частности бегом на короткие дистанции.

Мы начали подъем по выючной крутой тропе, вдоль гребня горы, которую украшали леса, ручьи и водопады. Однако идти было так трудно, что мы не успевали любоваться природой. Через некоторое время остановились, чтобы выпить чаю в маленькой чайной. Владелец ее был *пахари*¹⁶. Возле чайной находился чистый родник, к которому умело были приделаны труба и кран.

— Как хозяин чайной может жить с семьей в такой глуши? — поинтересовался я.

— Пахари привычны к таким местам, — ответил Раскин.

У хозяина имелась коза, корова и маленькая собака.

— Собака, наверное, караулит дом? — спросил я.

— Думаю, она способна только сторожить козу и корову, — ответил Бхим.

Дальше подъем был не такой крутой, и мы наслаждались прогулкой по лесу. Внизу виднелись зигзаги ас-

¹⁶ Па х а р и — собирательное название группы народностей, населяющих южные предгорья Гималаев от Кашмира до Непала (по данным на 1961 год их насчитывалось около трех с половиной миллионов человек).

фальтовой дороги, ведущей от Раджпура до Массури. На машине от Дехра-Дуна до Массури можно доехать за час с четвертью. Мы рассчитывали проделать путь от Раджпура часа за два. Однако мы двигались медленно и покинули чайную часов в восемь. Пройдя мимо школы-интерната Оак-Гроув, которую содержало Управление индийских железных дорог, мы поднялись к местечку Барлоу-Гандж, где находится колледж св. Георга. Колледж мы видели издалека, его белое здание одиноко стояло на вершине холма, служа хорошим ориентиром. Наша школа в Дехра-Дуне являлась его филиалом. Поскольку мы никого в колледже не знали, то прошли мимо. В Массури, как и в других горных курортных городах, было несколько школ, где учились дети из разных районов Индии.

Часам к двенадцати мы добрались до Ландаур-Базара в Массури. Шел конец марта, курортный сезон еще не начался, и народу на улицах было немного. Магазины по случаю выходного дня не работали. Погуляв с полчаса, мы отправились пообедать в один из ресторанчиков. Там мы съели горячих *пури*¹⁷ с овощами. Простой обед нам понравился — мы сильно проголодались.

Родители приказали нам вернуться домой до наступления темноты. Было около трех часов, когда мы пустились бежать вниз по тропе, спотыкаясь о камни. Раскин не желал следовать за нами, но мы тянули его за собой. Когда мы пришли в Раджпур, еще не было и пяти часов. Теперь предстоял легкий спуск на велосипедах. Мы ехали быстро и в половине шестого прибыли домой.

От этой первой прогулки в Массури мы устали. У нас были стертые ноги и болели мускулы. Экскурсия пробудила у меня страсть к путешествиям, мне хотелось бродить дальше и больше. Мои друзья тоже приохотились к путешествиям, и каждый месяц мы отправлялись на экскурсии. На велосипедах мы объездили все окрестности, посетили Ришикеш, Чакрата, Райпур и многие другие живописные места.

Индийская военная академия находилась в Дехра-Дуне. На Ди Пи и на меня производили огромное впечатление.

¹⁷ Пури — жаренная на топленом или растительном масле пшеничная лепешка.

чатление выпускные парады академии и курсанты, разгуливающие по Дехра-Дуну в яркой форме. Мы решили стать военными, хотя знали, что конкурс при поступлении в Индийскую военную академию очень велик, и лишь немногие отвечали тем требованиям, которые предъявлялись к абитуриентам. Возможно, на мое решение стать военным повлияли также дед и прадед — они много рассказывали мне об армейской жизни. Однако отец мечтал, чтобы я стал инженером.

В 1952 году отца перевели в Калькутту. Туда переехала и вся наша семья. Братья и сестры поступили учиться в калькуттские школы, а я на несколько месяцев до выпускных экзаменов остался с дедом в Дехра-Дуне. После экзаменов я отправился на каникулы к родителям.

Калькутту я увидел впервые. Отец снял квартиру на четвертом этаже большого дома. Город поразил меня. Я не привык к такому многолюдью и с интересом бродил по Калькутте. Большое впечатление произвел на меня громадный мост Хоура через реку Хугли. Под ним проплывали суда и моторные лодки. Темп жизни в городе потрясал. Родители, братья и сестры здесь уже освоились, но я чувствовал себя не в своей тарелке. Мне казалось, что в Калькутте слишком много народу, а город грязный и душный. Я привез с собой велосипед, но родители не разрешали мне кататься на нем по городу. Иногда я все-таки вытаскивал велосипед на улицу и катался в парке возле Хугли. Люди считали меня ненормальным, но для меня катание на велосипеде было единственным физическим упражнением.

Каникулы кончились. Я был зачислен в колледж св. Георга (Массури). Счастливый, я мечтал поскорее возвратиться в горы. Колледж занимал большую территорию. Футбольное поле использовалось также и для игры в хоккей. В противоположность зеленым травяным полям в Дехра-Дуне здесь на спортивных площадках грунт был твердым. В колледже имелось туристское общество. Я заинтересовался фотографией и вступил в клуб фотолюбителей. Пытался заняться и скалолазанием. Иногда с удовольствием стоял на холме, где находился колледж, и глядел на серпантин дороги в Дехра-Дун, по которому мчались казавшиеся издали заводными игрушками автобусы.

Наш преподаватель физкультуры, Гринвуд, увлекающийся альпинизмом и боксом, прививал нам любовь к спорту. Он всегда подчеркивал, что именно такой вид спорта помогает мужчине стать сильным и выносливым. Чтобы не обижать его, я занимался боксом, хотя особого влечения к нему не чувствовал. В конце концов я распрощался с боксом — не хотелось ходить с разбитым носом.

В колледже у меня появились друзья. Ближе всего ко мне был Сатпал, сын нашего всеми уважаемого учителя математики Муншиджи. Он интересно вел занятия по математике и был добр к своим ученикам. Помню также А. П. С. Чаухана, который, как и я, позднее стал военным, и мы даже вместе жили в Гульмарге. Однако и меня и других товарищей раздражало его увлечение мистикой.

Я по-прежнему добирался до Раджпура пешком по выючной тропе, хотя это не всегда разрешалось. Иногда в субботний вечер я просто ускользал из колледжа. Если мое отсутствие замечали, выручал Сатпал. Он заверял, что я в колледже или клубе фотолюбителей. В таких случаях я оставался ночевать у деда в Дехра-Дуне и возвращался в Массури в воскресенье утром. Эти прогулки были утомительны, но я ими наслаждался.

Занятия шли успешно, неплохо обстояло дело с пешим туризмом, экскурсиями и фотографией. Однажды я встретился с группой альпинистов, возвращавшихся с гор, и с интересом слушал их рассказы. Оказывается, они совершали восхождение в зону вечных снегов. На них были альпинистские костюмы, высокогорная обувь, шли они с рюкзаками и ледорубами. С волнением я прикасался к рюкзакам, обуви, трогал ледоруб. Тогда я еще не знал, как важен ледоруб для альпиниста. Когда спортсмены ушли, я обратился к Гринвуду:

— Мистер Гринвуд, как вы думаете, могу я присоединиться к этим парням, когда они отправятся в экспедицию?

Его ответ разочаровал меня:

— Это невозможно, у тебя нет ни опыта, ни времени. А мы не можем организовать экспедицию из учеников колледжа св. Георга, так как это стоит очень дорого. Лишь богатые учебные заведения, вроде школы Дун, могут такое себе позволить.

Я увлекался многими видами спорта, но больше всего меня привлекал альпинизм. Прочитав в библиотеке все имеющиеся в ней книги по скалолазанию и по технике альпинизма, я все время искал возможность самому испытать эту технику и приобрести практический опыт восхождений.

Приехав в Калькутту после очередных экзаменов, я снова оказался без дела. Рано утром я отправлялся на велосипеде к реке Хугли. Там движение было поменьше. Это были мои единственные прогулки. Огромный город можно вынести только в ранние утренние часы. В такое время воздух еще более или менее свеж, но днем наступала жара, духота, а улицы заполняли толпы людей.

Родителей беспокоило мое будущее. Они не знали, какую профессию мне выбрать. Друзья и родные предлагали то одно, то другое. Одни говорили, что мне следует идти во флот, так как жизнь на море закаляет человека. Два моих друга служили на судне, которое каждые три месяца заходило в Калькутту. Их рассказы о заморских странах были интересны, но служба на флоте, с сидением взаперти на корабле, меня не привлекала. Однако, поддавшись уговорам родителей и друзей, я стал готовиться к экзаменам для поступления на военный флот. Письменный экзамен я сдал и поехал в Бомбей на собеседование. Когда вывесили список поступивших в учебное заведение, моего имени среди них не оказалось, и разговоры о флоте прекратились. Я поступил в местный колледж, избрав точные науки, и занялся математикой, физикой, химией.

Теперь все дни в Калькутте я трудился. Помимо учебы много занимался фотографией. Один из моих друзей, зная мой интерес к фотографии, подарил мне «Роллейкорд», и я смог отказаться от старинной фотокамеры отца с раздвижными мехами (я пользовался ею несколько лет). С новой камерой мое хобби приняло качественно новый характер. Я делал теперь снимки посложнее. Научился проявлять, печатать и увеличивать фотографии. Всем этим я занимался дома, превратив одну комнату в лабораторию. Я был буквально одержим фотографией.

У нашего соседа в Калькутте, мистера Дхиян Сингха, с которым мы подружились, семья была тоже боль-

шая. Его старшая дочь Сурджит и моя сестра Гурмит придумывали интересные прогулки с пикниками, вечеринки, походы в кино. Иногда мы плавали на лодках до «садов Эдема» и в другие места. Я купил кинокамеру и начал снимать любительские фильмы. Я запечатлел на пленку виды Хугли и лодки рыбаков, выходящие по утрам в море. Однажды я поплыл с рыбаками и отснял весь процесс — забрасывание невода, ожидание улова и вытаскивание невода с рыбой. Так я познакомился с жизнью рыбаков. После этого я более серьезно занялся киносъёмками и создал несколько короткометражных фильмов.

Несмотря на это увлечение, я скучал по горам и мечтал о днях, когда снова хлебну свежего горного воздуха и услышу пение птиц. Я готовился к экзаменам в Индийскую военную академию. Сдав экзамены, я прошел военную отборочную комиссию и был принят в Академию в Дехра-Дуне на двухгодичный курс, после чего должен был получить офицерский чин. Я радовался, что снова поеду в Дехра-Дун. Как приятно снова встретиться со старыми друзьями и посетить знакомые места! Но когда я оказался в стенах Академии, понял, что жизнь курсанта — это совсем не то, что я думал.

Было очень трудно, и я знал, что через это надо пройти. Впереди были два года учебы. Свободного времени почти не оставалось. Со старыми друзьями я виделся редко. На учебу и строевую подготовку уходила масса времени. В Академии царили строгие порядки. Жизнь становилась все труднее, выходить из заведения без разрешения начальства не разрешалось. Я даже подумывал бросить учебу. Старшие кадеты мучали младших. Как ни печально, но больше всего издевались парни, с которыми я был знаком в Дехра-Дуне (они поступили в Академию на год раньше).

Однажды старшие курсанты (я их хорошо знал) приказали мне пойти в чужую роту. Один из них затащил меня в комнату, где были еще два старших кадета, и тут я понял, что мне не сдобровать.

— Тебе следует искупаться, — заявил мне один.

Ребята заставили меня сбросить рубашку и брюки и втолкнули в ванную комнату. Там стояли два ведра с холодной водой. Кто-то вылил на меня из ведра воду. Дело было в феврале. Я дрожал от холода.

— Этого мало, — сказал другой кадет и выплеснул на меня содержимое еще одного ведра.

Было ужасно неприятно, но я стоял молча. Наконец, кадеты потребовали, чтобы я поставил себе на голову большой ящик. Они знали, что ящик тяжел и долго я его не продержу, но на мою просьбу помочь мне снять его с головы ответили отказом. Я разозлился, швырнул ящик им под ноги и крикнул:

— Идите к черту!

Оказалось, что ящик не был закрыт — крышка открылась и из него с грохотом на пол полетела битая посуда. В нем оказались и сломанные стенные часы. Один из кадетов закричал:

— Тебя накажут за грубое поведение!

Они угрожали, ругались, но я смолчал и вернулся в свою роту. Казалось, этот случай отрезвил их. Больше никогда они не приставали ко мне. Позднее я понял, что эти проделки, если они не выходили из определенных рамок, помогали новеньким быстрее привыкнуть к тяготам военной жизни и железной дисциплине.

Индийская военная академия расположена в семи-восьми километрах от города. Мне все не удавалось поехать в город на велосипеде. Первые полгода новичкам не разрешались отлучки, и они редко посещали город. К счастью, большую часть времени мы проводили на воздухе, хотя нам читали тоже и лекции. Учеба не доставляла мне особых хлопот, потому что я уже был знаком со многими дисциплинами, которые здесь преподавали.

Больше внимания в Академии уделяли строевой подготовке, физической тренировке, обращению с оружием и топографии.

Академия делилась на несколько подразделений, называвшихся по известным сражениям на фронтах второй мировой войны. Меня зачислили в подразделение Сангро, в которое входило сто пятьдесят курсантов. Начальство обращалось к нам так: «Джентльмены кадеты», или кратко «Джи Си». Ротой командовал высокого поста сикх — майор Бхагат Сингх, пехотный офицер. Особое внимание он уделял курсантам-сикхам — требовал аккуратно расчесывать бороды и завязывать тюрбаны. За любую провинность он их наказывал и твердил, что сикх не может выглядеть опрятно, если не будет

заботиться о своей бороде и тюрбане. Много времени уделял он и физической подготовке кадетов.

Нашим воспитателем был капитан Чопра из бронетанковых войск, человек строгий. Мы его побаивались. Он следил за нашим поведением даже в свободное от работы время.

— Пока вы учитесь в Академии, знайте, что и днем, и ночью вы всегда в строю. Не забывайте этого, — любил он повторять.

Не помню, чтобы капитан когда-либо улыбался. Он постоянно делал какие-то заметки в своей записной книжке. К моему удивлению, как-то капитан Чопра вызвал меня к себе и сказал:

— Мне кажется, вы мало участвуете в спортивных занятиях. Я вынужден сделать вам предупреждение.

Для меня это был удар, но я не протестовал, так как капитан не терпел возражений. Я лишь пробормотал:

— Так точно, сэр.

— Если вы не исправите дело до конца семестра, я переведу вас в младшую группу, и вы потеряете шесть месяцев, — добавил капитан.

Я снова повторил:

— Так точно, сэр.

— Вы свободны, — смилостивился капитан Чопра.

Я так и не понял, в чем моя ошибка. Пришлось усиленно тренироваться по вечерам, а в свободное время выполнять различные задания по физической культуре. Преподаватель физкультуры охотно пришел мне на помощь и согласился в выходные дни заниматься со мной отдельно. Я стал больше играть в хоккей и футбол. Я подружился с кадетами из своей роты. Так, одним из них был Судершан. Он хорошо играл в теннис и являлся помощником капитана теннисной команды Академии. Он убедил меня заняться и теннисом, так как это давало дополнительные баллы по физической подготовке.

Шла середина семестра, и мы много занимались. Некоторых курсантов заставляли дополнительно проходить строевую подготовку, а вскоре по субботам и воскресеньям заниматься ею заставили и меня. Офицер-воспитатель любил назначать дополнительные занятия именно в выходные дни, чтобы мы не ездили в город.

Однажды мы с Судершаном собрались в город, но на утро была назначена проверка винтовок. Во время

инспекции подошел капитан Чопра и захотел проверить ствол моей винтовки. Для этого кадет обычно ставил тыловую часть винтовки на сапог, то есть на черный фюз, и тогда можно увидеть, чист ли ствол. Когда капитан Чопра заглянул в дуло, он закричал:

— Один наряд на строевую подготовку, кадет Алуалла, за грязные сапоги!

Я удивился, как капитан сумел заметить грязь через ствол винтовки. Получив наряд, я, конечно, не смог поехать в город.

Судершану пришлось ехать одному. Вечером он возвратился и принес мне еды и две бутылки пива. В моей комнате был еще один курсант, Наринджер Сингх.

— Я принес вам пивца, ребята, — сказал Судершан.

Он частенько пил пиво, хотя алкогольные напитки в Академии запрещены. Я испугался.

— Не буду пить, — сказал я.

Наринджер Сингх тоже отказался.

— Все равно будете пить, когда пойдете в армию, так лучше начать сейчас, — заметил Судершан.

В конце концов он все же убедил нас выпить по полстакана. До этого мы никогда не пробовали алкогольных напитков. Я отхлебнул глоток, поморщился и с отпращением сказал:

— Это пить нельзя, такая горечь!

— Я знал, что с первого раза пиво тебе не понравится, — сказал Судершан. — Я привез лимонада, чтобы смешать с пивом. Пей, так приятнее.

Конечно, с лимонадом пиво стало лучше на вкус. Мы выпили по стакану. К счастью, никто об этом не узнал.

Я искренне считал, что не заслужил «предупреждения» за занятия физкультурой, но решил сделать все, чтобы убедить воспитателя в своих способностях. Я делал все возможное, чтобы попадаться ему на глаза, когда он появлялся на спортивных площадках. Мое усердие было вознаграждено. Перед концом семестра меня вызвал капитан Чопра. Я волновался, так как не был уверен, каково будет его решение.

— Вы делаете успехи, — сказал капитан.

— Да, сэр, — пробормотал я.

— Я снимаю предупреждение, но это не значит, что вам не нужно больше стараться. Если замечу, что вы разболтались, без разговоров снова дам предупреждение.

— Да, сэр, — сказал я.

В Академии я понял, что легче всего избежать недовольства начальства, если в ответ будешь ограничиваться двумя словами: «Да, сэр».

— Вы свободны, — бросил капитан, закончив беседу. Я облегченно вздохнул. Семестр завершился, а затем наступят каникулы. Проведя месяц с родными в Калькутте, я возвратился в Академию. Теперь нам приходилось заниматься еще больше, так как нас должны были произвести в офицеры.

Должен сказать, что предупреждение воспитателя помогло мне. Хотя оно и было снято, меня все больше интересовал спорт. Я принимал участие во всех играх. У Судершана я научился теннису. На третьем семестре нас отправили в лагерь, где учили жить «в условиях войны». Лагерь находились за городом, и, хотя мы уставали, жизнь здесь нам нравилась. Перед последним семестром я сопровождал команду Академии в Пуну, где проходили соревнования по хоккею, футболу и легкой атлетике с командами Академии национальной обороны. Там я встретился с двоюродным братом Ди Пи, который учился в этой Академии.

Во время последнего семестра нас снова направили в лагерь, на более долгий срок. Теперь воспитатель был доволен мною. Последний семестр оказался весьма успешным — в декабре 1958 года я был произведен в офицеры и назначен в Инженерный электромеханический корпус.

Родные и друзья присутствовали на выпускном параде, который стал крупным событием в Дехра-Дуне. К сожалению, отец и мать не могли приехать, зато была подруга моей сестры Сурджит, которая вышла замуж за хозяина чайной плантации. Прежде чем приступить к службе, я получил отпуск.

ГОРЫ ЗОВУТ

Я уехал в Секундерабад, где в Военном колледже инженеров-электриков и механиков проходил годичный курс по устройству автомобиля. Обстановка в Се-

кундерабаде была очень приятной. По сравнению с Академией, с ее суровой дисциплиной, этот колледж отличался либеральными порядками. Занятия по автомобильной технике не представляли труда. Мы изучали различные автомобильные двигатели и их части. У меня оставалось время и для спорта.

Возле Секундерабада возвышаются красивые скалы, так что можно было заняться скалолазанием. Иногда мы отправлялись на велосипедах до Хайдарабада, который находится от Секундерабада на расстоянии двенадцати километров. Фактически Секундерабад и Хайдарабад — города-спутники — их разделяет лишь мост. Местные жители мне очень нравились. У них приятные манеры, они хорошо воспитаны. Пешеходы соблюдали правила уличного движения, что довольно редкое явление в нашей стране.

Низам¹⁸ Хайдарабада считался самым богатым человеком в мире. В городе у него дворец. Я был поражен его красотой. Некоторые старые дворцы в Хайдарабаде заняты теперь военными организациями. Так, например, центральная офицерская столовая колледжа располагалась в одном из таких небольших дворцов. Некоторые дворцы представляют огромный исторический интерес.

Помимо регулярных лекций по специальности мы часто слушали выступления видных деятелей и специалистов. Помню, приезжал в Секундерабад бригадный генерал Гьян Сингх. Он прочел лекцию об альпинизме. Произошло это в январе 1960 года, за месяц до того, как возглавляемая им экспедиция на Эверест отправилась в горы. Накануне отъезда бригадного генерала многие пришли послушать его лекцию. Он был начальником Гималайского института альпинизма в Дарджилинге. Свою лекцию он иллюстрировал слайдами и фильмом под названием «Зов гор». Пожалуй, за год пребывания в Секундерабаде эта лекция стала для меня самым важным событием. После лекции я подошел к Гьян Сингху и спросил, что надо сделать, чтобы прослушать весь курс лекций в Гималайском институте альпинизма. Бригадный генерал отнесся к моей идее благосклонно и даже дал мне бланк заявления, который сле-

¹⁸ Низам — титул правителя княжества Хайдарабад (Центральная Индия, 1725—1948 гг.).

довало заполнить для поступления на начальный курс обучения в институте. Тут же, не теряя времени, я заполнил его, приложил к нему медицинскую справку и отправил в Дарджилинг.

После окончания курса в Секундерабаде меня распределили в мастерские в штате Джамму и Кашмир. Моя часть находилась в горах, и я с удовольствием пользовался возможностью совершать небольшие восхождения, хотя высоких гор здесь нет.

В начале 1961 года я получил уведомление, что могу прослушать лекции на начальном курсе института альпинизма. Однако мой начальник, полковник Капур, считал, что это занятие — напрасная трата времени. Армии нужны техники, получившие квалифицированную подготовку, так что о курсах, не имеющих никакого отношения к технике, не могло быть и речи. Однако мне так хотелось поехать на курсы, и я объяснил полковнику, что это займет всего сорок два дня.

— Курс, рассчитанный на сорок два дня, означает, что вас не будет в части два месяца, — отрезал полковник.

— Да, сэр, — сказал я.

Полковник Капур убеждал меня, что я совершаю ошибку и лучше было бы мне пойти на технические курсы. В конце концов он заявил:

— Раз уж вы так настаиваете, то используйте для этого свой отпуск.

— Да, сэр, — ответил я.

Так было получено разрешение, и я отправился в Дарджилинг.

Сначала по железной дороге с широкой колеёй я добрался до Лакхнау, а оттуда по узкоколейке до Дарджилинга. Поезд на Силигури (конечная станция перед Дарджилингом) уходил из Лакхнау рано утром. Было прохладно. Вместе со мной в купе ехал полковник Джасвал. В синей спортивной куртке и серых брюках он выглядел очень молодо. Я представился ему и с радостью узнал, что полковник едет на те же самые курсы, что и я.

Джасвал возглавлял Военную школу физической подготовки в Пуне и очень увлекался альпинизмом. Он прочитал много книг по этому вопросу. С собой в дорогу он взял «Тигр снегов». Эта книга — биография Тен-

инга Норгея. Мне очень захотелось ее прочитать. Я попросил полковника разрешить мне ее прочитать и так-то увлекся, что последние страницы дочитал на рассвете. Я мечтал встретиться в институте с Тенцингом.

Из Силигури (мы прибыли туда после обеда) на такси отправились в Дарджилинг. Узкоколейка, проложенная в горах, связывает эти две станции, но поезд по ней движется очень медленно. Туда быстрее доехать на автомашине. Мелькали типичные горные пейзажи, мало чем отличающиеся от пейзажей между Раджпуром и Массури. При приближении к Дарджилингу вдали показалась Канченджанга. Ее вершина в лучах заходящего солнца то голубела, то розовела. На фоне облаков и снега она казалась нарисованной. Я решил, что она недалеко от Дарджилинга, совсем рядом, но позднее узнал, что по прямой до Канченджанги около шестидесяти километров. Несколько поворотов и... мы оказались у главных ворот института. При въезде — барельеф с изображением двух альпинистов, поднимающихся на скалу, и надпись: «Покоряйте пик за пиком!» По-видимому, эти слова являются девизом института.

На начальном курсе альпинизма училось тридцать студентов. Это были люди разных профессий, приехавшие сюда из многих районов Индии. Среди них находились и несколько армейских офицеров. Встретил нас инструктор-шерп¹⁹ и провел в общежитие. Меня и полковника Джасвала поместили в одну комнату, и мы оставались вместе на протяжении всего обучения. Третьим в комнате был Суриндер, офицер торгового флота.

На следующее утро занятия начались со вступительной лекции, которую прочел Гьян Сингх. Вкратце он рассказал о программе курса. Нам предстояло провести неделю в Дарджилинге и совершать в порядке разминки неширокие прогулки. После этого мы должны были отправиться в базовый лагерь и пробыть там еще с неделей. Затем начиналась специальная подготовка — обучение скальной и ледовой технике. Мы с интересом узнали от начальника, что на выпускной церемонии по

¹⁹ Шерпы — народность в Непале и Индии (всего около пятидесяти тысяч человек по оценке на 1975 г.), родственная тибетцам. Их представители неизменно участвуют в высокогорных экспедициях в качестве носильщиков и проводников.

окончании курса согласился присутствовать премьер-министр Джавахарлал Неру.

В первый день мы прослушали вступительную лекцию начальника института, с нами также беседовали и инструкторы. Несколько дней мы осматривали достопримечательности Дарджилинга. Для этого пришлось много ходить пешком, совершать утомительные подъемы, но все это входило в наши тренировки. Каждый студент проходил медицинское обследование. До выхода в базовый лагерь нам выдали соответствующее снаряжение — ледоруб, куртку, спальный мешок и перчатки.

Поход начался со спуска с высоты 2000 метров над уровнем моря до 300 в Найя-Базаре. Пройдя по полям вдоль берега Ранджит, мы остановились в Риши. Отсюда на третий день пути мы добрались до местечка Легшип в Сиккиме. Транспорт пользоваться не разрешалось, полагалось идти пешком. К несчастью, после трех дней похода у меня появилась острая боль в коленной чашечке левой ноги, и мне трудно было идти вместе со всеми. Предстоял непрерывный подъем. Каждый шаг причинял мне мучительную боль. Я отстал и присел у дороги в нерешительности, что делать — то ли двигаться дальше, преодолевая боль, то ли вернуться. В это время подъехал джип. В нем сидел сам Тенцинг Норгей.

— Как чувствуете себя? — поинтересовался он.

— Да очень болит коленная чашечка, — ответил я.

Тенцинг взглянул на распухшее колено и спросил:

— А боль острая?

— Да, во время движения.

Он задумался, а затем спросил:

— Когда-нибудь у вас были такие боли раньше?

— Нет, никогда.

Шерп, сопровождавший Тенцинга, сказал:

— Сейчас мы отвезем Тенцинга на джипе, затем поедем назад в институт. Дело в том, что отстал еще один студент и его придется отправить в Дарджилинг. Возвращайтесь в институт на джипе.

Наступил мучительный момент. Я подумал, если вернуться, то конец моей альпинистской «карьере» и крах мечтам.

— Нет, не хочу возвращаться, — сказал я.

Тенцинг показал на гору и сказал:

- Понимаете, вам придется подняться почти на девятьсот метров. Сможете?

Я не знал, что ответить, и стоял молча. Тогда Теннинг достал небольшую баночку с мазью и протянул ее мне. Он посоветовал помазать колено мазью:

- Некоторое время старайтесь двигаться медленно и, если боль не прекратится, отправляйтесь назад.

Он уехал, а шерп остался со мной.

Я намазал колено мазью, завязал бинтом и медленно пошел вперед. К моему удивлению, боль стихла, и с помощью шерпа я мог идти в гору и добрался до Ганшдинга. Это небольшое селение находилось на вершине горы. Здесь были школа и рынок. Мы провели ночь на веранде школы, которая в это время пустовала. Перед сном я еще раз помазал мазью колено. К утру боль окончательно прошла. Это был решающий день в моей жизни. Речь шла о том, стану я альпинистом или нет.

На следующее утро я догнал своих товарищей — полковника Джасвала, Манохара Джилла и Суриндера, и мы продолжили поход вместе. Была весна, и склоны гор покрывала зелень. Цвели орхидеи и рододендроны. По дороге я сделал много снимков. Вскоре мы подошли к апельсиновым садам. Сопровождавший нас шерп предупредил:

Этот дом принадлежит ламе, и придется платить за то, что будете есть.

Непохоже, что здесь кто-нибудь живет. Кому же платить? — удивился полковник.

Шерп вошел в дом и вскоре вернулся с сыном ламы. Манохар дал мальчику рупию и сказал, что мы съели штук двадцать апельсинов. Парнишка попросил нас подождать, пока он подсчитает, правильно ли мы ему заплатили. Затем он появился с корзиной, полной апельсинов.

Берите еще тридцать штук — рупию стоят пятьдесят апельсинов, — объяснил мальчик.

Полковник предложил сыну ламы еще одну рупию, но мальчик отказался.

Мы шли еще часа три и вскоре заметили, что тропа сужилась, а подъем стал круче. Подул свежий ветерок. В конце мы оказались в последнем населенном пункте — в деревне Йоксам («Место встречи»). Она располо-

женá на высоте 1670 метров над уровнем моря. Когда-то эта деревня была столицей Сиккима. Согласно легенде, здесь, на месте Йоксам, встретились шедшие с трех сторон ламы и решили построить здесь столицу. Позднее столицу перенесли в Гангток.

Йоксам — красивая деревня, и здесь удобно было разбить лагерь. У местных жителей монголоидные черты лица. Они занимаются земледелием, разводят коров, свиней и птицу. В деревне есть старинный монастырь, и мы с полковником посетили его. По программе мы отдыхали здесь один день. Сначала мы отправились к озеру, расположенному поблизости. На следующий день снова двинулись в путь. Теперь мы шли по густому лесу. Приходилось пробираться через заросли бамбука и кустарника. Двигались с трудом.

Следующий привал — Бакким. Это место для лагеря не годилось. Лагерь никому не понравился, так как здесь было сыро и много пиявок. Мы без сожаления покинули Бакким и стали круто подниматься в гору. Сначала шли через бамбуковые заросли, но затем деревья исчезли, и мы вступили в зону без всякой растительности.

Когда мы достигли перевала Д'зонгри, начался снегопад. Снег шел весь день и ночь. Правда, на следующее утро сияло солнце. Затем мы двигались по сравнительно ровной местности. Под конец начался крутой подъем. Чем выше мы поднимались, тем идти было труднее. После обеда мы достигли места нашего базового лагеря Чаурикханг на высоте 4400 метров. Лагерь находится к юго-западу от Канченджанги, у самого ее подножия. Вокруг возвышались снежные вершины — Коктханг, Кабру, Ратхонг и другие. Первую ночь спать в палатках было трудно, так как приспособление к высоте требует определенного времени.

Нам дали отдохнуть еще один день, а затем снова начались тренировки. Нас разбили на группы по шесть человек. Моим инструктором был Анг Темба, крепкий парень и хороший скалолаз. Возле базового лагеря находились невысокие скалы. Анг Темба учил нас основным элементам скалолазанья. Два человека из нашей группы заболели, и Ангу Тембе пришлось с ними спуститься, поэтому остальных передали другим инструкторам. Я попал в группу Тенцинга. Я следил за каждым его шагом, подражал ему и учился у него, как пользо-

ваться снаряжением. Тенцинг никогда не терял самообладания. Именно ему я обязан своими познаниями и навыками в технике передвижения по снегу, спасения людей из трещин, методах страховки и другой технике альпинизма.

На меня, жителя долин, огромное впечатление произвели горы, на которых никогда не тает снег. Я впервые увидел ледники, лавины, трещины и морены²⁰. Природа предстала перед нами во всем своем величии. Однако время летело быстро, и скоро наше недельное пребывание в лагере окончилось. Мы пошли назад, в Дарджилинг. Те, кто успешно окончил курс, с нетерпением ждали выпускного вечера. Кратковременный курс дал мне возможность прочувствовать, что такое настоящие снежные горы, и еще больше подогрел желание стать альпинистом. Я надеялся, что получу хорошую оценку и право на занятия по повышенному курсу.

Приезд премьер-министра Дж. Неру стал важным событием в жизни института альпинизма. На выпускной вечер в институт прибыли также Б. К. Рой, бывший главный министр штата Западная Бенгалия, и Х. К. Сарин. Гьян Сингх познакомил Дж. Неру с преподавателями института. Как и полагается, выпускная церемония была яркой и пышной, а мы гордились тем, что премьер-министр прикрепил каждому на грудь значок — серебряный ледоруб. Я получил право пройти повышенный курс.

В мае 1961 года я возвратился в свое подразделение и с радостью узнал, что мой товарищ по курсу Вишну переведен к нам, а младший брат моего отца капитан Кулвиндер, почти мой ровесник, также служит неподалеку. По праздникам мы собирались все вместе и совершали чудесные прогулки в горы. Полковник Капур, убедившись, что я всерьез занялся альпинизмом, стал приглашать меня с собой на экскурсии в горы. Во время одной из таких прогулок он спросил, не собираюсь ли я пройти курс повышенной подготовки по альпинизму. Поскольку в начале следующего года мне предстояла поездка в Пуну для дальнейшего обучения на инженера-электромеханика, я сказал Капуру, что предпочел

²⁰ Морена — скопление обломков горных пород, перенесенных ранее или переносимых движущимся ледником.

бы пройти курс повышенной подготовки по альпинизму в этом году — в сентябре — ноябре. Тогда полковник Капур предоставил мне отпуск в ноябре для занятий в институте.

В ноябре я снова приехал в Дарджилинг. На этот раз на курсе было только тринадцать студентов, и среди них мой старый знакомый, полковник Джасвал. Гьян Сингх сказал, что из Бомбея прибыла группа кинооператоров, которая будет снимать фильм о нашей тренировке. Поскольку я разбирался в фотографии, он попросил меня помочь операторам и представил руководителю группы — Н. С. Тапе. Тот объяснил, что предполагаемый фильм «Песни снегов» прямого отношения к нашим занятиям не имеет. Просто он хочет снять высокогорные пейзажи. Мне было также приятно познакомиться с лейтенантом Коли (он отвечал за снаряжение и инвентарь института и являлся членом первой индийской экспедиции на Эверест в 1960 году).

Больше всего я подружился с горцем Тапой и членами его группы во время похода к базовому лагерю в Чаурикханге. Раньше я снимал только восьмимиллиметровыми камерами, а теперь, работая с Тапой, и его тридцатипятимиллиметровыми. Это были большие профессиональные камеры, но принцип работы оставался тем же. Тапа помогал мне и объяснял все тонкости обращения с аппаратурой. Фильм делали по инициативе премьер-министра Дж. Неру, любовь которого к горам хорошо известна. Тапа уже отснял много документальных фильмов. Он делал все, чтобы новый фильм получился удачным.

К сожалению, в базовом лагере все члены киногруппы, кроме Тапы, заболели. Это затрудняло работу, но Тапа решил не терять времени и продолжал съемки без коллег. Плохо себя почувствовали и некоторые студенты — их пришлось оставить. Небольшая группа, в которую входили полковник Джасвал, Тапа, несколько студентов и я, отправилась к передовому базовому лагерю, расположенному около скалистого пика Фрей (высота 5776 метров). Передовой базовый лагерь находился на высоте 4864 метра, и трудное восхождение на пик Фрей входило в нашу программу. Еще в Дарджилинге лейтенант Коли сказал, что из-за плохой погоды и других трудностей в этом году никто из студентов не смог

подняться на этот пик. Он добавил, если кому-нибудь из нашей группы это удастся, у него будет шанс участвовать во второй индийской экспедиции на Эверест, выход которой намечался на февраль 1962 года.

Помня этот разговор, я упорно старался овладеть техникой альпинизма и учился фотографировать. Я снимал сам и помогал Тапе. Мы исходили всю территорию около передового базового лагеря вдоль и поперек, фотографировали ледники, трещины и большие сосульки, сверкавшие, словно бриллианты, на фоне синего неба. Затем мы разбили лагерь у подножия пика Фрей. Отсюда мы должны были начать восхождение. Пик назван именем Фрея — альпиниста, который вместе с Тенцингом в 1952 году поднимался на этот пик, но, к несчастью, на полпути к вершине сорвался со скалы и погиб. Он упал почти в том месте, где мы разбили лагерь. Тенцинг похоронил его. Теперь он показал нам «могилу» Фрея, и мы увидели ботинки и ледоруб альпиниста, торчавшие из-под снега.

Рано утром мы начали восхождение. Кроме полковника Джасвала, Тапы и меня с нами пошли инструкторы шерпы. В первый день, когда мы уже проделали около половины пути, поскользнулся полковник Джасвал. К счастью, веревка, соединявшая его со мной, была хорошо закреплена, и он лишь немного поранил руки и колени. После этого несчастного случая мы не могли продолжать восхождение и стали спускаться. Неудача огорчила нас, но с согласия полковника Тапа несколько шерпов и я наутро решили предпринять новую попытку.

Благодаря опыту предыдущего дня сначала мы поднимались весьма успешно, но вскоре заметили, что скалы очень непрочные. Опасность заключалась в том, что на этих неустойчиво лежащих камнях могли соскользнуть кошки²¹ или посыпаться сверху камни. Так оно и произошло — камень упал на рюкзак Тапы, но, к счастью, все обошлось благополучно.

Тем не менее мы продолжали восхождение и к полудню были на вершине. Там лежал снег. **Взволнованный**

²¹ Кошки — металлические приспособления с десятью или двенадцатью острыми зубьями, надеваемые на обувь для улучшения сцепления с поверхностью крутого склона, покрытого льдом или твердым снегом.

Тапа снимал редкие по красоте пейзажи. Ему еще никогда не приходилось фотографировать с такой высоты. На вершине я почувствовал прилив сил.

Вконец измученные, после полудня мы спустились в лагерь и присоединились к полковнику Джасвалу и другим членам нашей экспедиции. Тенцинг, остававшийся в базовом лагере, видел, как мы подняли на вершине государственный флаг. Он послал нам приветствие и кекс, испеченный в Чаурикханге.

После тренировки мы возвратились в Дарджилинг. Гьян Сингх и Коли были очень довольны нашим успехом, а позднее Коли намекнул, что, возможно, меня включают в индийскую экспедицию на Эверест 1962 года. Наконец я получил аттестат об окончании курса в институте альпинизма, в котором говорилось, что я подготовлен для высокогорных экспедиций.

Когда в январе 1962 года объявили состав индийской экспедиции на Эверест, моего имени в нем не оказалось. Немного позднее военные власти решили послать армейский отряд для восхождения на еще не покоренную вершину Коктханг (высота 6000 метров над уровнем моря). И я с радостью узнал, что включен в состав этой экспедиции.

Во время тренировок я провел разведку горы Коктханг, соседней с пиком Фрей и похожей на длинный гребень. В армейский отряд входили: майор Рана, руководитель экспедиции, майор Равиндер Сингх, капитан Г. Ао, альпинист и военврач, капитан Чоудхури и я. Мы вышли из Дарджилинга 11 апреля с восемью носильщиками и двумя тоннами снаряжения и припасов. Поскольку меня назначили «квартирмейстером» экспедиции, вся упаковка грузов проводилась под моим наблюдением на складах в Силигури.

Из Дарджилинга мы пошли тем же путем, что и во время курсов начальной и повышенной подготовки. День мы провели в Йоксаме — проверяли упаковку грузов и с большой пользой беседовали с Тенцингом о предстоящем восхождении на Коктханг. С перевала Д'зонгри мы двинулись новым путем и, пройдя через долину, прибыли к месту базового лагеря на высоте 4727 метров на юго-западе от пика (отсюда он не виден из-за заслонявшего его хребта). Когда мы пришли в базовый лагерь, шел снег.

В связи с плохой погодой нам пришлось сократить период акклиматизации. Несмотря на сильный снегопад, удалось разбить Лагерь 1 на высоте 5170 метров, а Лагерь 2 — на высоте 5470 метров. Путь за Лагерем 2 оказался очень тяжелым, и пришлось преодолевать трещины, прежде чем установить Лагерь 3 на высоте 6930 метров на пологом склоне горы. Гомбу, инструктор-шерп, считал, что здесь можно было бы устроить хорошую лыжную базу.

В три часа утра 26 апреля мы начали восхождение на вершину. Я шел в связке с шерпами Гомбу и Дорджи, за нами следовал руководитель экспедиции и еще один шерп. Несмотря на плохую видимость и трудность подъема, мы упорно продвигались вперед. Подъем с левой стороны был рискован из-за лавин, а с правой — потребовал бы много времени на преодоление ледовых препятствий. Мы решили, что лучше всего подниматься по центральной части склона горы. Пошел сильный снег, но это нас не остановило, и после семи часов мучительного восхождения мы достигли вершины.

Пожалуй, трудно описать ощущение, которое испытываешь, когда оказываешься там, куда никогда не ступала нога человека. Небо расчистилось, и мы сделали несколько снимков. Отсюда видны были и другие вершины: Джану, Канченджанга, Ратхонг и Кабру. Трудно было оторвать взор от величественной панорамы могучих вершин, но время шло, и мы спешили вернуться. Действительно, в лагерь мы попали, когда было уже темно. Мы взяли с собой один-единственный фонарь и с трудом разыскали лагерь. Хотели даже вырубить нишу во льду и в ней переночевать, но тут кто-то из нас заметил лагерь, и, шатаясь от усталости, наконец-то мы добрались до ночлега.

По Всеиндийскому радио мы слушали сообщения о том, как проходит вторая индийская экспедиция на Эверест во главе с майором Джоном Диасом. Когда мы уже спускались, то поймали передачу об успешном завершении нашей экспедиции. Услышали и о том, что восхождение на Эверест пришлось отложить из-за плохой погоды. Капитан третьего ранга Коли, Сонам Гьятсо и Хари Данг, составлявшие штурмовую группу, оказались в ста двадцати метрах от вершины, что само по себе являлось большим достижением. Однако до вер-

шины они не дошли, и из-за раннего прихода муссонов экспедиции пришлось возвратиться. Обе попытки индийских альпинистов покорить Эверест закончились неудачей. Предпримет ли Индийское правительство третью попытку и будет ли она успешной? Я надеялся, что в ближайшие два года, пока я буду проходить курс в Военном инженерном колледже, третью попытку не предпримут.

Когда мы поднимались на пик Коктханг, французская группа прилагала отчаянные усилия для покорения соседней вершины Джану. Эту трудную для штурма гору французы пытались покорить уже несколько лет, но все безуспешно. Несмотря на неудачи, они сделали новую попытку и все-таки покорили вершину. Думаю, если бы индийцы проявили такую же настойчивость, они покорили бы Эверест.

В начале июня мне предстояло поступление в Военный инженерный колледж в Пуне для прохождения двухгодичного курса и получения степени бакалавра. Меня не очень тянуло в колледж, так как приходилось на время бросить занятия альпинизмом.

Июнь на равнинах Северной Индии жаркий и пыльный, но в Пуне было сравнительно прохладно. Ее климат отличался от климата Секундерабада. Колледж расположен в Кирки, пригороде Пуны, на трассе Бомбей—Пуна. Внушительные корпуса колледжа видны издали и занимают обширную территорию — административный, механический, инженерный и электротехнический. Кроме того, здесь имелась большая аудитория и летний театр. Около спортивных площадок — клуб с бассейном и полем для гольфа. Для практических работ построена действующая узкоколейка. Колледж расположен около реки. Есть своя лодочная станция, и студенты часто катаются на лодках. Любимый праздник — «Бал майской королевы», или «Речной танец» — проводится на огромном плоту, на реке.

На нашем курсе учились двадцать офицеров. Это была сплоченная дружная группа, поскольку все мы до того учились вместе в Секундерабаде и знали друг друга. Общежитие располагалось в двухэтажном здании около столовой. Мой старый компаньон Вишну жил в соседней комнате. Приятная атмосфера в колледже и общежитии мало чем отличалась от обстановки в других

учебных заведениях, но здесь мы должны были носить форму и уделять много внимания физическим тренировкам.

Рабочий день начинался в семь часов пятнадцать минут утра с получасового занятия физподготовкой. Классные занятия продолжались до половины второго с пятнадцатиминутным перерывом. После обеда классов не было, но полагалось заниматься спортом. Затем мы могли ездить в город, тем более что у многих были мотороллеры, а кое-кто имел автомашины. Занятиями нас не утруждали, и если не рвался в отличники, то за час можно было выполнить все домашние задания.

Что касается Вишну и меня, то у нас оставалось достаточно времени для поездок к друзьям в город. Правда, к экзаменам такие поездки пришлось сократить и заняться учебой всерьез. Мне нравилась в колледже система занятий с экзаменами в конце каждого семестра, длящегося три месяца. Затем начиналась учеба по новым дисциплинам. Такая система оставляла много времени для спорта. Я часто ходил в клуб фотолюбителей при колледже, иногда играл в гольф или катался на лодке. Здесь был прекрасный яхт-клуб, спортсмены которого участвовали во многих всеиндийских соревнованиях.

Тем временем мое увлечение альпинизмом не проходило. Вторая индийская экспедиция на Эверест возвратилась в Дели, и, хотя она не достигла вершины из-за плохой погоды, по радио передавали, что у ее участников было много интересных приключений. Сообщалось также, что третья индийская экспедиция на Эверест намечается на 1965 год. Это меня вполне устраивало. Я решил, что к тому времени уже закончу колледж и смогу участвовать в экспедиции, если, конечно, войду в сборную команду.

Я лелеял мечту участвовать в экспедиции на Эверест. Я принялся читать об Эвересте все, что мог найти в библиотеке колледжа. Здесь имелось много книг о «вершине вершин», начиная с ранних исследований до рассказа о швейцарской экспедиции 1956 года. Материалы были увлекательные, но названия мест в районе Эвереста и такие слова, как «Западный цирк»²² или

²² Цирк — котловина или окруженное крутыми склонами расширение в верхней части горной долины.

«Женевский контрфорс»²³, ничего мне не говорили. За время учебы я не мог заниматься альпинизмом, если не считать организованного администрацией колледжа пешего похода в период муссонных дождей. Около Пуны есть гористые места и несколько невысоких скал. Утром нас довезли на машинах до места, откуда мы должны были стартовать по пересеченной местности. Пятичасовой поход с обедом, поджидавшим нас в конце пути, был очень приятен, хотя мы промокли под дождем до нитки.

Примерно в это время мои родители стали уговаривать меня жениться. Если бы я поддался их нажиму, кончилась бы моя альпинистская карьера. Правда, несколько моих соучеников уже женились и жили с семьями за пределами колледжа. Меня это не устраивало, и я отвергал все предложения, которые получал через родных и друзей. Однако на одной девушке я чуть было не женился. Однажды мой дядя сопровождал молодоженов в Пуну, и меня пригласили участвовать в празднестве.

За обедом напротив меня посадили очаровательную молоденькую пенджабку, и я догадался, что родственники устроили так, чтобы я с ней познакомился. Меня привлекла красота девушки и ее чисто арийские черты. Она казалась умной и занимательной. Во время обеда я нет-нет да поглядывал на нее, с трудом скрывая свои чувства. Девушка мне очень понравилась, но меня мучила мысль о том, что брак может помешать мне подняться на Эверест. Если даже жена не станет возражать против моих занятий альпинизмом, то мать не позволит мне рисковать жизнью после свадьбы.

Родители девушки настаивали, чтобы я поскорее дал ответ. Оказавшись в неудобном положении (не мог же я сказать им, что приходится выбирать между Эверестом и их дочерью), я обратился в Пуне за помощью к моему дяде майору Суриндеру Сингху и все рассказал ему. Он понял меня и сказал:

— Возможность подняться на Эверест бывает раз в жизни. Если тебе она предоставится, не упusti случая из-за поспешной женитьбы.

²³ Контрфорс — узкая скальная гряда на крутом склоне, начинающаяся от гребня.

Дядя довольно деликатно объяснил ситуацию родителям девушки. Не скрою, мне трудно было отказаться от женитьбы на этой девушке.

С каждым семестром приходилось заниматься все серьезнее и серьезнее. Если в первом семестре преподавали основы математики, физики и химии, то в следующих мы уже занимались высшей математикой и инженерным искусством. Меня интересовала электротехника, однако теория машин казалась скучной, и часто решать задачи мне помогали Вишну и другие товарищи.

После четвертого семестра нам дали месячный отпуск, и я поехал в Дехра-Дун на свадьбу моей сестры Гудди с Ди Пи. После свадьбы, которая была очень скромной, я остался на несколько дней в Дехра-Дуне, а затем отправился в Массури для прогулок в горы. Занимаясь легкой атлетикой и велосипедным спортом, я встретился со многими офицерами — коллегами по военной академии. В Дехра-Дун приехали некоторые члены нашей семьи, в частности младший брат Чотту — он решил стать военным моряком и только что сдал экзамены в Военно-морской инженерный колледж в Калькутте.

Месяц в Дехра-Дуне пролетел незаметно. Вскоре я снова оказался в Пуне и продолжал занятия. Наступил 1964 год. Летом должны были состояться три высокогорные экспедиции. Большинство считало, что экспедицию 1965 года на Эверест составят из тех членов экспедиций 1964 года, которые проявят себя хорошо. К несчастью, я не мог присоединиться ни к одной из этих экспедиций, так как они совпадали с моими выпускными экзаменами, которые перенесли на шесть недель вперед. Значит, предстояла упорная работа.

После выпускного вечера, который состоялся в начале июня, нас распределили в различные военные подразделения. Я с радостью поехал в Кашмир на должность инструктора в школу военного альпинизма. В Сопнамарге, куда тогда выехала в лагерь школа, я никогда раньше не был. Он расположен в небольшой долине, окруженной высокими горами, а неподалеку находится вполне доступный ледник. Холмистая долина с густыми простями сосен и берез весьма красива.

Теперь я мог заняться любимым делом, но, поскольку два года не ходил в горы, мне пришлось зачехо приходить к восхождениям. Я быстро уставал. Следовало

поскорее обрести прежнюю форму. Уж если я решил стать настоящим альпинистом — необходимы тренировки, чтобы восстановить свой опыт скалолазания и ледовой техники. Так я и сделал, и тренировки оказались приятными и полезными.

Организационный комитет Индийского альпинистского фонда принял решение провести в октябре всеиндийские испытания для отбора участников экспедиции на Эверест. Участников предполагалось выбрать из тридцати альпинистов, которые будут проходить испытания. Среди них были три офицера из нашей школы, в том числе и я. Поскольку я совершил очень мало восхождений, моя фамилия, видимо, стояла где-то в конце списка. Мне предстояло соревноваться с альпинистами, которые участвовали в экспедициях, а некоторые даже дважды ходили к Эвересту. Мы также опасались, что нас всех троих не отпустят из школы, так как не хватало инструкторов. Однако опасения оказались неоправданными. Наш начальник, подполковник Чадха, не только отпустил нас, но настоял, чтобы мы до отъезда хорошенько потренировались.

В начале октября мы собрались в Дарджилинге. Я с удовольствием снова встретился с полковником Джасвалом. Теперь он жил с семьей в доме начальника института. Я наслаждался компанией полковника, его жены и четырех детей. Здесь произошла и моя встреча с инструкторами-шерпами.

Испытания проходили только двадцать восемь альпинистов. Большинство участвовало в этом году в экспедициях на Нанда Деви, Трисули, Восточную Нанда Деви и Панчули. Среди них был доктор Д. В. Теланг, врач из штата Огайо (США). Для тренировки выбрали гору Ратхонг (6660 метров), девственный пик. Из-за плохой погоды не удавалось подняться на эту вершину. Прежние попытки покорить его не увенчались успехом. Группа альпинистов из Западной Бенгалии также не покорила ее.

15 октября 1964 года мы вышли из Дарджилинга. До Чаурикханга продвигались маршрутом, по которому обычно ходили студенты института. Затем мы преодолели перевал Ратхонг Ла и оказались в Непале. Первый лагерь там был разбит на морене перевала Восточный Ратхонг Ла. В этом районе морены и ледники вы-

глядели совсем иначе, чем в Сиккиме. Они были голые, с множеством валунов, и казались неприветливыми.

20 октября мы разбили базовый лагерь на морене ледника Ялонг (высота 4700 метров). Разделившись на три группы, мы стали устанавливать другие лагеря выше по склону горы. Наступил праздник Дуссехра²⁴, и наши носильщики стали доставлять массу неприятностей — они напивались и уходили в деревни. В результате снаряжение не было доставлено в базовый лагерь своевременно, и дело осложнилось настолько, что у нас осталось на человека по банке сгущенного молока, немного риса и гороха. Мы опасались, что с нами повторится история, которая произошла недавно с немецкой экспедицией.

Немцы разбили лагерь на том же месте в апреле того года. Когда их продовольственные запасы истощились, они стали пить кровь яков. Недалеко от лагеря чюди, эмигрировавшие из Тибета, пасли стадо яков. Немцы покупали у них ячью кровь и платили по пять рупий за литр. (Насколько мне известно, в таких случаях протыкают большую артерию на шее животного, и затем рану замазывают. Говорят, что раньше монголы подобным же образом обходились с лошалями.) Кровь кипятили, сгущали и делали из нее небольшие катышки, которые очень нравились немцам. Мы предпочли пользоваться ячьим молоком и сыром. К счастью, мы питались так недолго — носильщики все же прибыли со снаряжением и припасами.

Лагерь 1 мы разбили на высоте 5290 метров, на что потребовался четырехчасовой путь по леднику. Ледник словно заколдовали: много раз мы проходили по нему, но никак не могли найти дорогу к лагерю. Однажды мне понадобилось два часа, чтобы добраться до Лагеря 1. Следующие три дня мы посвятили разведке пика и подходов к нему.

В Лагерь 2 мы прокладывали путь через расщелины. Двигались с трудом, и, казалось, конца этому не будет. Протвижение тормозилось также болезнью некоторых участников экспедиции, и их пришлось отправить вниз. Первая штурмовая группа, в которую входили десять

²⁴ Дуссехра (Дашахра) — праздник в честь богини реки Ганга; празднуется в сентябре—октябре, приходится на разные дни — в зависимости от положения Луны.

человек, в том числе капитан третьего ранга Коли, полковник Джасвал и я. 28 октября отправилась в Лагерь 2. Расстояние между лагерями было большое, и мы прибыли в Лагерь 2 почти затемно, поэтому решили, что между этими лагерями следует разбить еще один. После изнурительного подъема потребовалось немало времени, чтобы поставить палатки и разложить спальные мешки. После захода солнца стемнело и стало значительно холоднее. У меня онемели пальцы ног. Кто-то нечаянно опрокинул в палатке чайник с горячей водой. В результате мы не смогли выпить чаю и провели довольно беспокойную ночь.

29 октября утром мы начали восхождение. Подъем до седла, расположенного на высоте 6140 метров над уровнем моря, оказался мучительным, так как снег был мягкий и доходил почти до колен. Поднявшись на седло, мы увидели северо-западную часть Сиккима. Отсюда предстояло подниматься по главному гребню к Ратхонгу. Солнце медленно опускалось за горизонт. Мы шли примерно часа два, затем выяснилось, что продолжать путь по гребню опасно, так как на нем нависло много карнизов. К тому же запасы воды иссякли и наступило сильное обезвоживание организма. Нами овладела глетчерная²⁵ усталость, появилась сонливость. Время шло, а мы все никак не могли найти более удобного подъема.

До вершины оставалось каких-то 212 метров. Она манила нас. Гомбу и я связались веревкой и стали снова карабкаться по гребню. За нами шла другая пара — Дорджи и Анг Ками. Остальные не захотели подниматься и начали спуск. Идти было очень тяжело. Чтобы не наступило полного обезвоживания организма, я сосал сосульки. Это помогло мне, но позднее я расплатился ангиной. Наша четверка продолжала восхождение. Пик казался обманчиво близким. Иногда мы даже считали, что уже достигли его, но на деле поднимались на очередной выступ гребня. Примерно в 13 часов 15 минут мы добрались до последнего выступа. На этот раз мы были на вершине.

²⁵ Глетчерная усталость — состояние недомогания, вялости, апатии и сонливости, которое развивается у людей во время интенсивной солнечной радиации в застойном воздухе закрытых цирков ледников в отсутствие ветра.

Перед нашим взором открылся удивительно красивый вид. Горная система выглядела величественной. Коктханг оказался невысоким пиком; пик Фрей — скалистым и внушительным. Прямо перед нами возвышалась Джану, на которую в 1962 году поднялись французы. Гомбу, Дорджи и Таши смотрели на Джану и читали молитвы. Эту гору шерпы считают одной из самых недоступных и уверяют, что, для того чтобы подняться на Джану, человек должен уметь дотрагиваться до своих ног головой. Иными словами, подъем на гору — занятие весьма рискованное, там нависают снежные карнизы, и, чтобы подняться на них, альпинисту приходится зацепить ноги до уровня головы.

Мы были в восторге от успешного восхождения на Ратхонг. Самый трудный этап подъема на вершину — последний, и альпиниста всегда охватывает волнение, удастся ли ему достичь вершины. Он покоряет ее, истощенный физически и морально. Однако радость так велика, что усталость быстро проходит. Чувствуешь себя снова свежим и полным сил для спуска.

Теперь я начал всерьез надеяться, что меня включат в экспедицию на Эверест, хотя не следует говорить «гоп», пока не перепрыгнешь. Мы пробыли на вершине Ратхонга минут тридцать, отдыхали и фотографировали, после чего начали спуск. Остальные члены группы тоже спускались, и мы вскоре их догнали. Полковник нас радостно приветствовал. Мы выпили фруктового сока. Днем, часа в четыре, мы наконец добрались до Лагерь 2, куда уже прибыла вторая штурмовая группа, и остались там ночевать. Наутро пошли в базовый лагерь, а вторая группа из семи человек начала восхождение. Им тоже удалось достичь вершины.

1 ноября мы пустились в обратный путь, в Дарджилинг, но спускаться решили через Восточный Непал, который в это время года особенно красив. Мы прошли за день четыре или пять деревень. Доктора Теланга крестьяне знали хорошо. Он отдавал им лекарства, а взамен они предлагали кур, яйца и фрукты, которые хорошо дополняли наш рацион. Шел праздник Дивали, и жители деревень одевались в свои лучшие костюмы.

9 ноября мы прибыли в Дарджилинг. Туда уже прибыли два члена Индийского альпинистского фонда Кхера и Сарин. Через несколько дней, после консультации

с капитаном третьего ранга Коли и полковником Джасвалом и подробного обсуждения каждой кандидатуры, был окончательно закончен отбор участников экспедиции на Эверест и объявлены их имена. Из тех, кто проходили испытания, выбрали лишь девять человек. Среди них оказался и я.

Наконец-то мои мечты подняться на Эверест постепенно приобретали реальные черты. Подготовка к экспедиции началась сразу же. Майор Кумар, ответственный за снаряжение, не теряя времени, снял с нас мерки для изготовления высокогорного обмундирования. Одежду должны были заказать на военных фабриках, кроме некоторых шерстяных вещей из Лудхианы и высокогорной обуви, которую заказали в Италии. Всем отобранным для экспедиции временно поручили различные обязанности. Я должен был обеспечить фотографическое оборудование и помогать квартирмейстеру. Я уехал в Кашмир, радуясь своим успехам и надеясь достичь еще большего.

Прежде чем приступить к служебным обязанностям, я взял отпуск на месяц, так как чувствовал себя усталым и хотел немного отдохнуть. Я поехал в Амритсар — там работал отец. Ребенком я жил в Амритсаре, после того как наша семья покинула Лахор. Амритсар — большой город и славится своим Золотым храмом. Рано утром я отправился с матерью в храм. Чтение молитв, слушание *киртанов* (священных песнопений) подействовали на меня успокаивающе.

Мать решила навестить нашу бабушку, которая жила в Агре, и попросила меня сопровождать ее в этой поездке, ведь я был в отпуске. Бабушка нам очень обрадовалась. Она знала, что я собираюсь в экспедицию на Эверест, и отнюдь не возражала против этого, что меня весьма удивило. В Агре жили также свекор и свекровь моей двоюродной сестры Гурджит. Когда мы приехали к бабушке, они пришли к нам, чтобы повидаться с матерью. Вместе с ними была и их дочь Мохани. Совсем недавно она окончила колледж.

Я приехал в Агру, чтобы отдохнуть, но город стал местом моей помолвки. Родители Мохани хорошо знали нашу семью и хотели нас поженить. Этот вопрос они уже обсудили с бабушкой, та передала разговор матери, и в один прекрасный день я оказался перед серьез-

ной проблемой. Помню, что все произошло довольно быстро, и вскоре состоялась помолвка. Я надел кольцо на палец Мохани, но поставил условие: свадьба состоится после моего возвращения с Эвереста. Все согласились. Я не возражал против женитьбы, лишь бы мне дали возможность подняться на Эверест. Мохани была очаровательной девушкой. Она интересовалась моими успехами в альпинизме и радовалась, что я пойду на Эверест.

В Агре я задерживался ненадолго, поэтому вместе нам удалось лишь раз поехать по городу. Мохани показала мне Тадж-Махал. Поездка была чудесной. Архитектура Тадж-Махала потрясла меня, я никогда не видел ничего подобного. Моя невеста уже бывала здесь много раз и оказалась хорошим гидом. Когда мы вошли в храм, она спросила:

— Правда, красиво?

Я согласно кивнул. У Мохани тонкие черты лица, черные волосы заплетены в косу. Она изящна и обворожительна.

Я еще раз встретился с Мохани накануне моего отъезда с матерью в Амритсар. Я стоял на террасе бабушкиного дома и фотографировал Тадж-Махал и окружающие его мавзолеи. И тут я увидел идущую навстречу мне Мохани. Солнце садилось за Тадж-Махалом. Оно опускалось все ниже и ниже, и храм из светло-красного превратился в розовый и стал под цвет сари девушки. Почувствовав на себе ее взгляд, я повернул голову и в свете заходящего солнца увидел чудесное зрелище. В глазах ее я прочел преданность. Воцарилось молчание. Мне так не хотелось нарушать его. Девушка протянула ко мне руки и воскликнула:

— Хари, желаю тебе большого успеха в восхождении на Эверест! Уверена, ты добьешься своего.

— Спасибо. Будешь писать мне на Эверест? — спросил я, немного помолчав.

Конечно, — заверила меня Мохани.

Я крепко прижал к себе девушку и торопливо попрощался. Надолго сохранилась в моей памяти эта сцена.

В конце декабря я приступил к своим служебным обязанностям. В Кашмире я не пробыл ни одного дня, так как получил особое задание — руководить альпинистской подготовкой молодых офицеров, приучать их к условиям высокогорья. В помощь мне дали пять инс-

трукторов, и я повел свою группу к Восточным Гималаям. Это было замечательное путешествие; мы прошли вплоть до индо-бирманской границы.

Последние тренировки закончились в начале февраля на индо-сиккимской границе. В Гангтоке я встретил генерала Хар Прасада, которого обычно звали генерал Эйч Пи. Он очень интересовался спортом и сейчас командовал дивизией. Хар Прасад сказал, что ему звонил полковник Джасвал и приглашал меня провести до отъезда в Дели несколько дней в Дарджилинге. На следующий день я выехал в Дарджилинг.

В начале февраля в Дарджилинге еще холодно. Уже в темноте я добрался до дома полковника. Когда я вошел в гостиную, там никого не оказалось. Я решил, что все, видимо, наверху. И тут я увидел, как по лестнице спускалась девушка. На ней были черные джинсы и длинное пальто. Она остановилась передо мной. Раньше я никогда не видел ее. У девушки было овальное, скуластое лицо, короткая стрижка.

— Капитан Алувалиа, — представился я.

— Племянница полковника, — ответила девушка.

Возможно, полковник и члены его семьи рассказали ей обо мне, ведь мы дружили давно. Горел камин. Она подняла несколько поленьев и бросила их в огонь.

— Очень холодно, — сказала она.

— Да, — согласился я, хотя на мне была шинель и холода я не чувствовал.

— Наверное, вы устали после поездки в джипе от Гангтока до Дарджилинга? — спросила она.

— Нет, не очень, поездка была приятной.

Она снова посмотрела на меня, подняла еще два полена и бросила в огонь.

— А где же полковник и дети? — спросил я.

— Полковник на работе, а дети скоро придут. Садитесь, пожалуйста, — пригласила меня девушка. — Дядя рассказывал, что вы успешно прошли испытания, — продолжала она, пытаясь поддержать разговор.

Я не знал, что ответить, и меня несколько смущал ее взгляд.

— Простите, я не спросила, может быть, вы хотите выпить?

В это время вошла госпожа Джасвал. Она мне очень обрадовалась и сказала;

— Хари, комната для вас в доме для гостей готова. Есть горячая вода, может, хотите переодеться?

Спасибо, — ответил я и пошел в отведенную мне комнату.

У полковника гостил также Норман Диренфурт, руководитель успешной американской экспедиции 1963 года на Эверест. Он тоже жил в доме для гостей. Я пользовался любой возможностью, чтобы расспросить его побольше об этой вершине. Меня особенно интересовал «Камин Хиллари». Он сказал, что, по рассказам альпинистов, он не труден и не легок, и, чтобы пройти его, нужен только правильный захват руками. Норман был хорошим фотографом и дал мне много полезных технических советов. В честь Нормана дали несколько призов, на которых присутствовал также и я. Поскольку мы жили в доме для гостей, я хотел побыть и с полковником Джасвалом и его семьей.

Племянница полковника заботилась обо мне так усердно, что становилось даже неловко. Вскоре я понял, что она мне симпатизирует, и испугался, как бы это не привело к осложнениям. Однажды, когда она возвращалась из школы, мы встретились с ней на дороге и немного прогулялись вместе. Я решил осторожно намекнуть ей, что уже помолвлен. Но каждый раз, стоило мне начать разговор, она или переводила его на другую тему или рассказывала о своих учениках и досуге. Пока я собирался сказать о помолвке, мы уже подошли к институту.

В Джим-Хана-клубе состоялся вечер танцев и было много приглашенных. Племянница полковника пришла на вечер в черном сари с золотой вышивкой. Она была очень красивой. Полковник пригласил в клуб и меня. И искал случая, чтобы сказать девушке правду. Возможно, полковник не сообщил ей о моей помолвке, и мне казалось, что нечестно держать ее в неведении. Но когда мы стали танцевать, она, смеясь, сказала, что знает о моей помолвке с другой.

Какой вы счастливый! — заметила девушка.

Может, это была игра моего воображения, а может, и ширянь в словах девушки прозвучали нотки ревности.

— Пойдемте погуляем, — предложила она.

В саду было тихо и приятно. Шумная толпа гостей, громкая музыка остались позади. Мы долго разговари-

вали, и она без всякого кокетства призналась, что я понравился ей с первого взгляда.

— Ничего не могла с собой поделывать, Хари, — сказала она. — Я узнала о вашей помолвке еще тогда, когда вы написали о ней дяде.

Я был поражен ее смелостью и искренностью. Мы помолчали, и она добавила:

— Я останусь вашим другом.

Было уже поздно. Я взял ее под руку, и мы пошли в клуб. Оркестр тихо играл последний медленный вальс.

— Я хотела бы этот вальс танцевать с вами, — сказала девушка.

Мы вышли на середину зала.

Смущенный и озадаченный, сразу же после танца я вернулся в дом для гостей и решил уехать в Дели. Поскольку самолет вылетал из Силигури утром, я выехал из Дарджилинга на рассвете, когда золотые лучи скользили по гряде Канченджанги. Я удивился, когда у ворот увидел так рано племянницу полковника. Она сказала:

— Хари, я пришла попрощаться с вами. Думала, что вы погостите у нас подольше.

— К сожалению, у меня еще много работы в Дели до начала экспедиции.

Она печально улыбнулась.

— Я чувствую себя намного лучше после вчерашнего разговора, — сказала она.

— Рад слышать это, — ответил я.

— Хари, вы покорите вершину, я это чувствую. Ну что ж, вам пора ехать, а то опоздаете.

Я попрощался с девушкой, а она помахала мне рукой. Мой джип пожирал километр за километром. Я еще раз оглянулся на Дарджилинг и удалявшуюся от меня Канченджангу.

Из Силигури я самолетом отправился в Дели. Там я присоединился к остальным членам экспедиции. Начался период бурной подготовки к экспедиции, и не было времени подумать ни о прошлом, ни о будущем.

Вечером 22 февраля все члены экспедиции прибыли на вокзал в Дели. Было холодно и ветрено. Медленно лавируя в толпе людей, по перрону на тележках везли огромные тюки с альпинистским снаряжением и продовольствием. Проводить нас пришли родные, друзья и знакомые. Среди провожающих были репортеры и фотокорреспонденты. Время от времени платформа освещалась фотовспышками. Толпа все увеличивалась...

Часть груза была заранее отправлена в Джаянагар, а другая отгружалась из Катманду. В основном груз состоял из продовольствия, медикаментов и альпинистского снаряжения. В каждом тюке было не более двадцати семи килограммов. Экспедиция обошлась (часть средств составляли пожертвования) примерно в шестьсот—восемьсот тысяч рупий. Сегодня эта цифра составила бы сумму в три раза большую. Иностранным экспедициям приходилось тратить громадные средства, ведь им надо было издалека транспортировать снаряжение и оплачивать проезд членов экспедиции из других стран.

Мы наняли восемьсот носильщиков. Они должны были доставить грузы из Джаянагара в базовый лагерь. У нас было еще восемьдесят шерпов. В их обязанность входило помочь носильщикам в транспортировке грузов по базового лагеря. Груз упаковали так, чтобы ежедневно можно было открывать по два ящика со всем необходимым на день.

До второй мировой войны некоторые экспедиции шли на Эверест с севера, через Сикким и Тибет. Нам легче и дешевле было начать восхождение из Джаянагара. Нам полностью удовлетворило то снаряжение, которое удалось достать, в частности через интендантскую службу. Мы получили почти все, в чем нуждались. Не так-то легко определить, что понадобится экспедиции. Помогается желание прихватить с собой разные мелочи. Порой казалось, что приобретению снаряжения не будет конца, поэтому в определенный момент пришлось решительно подвести черту.

В 8 часов 45 минут вечера лакхнауский почтовый поезд отошел от перрона. Попрощавшись с провожавшими, мы разошлись по своим купе. Вскоре лишь ритмич-

ный стук колес нарушал наступившую тишину — вероятно, члены экспедиции находились под впечатлением последних минут расставания с родными или друзьями, всеми, кто стал им дорог за дни, проведенные в Дели, а также с теми, кто находился далеко, но был близок их сердцам, а может быть, они строили планы на будущее. Мы устали физически и морально и нуждались в хорошем отдыхе перед выходом из Джаянагара.

Однако поспать не удалось, так как почти на всех станциях нас встречали и провожали толпы народа. Гостеприимство и дружелюбие нашего народа достойно всяческих похвал, но иногда оно становится весьма утомительным. В полночь мы проезжали станцию. Там нас ждал один-единственный человек — старушка, которая с трудом передвигалась, но все-таки пришла поприветствовать участников экспедиции на Эверест. Подарив нам конфеты, она сказала такие слова:

— Может, я не доживу до вашего благополучного возвращения, но буду молиться за вас обязательно. Не сомневаюсь, вы покорите великую гору. Вы многого добьетесь.

Она ушла вся в слезах.

Утром поезд прибыл в Лакхнау, и по узкоколейке на третий день утром мы добрались до конечной станции Джаянагар. Когда прибыли на станцию, все пассажиры спали крепким сном и проводнику пришлось нас будить. Пока выгружали багаж и складывали на платформу, кое-кто из участников экспедиции вышагивал по перрону в ночной пижаме и халате.

Нас встречали официальные представители непальского правительства, работники индийского посольства в Катманду, а также сирдар²⁶ и помощник сирдара экспедиции. После того как на шею нам надели гирлянды (без этого в нашей стране не обходится ни одна церемония), сирдар и его помощник приветствовали нас по буддийскому обычаю — нам на плечи накинули шарфы. Мы разгуливали по перрону в ярких гирляндах из нюгтков и шелковых шарфах. На вокзале оказались также шерпы, которые раньше уже ходили с нами в горы, а теперь стали участниками нашей экспедиции. Мы встретили их с радостью, долго похлопывали друг друга по плечу и трясли руки.

²⁶ Сирдар — в данном случае начальник над носильщиками.

Мне так захотелось увидеть нашего худощавого и моложавого сирдара Анг Тцеринга. Многие зависело от его умения командовать носильщиками и шерпами. Помощником сирдара был Пху Дорджи. Мы гордились тем, что такой опытный человек, как он, идет с нами. Дорджи встретил нас обычной для шерпов приветливой улыбкой. Я видел его впервые и еще не знал, что пойду в одной связке с ним на вершину. Мне он понравился сразу. Был здесь и Наванг Хилла. Он краснел, как девушка, и заплетал волосы в косички. Мы встретили и других шерпов, привыкших переносить тяжелые грузы на огромные высоты на подступах к Эвересту. Как было приятно находиться среди этих смелых, жизнерадостных людей. Я чувствовал, что подружусь с ними.

Мы сняли домик с большим двором, где собирались прожить два дня и упаковать грузы так, чтобы можно было распределить их между носильщиками. Дом состоял из пяти просторных комнат и веранды. Перед домом находилась роща манговых деревьев, под сенью которых мы и сортировали грузы, а позади — большая лужайка. На ней росли гуавы, папайи и бананы. Там же мы нашли колодец с прекрасной чистой водой, очень полезной, как нам сказали, для пищеварения. Ее черпали ведром, которое было привязано на веревке.

Грузы, которые мы отправили раньше, уже прибыли и теперь лежали аккуратно упакованные. Возле них толпились участники экспедиции, шерпы, носильщики и местные энтузиасты. Одни альпинисты занимались сортировкой грузов в манговой роще, другие отправились к парикмахеру коротко постричься в надежде, что волосы в горах отрастут. В Джаянагаре ушло много времени на разборку и сортировку запасов продовольствия, медикаментов и снаряжения. Пришлось вскрыть многие тюки, так как при перевозке упаковка некоторых грузов была повреждена. Врачи экспедиции провели медицинское обследование альпинистов и шерпов. Всем сделали прививки против холеры, оспы и брюшного тифа.

Мы планировали покинуть этот городок рано утром 26 февраля, но в последний момент выяснилось, что не все еще готово к походу, поэтому пришлось задержать час на два-три. Мы прошли через базар и двинулись по узким улочкам Джаянагара. Там собралось

много людей. Женщины надели яркие одежды, и казалось, будто они отправляются на сельскую ярмарку. В толпе местных жителей мы выделялись своим альпинистским снаряжением — высокогорными ботинками, ярко-красными и синими рюкзаками, свитерами и брюками разных цветов. Вместо тросточек в руках у нас были ледорубы. Наше появление на улицах города у местного населения не вызвало никакого удивления. Им не раз приходилось видеть участников экспедиций на улицах своего города.

Дорога, по которой мы проезжали, была украшена арками из цветов. Кое-где висели плакаты на английском языке и на хинди: «Привет Индийской экспедиции на Эверест!». Нас встречала группа школьников. Они поставили на лоб каждому участнику экспедиции традиционную *тику*²⁷ и преподнесли сладости. В одном из кварталов Джаянагара нам приготовили чай — чаепитие организовал мэр и граждане города. Произносились речи, нас без конца фотографировали и снова надевали гирлянды из цветов. Эти приятные церемонии длились долго, а ведь нам предстоял долгий путь до следующего привала. К тому же нам предстояло еще пройти таможенные формальности на непальской границе. Один наш друг предоставил нам в Джаянагаре грузовик, чтобы добраться до первой остановки. Солнце беспощадно припекало, и мы радовались, что едем на машине, ведь после обильного угощения не очень-то хотелось идти пешком.

Вскоре мы оказались у границы. Возле дороги стояла маленькая хижина. Путь нам преградил шлагбаум. Потребовалось немало времени, чтобы закончить необходимые формальности. Нас заставили заполнять не одну анкету. Не обошлось без пререканий с непальскими чиновниками. Наконец шлагбаум подняли, мы вступили на территорию Непала и продолжили свой путь на грузовике. Узкая дорога перешла во вьючную тропу. Нас сильно трясло, машина поднимала клубы пыли. Многие предпочли идти пешком.

Когда мы подошли к месту первого привала, красивому уголку в большой манговой роще возле деревни,

²⁷ Тика — знак на лбу, наносится индуистами растительной краской в знак благословения; также знак касты, обычно высокой.

сразу же стали разбивать лагерь. Неподалеку у палатки расставили цветные раскладные стулья и столы. Это была наша столовая. Тут же разбили белую палатку — столовую для шерпов. Гремел проигрыватель, звучали песни из индийских фильмов. Музыка привлекла жителей деревни, и они толпились у проигрывателя. Шерпы шли вместе с альпинистами, так что свою палатку-столовую они использовали главным образом для развлечения — прежде всего для азартных игр в карты, которые они весьма любят. Подчас, проигравшись, шерп следует правилу: «Верну долг, когда смогу».

После обеда прибыли грузы. Мы их проверили, все оказалось в порядке. Немного отдохнув, мы, прихватив полотенца, отправились к речке купаться. Дальше мы действовали по установленной программе. Рано утром, еще до рассвета, мы отправлялись в путь. Носильщики временами даже обгоняли нас. Утром идти — удовольствие, но когда поднималось солнце, то начинало сильно припекать. Порой жара становилась невыносимой. Зелени здесь почти не было. Кругом аккуратные террасированные поля. В общем местность голая. Пейзаж разнообразил колышущийся на ветру сахарный тростник. Мы останавливались и наблюдали, как крестьяне выжимали сок из тростника. Они делали это так же, как и у нас в Индии. Тростник пропускали между двумя ватками, которые приводил в движение бык, идущий по кругу. Из этого «пресса» сок стекал в ведро.

Как я уже писал, вес нашего снаряжения и припасов составлял двадцать пять тонн, и его распределили между восемьюстами носильщиками. Дальше в высотные лагерья груз понесут пятьдесят шерпов, в большинстве своем жители района Соло-Кхумбу. В целом шерпы и носильщики — выходцы из самых различных отдаленных районов, откуда они и прибыли в Джаянагар. Шерпы — костяк любой экспедиции на Эверест. У нас был хороший штат поваров. Главному повару, Тхандупу, помогали Дану и еще десять шерпов. После каждой удачной экспедиции Тхандуп получал в шутку очередное воинское звание. Когда мы пошли на Эверест, он был «бригадным генералом», а после возвращения его произвели в «генерал-майоры».

Благодаря двадцатипятилетнему опыту работы в горах жизнерадостный Тхандуп был для нас полезным

человеком. Он очень аккуратный, к тому же чудесный повар — прекрасно печет и хлеб и большие торты, жарит вкусные бифштексы, знаком с европейской и индийской кухней. Поскольку мне поручили следить за кухней (ее возглавил Мульк Радж), то я постоянно общался с Тхандупом — ходячей энциклопедией альпинизма, особенно если дело касалось дат и деталей предыдущих экспедиций на Эверест. Он подробно и долго рассказывал о вкусах членов прошлых экспедиций — оказывается, англичанам нравилось тушеное ячье мясо и жареный картофель, а индийская группа предпочитала карри²⁸ из яка. Тхандуп сопровождал почти все экспедиции в этот район и знал места, где предыдущие экспедиции разбивали лагерь. После каждого четырех- или шестичасового перехода мы поручали ему выбирать место для лагеря.

Носильщики — мужчины и женщины — несли одинаковый по весу груз. Каждый аккуратно упакованный тюк весил не более двадцати семи килограммов. Наши руководители предпочитали нанимать больше женщин, потому что, как известно, они меньше пьют и не спорят из-за грузов. Управлять носильщиками задача не из легких. Порой шерпани в дополнение к своему грузу несли еще и тюк мужа, если он ко времени выхода в поход все еще не протрезвел. Женщин-носильщиков немало. Так, в нашей экспедиции из восьмисот носильщиков большинство женщины. Родом они из горных мест. Это сильные, выносливые и энергичные женщины. Помню, одна из них родила ребенка. После родов только один или два дня она не несла груза, но затем снова взвалила его на спину. Ребенка она родила на высоте выше двух тысяч метров над уровнем моря.

Тюки были выкрашены в разные цвета для того, чтобы легко опознать, находится ли в них продовольствие, снаряжение, медикаменты или личные вещи. Тюки с одинаковым типом груза имели свой номер. Для экспедиции изготовили красивые значки, по которым у каждого можно было определить, какой груз он несет. Носильщики — народ честный, и никогда у нас ничего не пропадало. Стоило дать носильщику груз — и можешь

²⁸ Карри — острый соус, в котором тушатся или мясо, или рыба, или овощи.



Шерпани с тридцатикилограммовым грузом
на пути к базовому лагерю

быть уверен, что его доставят к пункту назначения. Помню, в четырех-пяти тюках находились непальские мелкие монеты. Для полной безопасности мы поручили этот груз самым красивым шерпани. Большинство шерповосильщиков не отрывали глаз от красавиц. Так что деньги были в полной безопасности.

Руководителя экспедиции альпинисты звали Мохином, а шерпы и носильщики — Бара сахибом («Большим господином»). У Бара сахиба большой альпинистский стаж. Он участвовал в обеих индийских экспеди-

циях на Эверест. Будучи в штурмовой группе второй экспедиции 1962 года, он удостоился чести провести две ночи подряд на высоте 8000 метров. Мульк Радж, или Мульки, — единственный вегетарианец, которому удалось подняться так высоко в горы. Очень трудно обеспечить вегетарианца необходимым количеством калорий, поэтому приходилось дополнять его рацион яйцами, сыром, медом и шоколадом.

Поскольку Мульки считался завхозом экспедиции, то он сам следил за своим питанием. Мульки заслужил репутацию строгого стража кухни, будь то в экспедиции или у себя дома. Неожиданно он устраивал проверку быстро истощавшимся припасам продовольствия. Однажды, когда за день было израсходовано слишком много яиц, он потребовал от меня разъяснения, а также настаивал на ежедневном отчете о количестве израсходованных яиц. Мы съели около ста двадцати яиц, и учесть каждое из них было трудно. Приложив много усилий, я подсчитал все яйца, кроме десяти. Выяснилось, что этот десяток яиц съел Мульки, заменив ими положенную ему порцию мяса. Тем не менее мы были благодарны ему за проявленную бдительность, и надо признаться, что во время экспедиции на обратном пути никогда не испытывали нехватки в продуктах.

Рабочий день начинался в половине шестого утра, и к полудню мы уже располагались лагерем. Как правило, нас ждал горячий обед, приготовленный Тхандуном и его помощниками. Так продолжалось много дней. Мы двигались вперед по живописным районам Непала; пересекали речки, заросшие травой склоны, плодородные террасированные поля и дремучие леса.

Во время муссонных дождей легкие мосты приходили в негодность, порой их даже сносило. Нам приходилось строить небольшие мосты или ремонтировать старые, пришедшие в негодность. Мы подпирали их бревнами, связывали веревками или проволокой. Подчас соединяли два бревна и перебрасывали через расщелины. Бревна, иногда размером с целое дерево, приходилось приносить из близлежащих деревень. Мы понимали, если не сделаем этого, придется переходить реки вброд. Кое-где выдалбливали из стволов деревьев грубоотесанные челны и перевозили через горные речки альпинистов, женщин-носильщиков и наиболее ценные

грузы. Поднимаясь все выше, мы бросали вечным снегам вызов. Индийцы дважды проходили через эти испытания, и оба раза им пришлось из-за плохой погоды вернуться чуть ли не от самой вершины. Интересно, окажется ли третья попытка покорить Эверест удачной?

Помощник руководителя экспедиции, майор Кумар, прозванный «Быком», уже ходил на Эверест в 1960 году и достиг высоты 8600 метров. Он получил тяжелое отморожение в 1961 году, когда руководил экспедицией на вершину Нилкантха, и лежал в госпитале. Ему удалили первые фаланги пальцев обеих ног. Ноги у него постоянно мерзли, и он приобрел носки, нагретые батареей.

В начале пути он ехал на пони, походившем скорее на осла. «Бык» верхом на пони представлял собой заворающее зрелище: его ноги доставали почти до земли. Кумар всегда ходил с зонтиком, предохраняя от солнца голову, растительность на которой была отнюдь не пышной. Майор добросовестно ухаживал за пони, делился с ним завтраком и заботился, чтобы тот не уставал. Несмотря на это, пони его плохо слушался, и в конце концов «Быку» пришлось бросить его и шагать пешком вместе со всеми. Он признался, что идти пешком значительно приятнее, чем ехать верхом.

Теперь наш путь пролегал через самые отдаленные непальские деревеньки. Миновав кукурузные и рисовые поля, мы приближались к великолепным густым лесам. Все чувствовали себя бодрыми, счастливыми, полными оптимизма.

За время длительного похода мы ближе узнали друг друга, много общались с шерпами и высоко оценили их труд. Такое взаимопонимание между членами экспедиции и шерпами должно было сыграть положительную роль во время тяжелого восхождения на Эверест.

Одни занялись фотографией, геологией, другие изучали флору и фауну, на это у нас оставалось достаточно времени. Так как я увлекался фотографией, то тут у меня были замечательные возможности проявить свои способности. Я снимал много и с самых различных точек, порой даже с риском для жизни. Однажды вместе с майором Кумаром я отправился к скалам неподалеку от базового лагеря. Часа два мы шли по камням и снегу, скользили, падали, но упорно продвигались вперед

в надежде увидеть северные склоны Эвереста. Пройди часа три-четыре, мы остановились, чтобы сфотографировать Эверест, но плотная туча закрыла от нас «вершину вершин». Наш труд пропал даром. Наконец такой снимок мне все же сделать удалось. Любовь к горам находила выход в этих восхождениях и занятиях фотографией.

Подъемы и спуски, спуски и подъемы. Потрясающей красоты картины природы. Память о волшебных видах Гималаев хранится в моих фотоснимках. Фотография — своего рода глаз, с помощью которого можешь увидеть прошлое, разбудить уснувшее было в сердце волнение, восстановить великолепное видение. У нас имелось много фотокамер — от простых до самых сложных. Я лично полагался на свою камеру «Никон», хотя она довольно тяжела. В походе было много сюжетов для киносъемок — портреты, группы, пейзажи. В этом деле мне очень помогал Чима, с которым мы делили груз с фотооборудованием.

После дневного перехода кое-кто шел в лагерь посылщиков и лакомился *цзамбой*²⁹ и тибетским чаем — их основными продуктами питания. Шерпы считают, что чай с маслом и солью лечит головные боли, снимает усталость и бодрит. Обычно они заваривают плиточный китайский чай, и если сделать это умело, то он получится очень вкусным. Среди шерпов весьма популярны домашнее пиво, *чанг* и *ракши*. Чанг — это тибетский вариант пива. Его варят из ячменя. Это прекрасный напиток. Пьют его даже женщины и дети. Нам эти напитки нравились, но Гьятсо и Чима были их особыми ценителями. Они выдерживали с местными жителями любые соревнования по истреблению чанга.

Через пять дней пути мы подошли к небольшой реке Сункоси и пересекли ее на лодках, выдолбленных из стволов деревьев. Несколько альпинистов переправились вплавь, что весьма позабавило местное население. Некоторые местные жители тоже решили переплыть реку. Остальные стояли на берегу и посмеивались, отпуская замечания по стилю нашего плавания. Река питается тающими снегами Гималаев, и вода в ней очень холодная. По-моему, это был самый красивый лагерь на пути

²⁹ Цз а м б а — национальное блюдо тибетцев: мука грубого помола, готовая к употреблению.

в Солу-Кхумбу. Переход оказался небольшим, и мы пришли сюда до полудня. Тхандуп, Дану и помощники приготовили вкусное мясное карри и подали пиво, которое опустили до еды в ледяную речную воду.

На шестой день мы дошли до важного пункта путешествия — Окхалдхунги. Пожалуй, это самая большая деревня на пути к Эвересту. Здесь есть школа, большое почтовое отделение и рынок. Деревня выглядела прилюднично. Мужчины надели лучшие одежды, женщины украшения. Я сфотографировал одну девочку, шею которой украшало огромное ожерелье из серебряных и золотых монет, находившихся в обращении лет сорок пятьдесят назад.

Нас приветствовали работники посольства Индии и местные жители Окхалдхунги. С радостью я встретил капитана Джайна из индийского посольства. Мы учимся с ним в военной академии на одном курсе. Он привозит ящики с пивом в банках.

Ничто так не освежает путешественника, как пиво, сказал капитан.

Я согласился с ним, и пиво полилось рекой. Слышались только бульканье, а Джайн все подгонял нас:

Что-то пьете вы очень медленно, давайте откромчите баночку!

Мы встретили также несколько ветеранов, сражавшихся во второй мировой войне на стороне англичан. Они с гордостью показывали нам свои медали. Два гуркха³⁰ имели Крест Виктории. Эти простые парни держались с достоинством и гордились своей службой в армии.

Лагерь разбили около колледжа. Вечером с командой колледжа играли в волейбол. Не помню, кто победил, но играли хорошо. В тот день мы отмечали день рождения доктора Теланга (все звали его просто Лалли). Увлечение альпинизмом привело его сюда из Кливленда (США). По профессии он гинеколог, но в экспедиции прекрасно выполнял обязанности врача. Тхандуп испек гигантский торт в честь дня его рождения. За-

³⁰ Гуркхи — так называли жителей области (ранее княжества) Гуркха в Центральном Непале. Употребляется и как этноним индийцев (кхасов), говорящих на языке непали. Составляют около половины населения страны. Часто гуркхами называют и непальцев, состоящих на службе в индийской и английской армиях.

тем руководитель экспедиции устроил обед для должностных лиц Окхалдхунги. Мы послали письма родным и друзьям. Позднее выяснилось, что некоторые письма, отправленные из Окхалдхунги, дошли до Индии только после нашего возвращения!

На следующий день состоялась ярмарка. Гьятсо поручили пополнить запасы продовольствия. Он купил много продуктов для «сухого пайка», включая овощи. Утром кое-кто допивал оставшееся пиво. Мы не торопились, так как предстоял довольно нетрудный переход до Лакхопа, местечка на перевале высотой три тысячи метров. Наконец, после обеда мы покинули Окхалдхунги.

Тропа становилась все круче, и казалось, ей нет конца. Усталые и измученные, не раз сбиваясь с пути, мы добрались до нового лагеря к десяти часам вечера. Наш руководитель забеспокоился и уже хотел послать спасательную группу. На рассвете следующего дня нашим взорам открылось незабываемое зрелище. Солнце только что поднималось, и горы меняли окраску — от розовой до ало-красной и, наконец, золотой. В нежную позолоченную вуаль оделись Пумори, Гауришанкар, Теваче.

Мы проходили через районы Солу-Кхумбу, откуда были родом все наши шерпы. Характер местности изменился. Луга здесь просторнее, а пейзажи живописнее. Много сосен, елей, рододендронов. Вокруг благоухали цветы. Вскоре мы дошли до местечка Пхалпу. Там есть небольшая школа и монастырь. Нас встретил моложавый лама. Отсюда путь шел к высоким перевалам, и впервые мы подошли к *мани* («молитвенным стенам») и *чаутарам* (месту отдыха), на которых выбиты в камне молитвы. Около них обязательно находился лама, крутивший молитвенное колесо и распевавший: *Ом мани падме хум* («Славься, драгоценность в лотосе»).

Менявшиеся пейзажи были так обворожительны, что порой казалось, будто мы смотрим на прекрасную большую картину. Заметно изменились и одежда и обычаи жителей деревень. Обитатели более низких районов страны — непальцы, исповедующие индуизм. Религия, несомненно, пришла в Непал из Северной Индии. У шерпов из высокогорных районов монголоидные черты лица. Они исповедуют буддизм. Говорят, будто святой

Падма Самбхава принес буддизм в Тибет примерно в 750 г. н. э. Затем буддизм получил распространение в высокогорных районах Непала. В Тибете индийского святого знают под именами Лопен Римпоче, Гуру Римпоче и Угьян Римпоче.

Через одиннадцать дней мы подошли к мчавшейся по долине могучей Дудхкоси («Молочной реке»). Река питается тающими снегами, стекающими с южного склона Эвереста. Мы перешли ее по примитивному подвесному мостику, который настолько опасен, что пришлось переправлять по нему за один раз лишь двух или трех человек. Те, кто добрался до реки раньше нас, уже искупались в ледяной воде Дудхкоси. Мы знали, что в следующий раз искупаться сможем только через много недель, поэтому тоже бросились в воду. Нам уже надоели ежедневные переходы. Мы то оказывались перед крутой тропой, по которой приходилось подниматься до высоты трех с лишним тысяч метров, то спускались в долину, чтобы вскоре снова карабкаться на высокий перевал. Все это напоминало детскую игру. На верхней точке перевала мы обычно находили на деревьях молитвенные флажки.

Буддисты считают, если кусок бумаги или материи с написанными на них молитвами развевается на ветру, то молитвы разносятся очень далеко. Иногда нам встречались молитвенные флажки, висевшие над перевалом на длинной веревке так, что образовывали собой нечто вроде арки. Молитвенные флажки могут быть любого цвета — красные, синие, желтые, зеленые, оранжевые, белые. При виде их мы радовались, так как они означали конец крутого подъема.

Целыми днями мы шагали то вверх, то вниз, пока наконец не показался Намче-Базар. Неподдалеку от него расположен маленький аэродром Лукла, построенный по инициативе сэра Эдмунда Хиллари. На нем могут приземляться лишь небольшие самолеты. Чаще всего этим аэродромом пользуются туристы, прибывающие сюда для посещения Тьянгбоче. Хотя деревня Намче-Базар расположена на высоте 3700 метров над уровнем моря, однако снега здесь не было.

Ниже Намче-Базара находится крутой склон, по которому приходится подниматься к деревне. У входа в нее мы увидели арку с надписью: «Привет индийской

экспедиции на Эверест!». Однако здесь нас никто не встречал, не то что в других деревнях. С первого взгляда деревня казалась безлюдной, если не считать нескольких селян, торопливо прошедших мимо нас. Позднее мы узнали, что местные жители все приготовили для встречи с нами, но мы опоздали, поэтому они разошлись.

Намче-Базар — самая современная шерпская деревня. Отсюда родом все знаменитые шерпы. Деревня расположена на голом склоне крутой горы. Каменные, деревянные и глиняные дома стоят рядами. Почва в деревне сухая и пыльная, а деревьев почти нет. Вода течет по бамбуковым трубам из источников, расположенных выше деревни. В Намче-Базаре живет сто пятьдесят семей. Жители ее позажиточнее, чем в остальных деревнях. Процветание деревни началось в шестидесятых годах нашего столетия, после того как путь к Эвересту стал проходить с юга, через Непал, так как путь к нему с севера, через Тибет, китайцы закрыли. Так Намче-Базар превратился в важную базу всех экспедиций к Эвересту или соседним с ним вершинам. Деревня довольно бойко торгует также и с Тибетом.

Наша экспедиция на Эверест воспользовалась путем через Непал, проходящим через Намче-Базар. Во время экспедиции мы покупали в лавках Намче-Базара снаряжение, поскольку здесь альпинистские принадлежности дешевле, чем где бы то ни было. Как-то у меня пропал свитер. Вероятно, его кто-то украл. Когда я пришел в лавку в Намче-Базаре, то с удивлением обнаружил там свой свитер. Пришлось покупать его снова.

Мужчины деревни носили одежду, унаследованную от многих экспедиций. Удивительно, но в Намче-Базаре альпинист может приобрести даже лыжи — старые или новые, — причем по цене ниже фабричной. Прямо из этой деревни можно полностью снарядить альпинистскую экспедицию, отправляющуюся в горы не выше 6500 метров над уровнем моря.

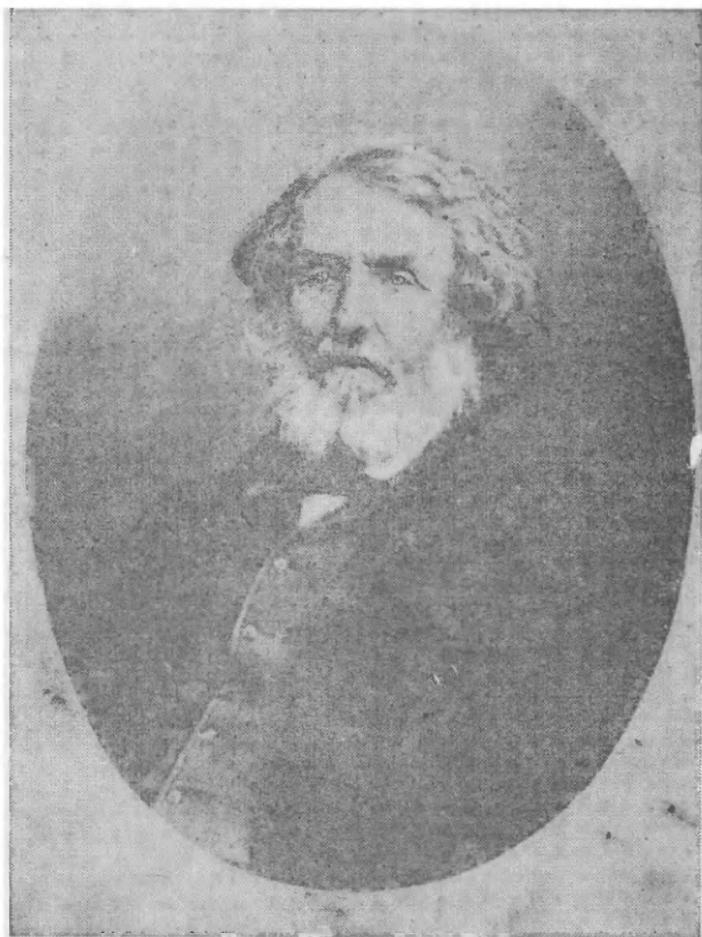
Из соображений безопасности мы разбили лагерь не в Намче-Базаре, а на плато, выше деревни, примерно в двадцати минутах ходьбы от нее. Из нашего лагеря мы впервые увидели покрытую снежной дымкой макушку Эвереста, возвышавшуюся на горизонте на



Буддийский чортен за селением Намче-Базар

севере. Лхоцзе и Нупцзе также просматривались. Более опытные члены экспедиции показали нам сверкавшие вдали пики Тхамсерку, Теваче и Квангде. Мы никак не могли оторвать глаз от Эвереста. Хотя виднелась только его макушка, она притягивала к себе, как магнит. Я долго смотрел на величественный пик — конечную цель каждого альпиниста.

Известно, что Эверест — самая высокая гора в мире — был открыт в 1852 году в результате многолетней упорной работы Геодезической службы Индии. Сначала гора значилась как пик XV, потом ее назвали



Сэр Джордж Эверест — начальник Геодезической службы Индии в 1830—1843 гг. Его именем назвали в 1856 году высочайшую вершину мира

в честь сэра Джорджа Эвереста, бывшего начальника Геодезической службы Индии. Ее тибетское название — Чомолунгма или Джомолунгма («Богиня — мать Земли»). В Непале ее зовут Сагарматхой.

Лишь в 1893 году генерал (в то время капитан) Брюс выдвинул предложение организовать экспедицию на Эверест. Однако ее сочли неосуществимой и, по сути дела, не придали этой идее никакого значения. Британские власти в Индии не были склонны просить у правительства Тибета или Непала разрешения на путешествие в этот район. В марте 1919 года в Королевском



Вид с вершины Эвереста на север: справа — пик Чангдзе, внизу — ледник Ронгбук, вдали — Тибетское нагорье (фото Б. Бишопа).

в географическом обществе молодой офицер из Индийской армии капитан Дж. Б. Л. Ноэль выступил с докладом о своем путешествии в район Эвереста в 1913 году. Ему удалось проникнуть в этот район инкогнито. В конце доклада он заявил: «Хорошо оснащенная экспедиция может исследовать и составить карту района Эвереста». Его горячо поддержали президенты Королевского географического общества и Альпийского клуба. В 1920 году получили разрешение на въезд в Тибет, а на следующий год в Лондоне создали Комитет по организации экспедиции на Эверест.

В 1921 году англичане первыми направили из Дарджилинга разведывательную группу в район Эвереста. Альпинисты двинулись к горе через Сикким, а затем через южную часть Тибета. Разведчики в течение трех месяцев исследовали неизведанный район Ронгбука и ледник Ронгбук, через которые впоследствии стал проходить северный путь к вершине Эвереста. У Ронгбука находится древний буддийский монастырь, который оказывал содействие экспедициям, шедшим с севера.

В 1922 году англичане направили к Эвересту настоящую экспедицию, которая достигла высоты

8300 метров. Однако семь носильщиков погибли. Несмотря на сильную оппозицию, экспедиция впервые пользовалась кислородом. Хорошо, что был применен кислород, так как без него человек никогда бы не смог подняться на Эверест. Мне кажется, что полет в космос или выход на Луну легче, чем подъем на Эверест без кислорода. Думаю, со временем космонавтов будет больше, чем покорителей Эвереста.

О восхождении на Эверест Мэллори писал: «Если альпинисты хотят победить, то прежде всего им нужна удача, и наибольшая — это доброе расположение самого Эвереста, когда на какое-то время меняется его мрачное настроение. Мы должны помнить, что высочайшей горе присуща и жестокость, причем такая страшная и губительная, что людям поумнее следует не раз задуматься и с трепетом пускаться в это рискованное путешествие».

Следующий штурм Эвереста англичане осуществили в 1924 году. Они достигли высоты 8500 метров. Именно во время этой экспедиции Джордж Лей Мэллори и его компаньон, самый молодой участник экспедиции — Эдмунд Ирвин, исчезли в тумане, когда были уже у вершины. Последний раз, 8 июня, их видел Оделл на высоте 8580 метров. Он писал: «Они упорно двигались к вершине». Наверное, сейчас они там лежат, похороненные на плече Эвереста.

Между 1931 и 1951 годами англичане провели не менее семи экспедиций на Эверест. Так, во время разведывательной экспедиции 1951 года впервые были сфотографированы следы «ужасного снежного человека» — легендарного существа, которого тибетцы называли *йети*.

Легенда о «йети» появилась в 1921 году, когда подполковник Говард-Бэри, руководитель первой экспедиции на Эверест, сообщил, что на высоте примерно 6000 метров он видел на снегу следы, похожие на человеческие. Носильщики сразу определили, что они принадлежат *метокамгми* (Говард-Бэри перевел это слово как «ужасный снежный человек»).

Э. Шиптону рассказывали, что этот получеловек-полузверь покрыт красновато-коричневой шерстью. Однако на лице у него отсутствует растительность: Местные жители утверждали, что «йети» — людоеды. Пита-

ются они также и мясом яков, а пальцы ног у них повернуты внутрь. Есть и такие, которые заявляли, что «истин» — души умерших при родах женщин или людей, погибших насильственной смертью. По уверениям тибетцев, спастись от них можно лишь бегством.

В 1952 году первую экспедицию предприняли швейцарцы, поднявшиеся на 8600 метров над уровнем моря. Тогда Ламбер с Тенцингом двигались по южному маршруту. Швейцарцы вернулись осенью того же года. Им удалось подняться на высоту 8100 метров. Затем девяти историческая английская экспедиция под руководством лорда Джона Ханта³¹ (в то время еще полковника) одержала победу. 29 мая 1953 года Эдмунд Хиллари и Тенцинг Норгей стояли на вершине Эвереста. В 1956 году четверо швейцарцев также поднялись на вершину.

Первая индийская экспедиция под руководством бригадного генерала Гьяна Сингха состоялась в 1960 году. Три члена экспедиции — капитан Кумар, Сонам Гьятсо и Наванг Гомбу не дошли до вершины 200 метров. Второй индийской экспедицией (1962 год) руководил майор Джон Диас. Штурмовая группа поднялась на 8695 метров. На стене Лхоцзе погиб один ее участник. В 1963 году под руководством Нормана Г. Диренфурта состоялась первая американская экспедиция. Она установила альпинистский рекорд — побывала на вершине дважды — обычным путем с южного седла, а затем с западного гребня. В начале восхождения, поднимаясь по ледопаду, погиб американец Джон Э. Брайтенбах. В конечном итоге шестеро участников экспедиции побывали на вершине Эвереста. Наконец, в 1965 году была организована наша экспедиция.

Разбив лагерь в Намче-Базаре, Чима, Боги и я отправились на контрольно-пропускной пункт. Там нас встретили радушно и предложили чанг. Казалось, здесь

³¹ Лорд Джон Хант — руководитель первой успешной британской экспедиции на Эверест. В 1958 г. приезжал с группой английских альпинистов на Кавказ, а в 1962 г. руководил британо-советской экспедицией на Памир, участники которой совершили совместное восхождение на высочайшую вершину Советского Союза — пик Коммунизма (7495 м). Внес большой личный вклад в дело установления и упрочения дружественных связей между горноисходителями Великобритании и СССР.



Сэр Эдмунд Хиллари — 29 мая 1953 года вместе с шерпом Тенцингом Норгеем достиг «высотного» полюса Земли.

нас должны были как следует проверить, но этого не произошло. Мы выпили много чанга. Затем посетили дома местных жителей. В одном из них, двухэтажном, жил довольно богатый купец. Дома такого типа я встречал в Сиккиме. На первом этаже хозяин содержал скот — яков, овец и коз. На первом этаже темно и мрачно, двигаться приходилось на ощупь. Опыт подсказывал, что в таких домах, как войдешь, сначала надо сле-



Тенцинг Норгей

идти шагов десять вперед, затем повернуть направо и уже потом подняться по крутой деревянной лестнице вверх. При этом надо стараться двигаться так, чтобы не разбить голову о низкий потолок.

На втором этаже было значительно светлее. За большой комнатой находилась кухня и крошечная каморка (здесь хранились драгоценности, монеты и редкие каменные скульптуры). Монеты держали в глиняном горшке, а остальные ценности в шкатулках. Длин-

ный стол был покрыт тибетскими коврами. Все свободное место заставлено тяжелой медной посудой, которая казалась нам антикварной.

Повсюду красивые девушки в шелковых одеждах и ярких фартуках угощали нас чангом и мясом яка. Яков здесь приручают и используют как вьючных животных. Молоко яка гуще буйволиного, из него делают сыр и масло. Мясо яка — вкусное. Его варят, жарят и тушат. Хозяйки целый день что-то готовят, и дым клубится прямо над крышей, ведь в домах нет ни печей, ни труо, а только очаги.

Возле домов сидели шерпани и ткали ковры. Намче-Базар славится замечательными тибетскими коврами, жители до сих пор используют тибетскую шерсть. Мы заказали мастерицам небольшие коврики и на обратном пути получили готовые.

Вечером мы вышли из города явно навеселе после выпитого чанга и с трудом нашли дорогу к лагерю. Нам встретились японцы, которые «забронировали» Эверест на 1966 год. «Бронировать» восхождение на Эверест надо заранее. Непальскому правительству платят за это королевский сбор в размере десяти тысяч непальских рупий. Иногда просьб-заявок так много, что приходится ждать лет пять. Японцы привезли три группы альпинистов, из которых собирались отобрать команду для восхождения на Эверест на следующий год. Как мы узнали позднее, после индийской экспедиции 1965 года Эверест «закрыли» и «открыли» только в 1969 году.

На следующий день мы дошли до монастыря Тьян-боче. Туда можно идти через Намче-Базар или через шерпскую деревню Кхумджунг. У помощника сирдаря Пху Дорджи в Кхумджунге собственный дом, и часть участников экспедиции пошла через эту деревню. Сначала мы поднимались по крутой тропинке, затем местность стала ровнее. Показались цветущие луга и покрытые травой склоны. Повсюду благоухали цветы. Они еще не распустились, но покрывали луга плотным ковром. Пахло жасмином и камфорой. Мы с Чимой фотографировали цветы. Нам повстречалась очаровательная шерпани с младенцем за спиной. Я загляделся на нее, а Чима сказал:

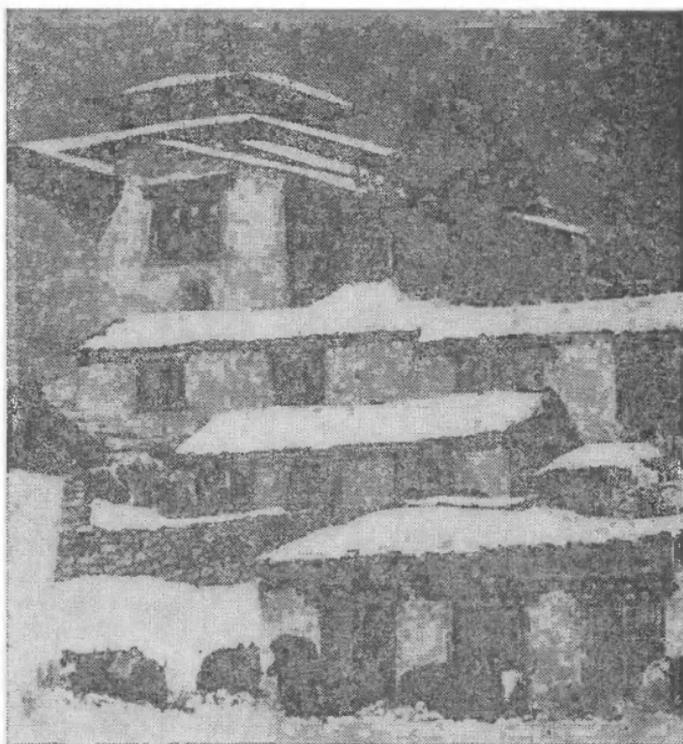
— Какая красивая! Может, сфотографируешь ее?



Лорд Джон Хант — руководитель успешной британской экспедиции 1953 года на Эверест (из архива Королевского географического общества)

Молодая женщина мило улыбалась. На ней было яркое тибетское платье и тяжелые украшения, вокруг головы золотой обруч, а на руках множество стеклянных разноцветных браслетов. Она просто просилась на фотографию.

Мы шли рядом и пытались объясниться на ломаном языке шерпов. Она посмеивалась над нашим ужасным произношением. Мы угостили ее конфетами и сухими фруктами и присели отдохнуть. Чима весело болтал с шерпани и ласково трепал младенца за щечки, а я вошелся с «Никоном». Молодая женщина сидела на боль-



Монастырь Тянгбоче

шом плоском камне. Фоном служило ярко-синее небо. Она взяла младенца на руки и стала кормить его. Я сделал несколько цветных снимков. Мы сняли на киноплёнку также прекрасные орхидеи и разные цветы. Подождали, пока на них сядут пчелы, и тоже сфотографировали.

Наконец к полудню мы добрались до Кхумджунга. Побывали в доме Пху Дорджи, навестили его родителей, жену и дочерей. Зашли в школу, построенную по инициативе сэра Эдмунда Хиллари.

Отсюда крутая тропа вела через луга, которые европеец, наверное, назвал бы альпийскими. Вскоре мы дошли до монастыря Тянгбоче, расположенного на высоте 4000 метров.

Я когда-то читал, что Тянгбоче считается одним из самых прекраснейших уголков мира. Здесь находится знаменитый буддийский монастырь, уступающий по

начению лишь монастырю Ронгбук (Тибет). После того как китайцы разорили Ронгбук, монастырь Тянгбоче приобрел еще большее значение. Большинство лам в монастыре — беженцы из Ронгбука. Настоятель — перемещенец и избирается так же, как и далай-лама.

Тянгбоче манит к себе туристов всего мира. Число их растет с каждым годом. Благодаря усилиям полковника Робертса, ведающего туристическим бюро в Катманду, туристы могут посетить Тянгбоче и полюбоваться величайшей горой мира. Желаящие посетить Тянгбоче прибывают из Катманду на самолете, который совершает посадку в аэропорту Лукла. Туристическое бюро обеспечивает туристов транспортом, питанием и жильем по пути к Тянгбоче и на время пребывания в монастыре.

Монастырь возвышается на пологих склонах. Эти места, пожалуй, можно сравнить с Гульмаргом или Швейцарией. Они очень удобны для занятий горнолыжным спортом. Со всех сторон к монастырю подходят горы, покрытые снегом. Когда подъезжаешь к монастырю, то перед вами открываются изумительные по красоте виды. Слева виден Эверест с дымящейся вершиной, Лхоцзе, а затем стена Нупце. Справа от Тянгбоче — вершина Амадаблам, похожая на пирамиду из твердого снега. Недавно несколько альпинистов-англичан решили подняться на этот пик, но не получили разрешения от непальского правительства на восхождение. Тогда они рискнули подняться на Амадаблам тайно. Когда они были уже у самой вершины, один альпинист упал и увлек за собой двух человек. Тела их так и не нашли. По местному поверью, на вершине Амадаблам обитают боги. У альпинистов не было разрешения на восхождение, вот почему их постигло несчастье.

Ниже Амадаблама находится долина Имджа Кхола. Там можно увидеть красивых птиц с ярким оперением, а иногда и мускусную кабаргу. Тянгбоче окружен небольшими пиками высотой от 5000 до 5700 метров. На каждый из них можно подняться за день. Тянгбоче — идеальное место для акклиматизации. В первый день высота еще чувствуется, но вскоре организм приспособливается, и жить в Тянгбоче становится очень приятно. Нам отвели небольшой домик для гостей на

склоне возле монастыря. Шерпы и носильщики устроились на открытом воздухе. Чима, Боги и я спали в палатке. Там было чище и приятнее. За домиком для гостей Тхандуп, Дану и другие устроили кухню. У них была единственная проблема — вода, которую приходилось носить из родника. Шерпы — веселый народ. Они всегда смеются и без конца пьют чанг и ракши. «Бык» со своим помощником Би Пи раздавал шерпам разноцветное альпинистское снаряжение. Мульки и я отпускали поварам продукты и проверяли ящики.

Как правило, участники каждой экспедиции на Эверест, прежде чем начать восхождение, проходят акклиматизацию в Тяньгбоче, которая продолжается недели две-три. Мохан объявил свой план, несколько отличный от планов других экспедиций. Он разделил экспедицию на три небольшие группы. Было решено, что первые две после пребывания в Тяньгбоче отправятся в базовый лагерь и будут работать на ледопаде Кхумбу. За ними пойдет третья группа. Первые две группы, прийдя в базовый лагерь, в порядке акклиматизации понемногу начнут прокладывать путь вперед. Как только они устанут, их сменит третья группа. Этот план оказался очень дельным, и мы сэкономили много времени.

На большой высоте человеку трудно выполнять любую физическую работу. Да и чем выше, тем природа становится суровее. На высоте 5780 метров атмосферное давление в два раза меньше, чем на уровне моря. В разреженном холодном воздухе тяжело дышать. Легкие не в состоянии обеспечить кровеносную систему требуемым количеством кислорода. Это нарушает нормальный метаболизм (обмен веществ), теряется аппетит, появляются головные боли, бессонница, иногда (это очень опасно) начинается отек легких. Акклиматизация — процесс постепенный и медленный и у разных людей проходит неодинаково. Лучше всего акклиматизироваться по принципу «поднимайся высоко, но спи внизу». И все же высота сказалась на нашем самочувствии. Большинство страдало головной болью и олышкой.

Я вспомнил, что выдающемуся англичанину, капитану Морису Уилсону, удалось подняться на высоту 7300 метров без кислородной маски. Говард Маршал писал в своей книге «Люди против Эвереста»:

«Уилсон — мистик. Он считает, если голодать недели три, то достигнешь такого состояния, когда разум вступает в контакт с душой. Это же утверждают и йоги. Выйдя из этого состояния, Уилсон ощущал, что полностью очистился от всех телесных и духовных недугов и обрел новый запас физической и духовной энергии. Более того, у него было видение, будто, поднявшись на Эверест, он приобретет известность и его теорию примет весь мир, а человечество очистится от зла.

Он не имел представления об альпинизме и задумал посадить самолет на большой высоте в горах, чтобы оттуда продолжить путь на Эверест пешком. Уилсон купил небольшой самолет, научился управлять им и полетел в Индию. В Каире власти задержали его и отправили домой.

Через некоторое время он добрался до Дарджилинга и уговорил шерпов тайком переправить его в Тибет. В монастыре Ронгбук Уилсон заявил настоятелю, что он член экспедиции 1933 года и прибыл, чтобы собрать оставленное в горах снаряжение. Затем, взяв с собой лишь немного рисового отвара, пошел по ледниковым склонам к Северному седлу. В начале апреля он добрался до Лагеря 2, но из-за истощения был вынужден повернуть назад.

Две недели он отдыхал. Затем, вместе с несколькими шерпами, дошел до Лагеря 3, где ему посчастливилось обнаружить запасы продовольствия, в том числе шоколад, сардины и печенье, которые остались от экспедиции 1933 года. Он не умел пользоваться ледорубом и уйти далеко по склонам горы в направлении Северного седла не смог. Каждый день он покидал палатку, отправлялся на штурм ледовых склонов, но, усталый и измученный, возвращался в лагерь».

17 мая 1934 года Морис оставил в лагере носильщиков и отправился дальше в одиночку. С собой Морис взял три веревки, две банки с консервированными апельсинами, фотокамеру, флаг «Юнион Джек»³² и палатку. Ледник ему одолеть удалось, но у ледовых склонов Северного седла пришлось остановиться. Он приказал носильщикам ждать его недели две. Они жда-

³² Юнион Джек — государственный флаг Великобритании.

ли его недели четыре, но Уилсон все не появлялся, поэтому они возвратились.

На следующий год руководитель экспедиции на Эверест Эрик Шиптон обнаружил на этой высоте палатку и замерзшего в ней Уилсона, умершего от истощения и холода. В своем дневнике он написал, что до конца своих дней свято верил в вдохновившее его божественное видение.

Гьятсо и я были включены во вторую группу. Мы пробыли в районе Тьянгбоче пять дней, поднимались на 4800 и 5100 метров, взбираясь на небольшой скалистый пик возле монастыря. С вершины мы любовались чудесным видом на Эверест и четко различали три его склона. Тьянгбоче отсюда казался крохотным.

Вечером настоятель монастыря организовал для нас выступление лам. Они танцевали в костюмах из дорогого китайского шелка, причем некоторым из них было лет семьдесят-восемьдесят, а может и больше. Однако выглядели они так, будто их только что сшили специально для этого вечера. Медные музыкальные инструменты блестели, словно золотые. Танец начался по сигналу гонга. Тревожно звучала музыка, ведь ламы должны были изображать вечный конфликт между добром и злом. В масках орла, тигра, слона они, словно с мольбой, обращали свои взоры к потускневшему небу. Слышался ритмичный топот войлочных сапог.

После танцев мы обедали у настоятеля монастыря. Тхандуп, Дану и помощники пришли заранее, чтобы помочь приготовить обед. Он начался с хорошего чанга — такого мне еще не приходилось пить. Его подавали с особыми церемониями. Затем нас угостили супом из мяса яка, жареным рисом и мясом, лапшой с овощами.

Акклиматизация в Тьянгбоче длилась пять дней и включала занятия на скалах и льду, вязку узлов и обучение пользованию кислородными аппаратами. Утром 18 марта первые две группы отправились к базовому лагерю. День стоял ясный, и мы рано пришли в долину Имджа. Далеко в небе парил Амадаблам, казавшийся недоступным. Мы шли лесом и наслаждались пением птиц. Мимо нас пролетали красивые фазаны. Мы видели грациозную мускусную кабаргу. Охота в этом районе запрещена.

Перейдя через реку, мы поднялись на холм и оказались в деревне Пангбоче. В ней была гомпа³³ — одна из древнейших в этих местах. Она славится тем, что на ней выставлены «кость» и «скальп», якобы принадлежащие «йети», или «ужасному снежному человеку». За определенную мзду «кость» и «скальп» можно посмотреть и сфотографировать. Не так давно этот экспонат позвали для исследования в Англию и США. Ученые предполагают, что эта кость, возможно, принадлежит антропоиду, а скальп — человеку.

После Тьянгбоче первую остановку мы сделали в Пхериче. Когда мы подходили к этому месту, погода испортилась. Ненастье длилось целые сутки. Когда мы вступили в лагерь в Пхериче, пошел снег. Это был первый снегопад за время экспедиции, и мы с удовольствием брели по снегу. Крестьяне приезжают в Пхериче летом, пашут на яках, сеют ячмень, сажают картофель. Поля здесь огорожены каменными изгородями. По обширной долине текут речушки с хрустально чистой, почти голубой водой. Построены загоны для яков. Картофель здесь выращивают очень вкусный. Он составляет главную часть питания местного населения. Местные жители его варят и едят с острыми приправами.

Наступил ясный день. Вокруг лежал снег. На Амадлам, Теваче, Пумори, Эверест и Лхоцзе открывался незабываемый вид. Мы не спеша двинулись по мягкому снегу и добрались до луга Лобудже на высоте около 5000 метров. Вероятно, это самый высокий альпийский луг в мире. Мы расположились на ровном месте у скалистого гребня. После обеда поднялись на гребень и сфотографировали окружающие вершины.

На следующее утро мы шагали по мягкому дерну Лобудже и наслаждались видами морены, висячих ледников, ледовых склонов с валунами и сераками³⁴. Мы дошли до Горак Шепа, где находилось озеро, напоминавшее оазис, и побродили по его высохшему дну. Здесь постоянно пасутся яки. Перед нами оказалась большая скала с высеченным на ней именем Джона Э. Брайтенбаха — участника американской экспедиции на Эверест 1963 года, погибшего на ледопаде Кхумбу.

³³ Гомпа — ламаистская часовня; может входить в монастырский комплекс или стоять отдельно.

³⁴ Сераки — ледовые башни на поверхности ледника.



«Аллея призраков» на леднике Кхумбу

Начались морены нескольких ледников. Затем мы подошли к леднику Кхумбу и оказались в той его части, где он закрыт собственной мореной и обломками скал. Ледник берет начало на северных склонах Лхоцзе и питается снегом и фирном с западных склонов Эвереста. Пройдя немного, мы вступили на небольшой ровный участок, на котором возвышались остроконечные пики из голубого льда, высотой с двух-трехэтажный дом. Они были разбросаны по всей долине. Швейцарцы называли этот участок «Аллея призраков». Зре-

еще потрясающее. Кажется, будто ты попал в страну чудес.

Когда мы вступили в зону чистого горного воздуха и вечных снегов, я вспомнил уже пройденные нами пыльные тропы и изнуряющую жару, сопровождавшую нас в пути. Далеко внизу оставались рисовые поля и плантации кукурузы. Цветущие рододендроны, могучие сосны и ели, зеленые склоны гор, густо заросшие сиреневыми примулами. Мне казалось, что я до сих пор все еще ощущаю аромат жасмина и камфоры, слышу крики фазанов, кукушек и чикори, вижу дятла с бронзовой грудкой. В ушах звучала музыка, под которую танцевали в Тьянгбоче ламы. К вечеру, когда мы пришли к месту будущего базового лагеря, пошел небольшой снег. Из-за падающих снежинок весь район с вершинами Пумори, Нупце, Чангце и Эверестом казался в тумане. Меня волновала близость Эвереста. Я думал о том, какие еще физические трудности предстоит нам преодолеть на пути к нему.

22 марта нам попался сравнительно ровный участок с древними гранитными скалами. Здесь, на высоте 5410 метров над уровнем моря, у подножия ледника, мы собирались разбить базовый лагерь. Намче-Базар и Тьянгбоче остались далеко внизу, а перед нами возвышался ледник Кхумбу. Мы находились на моренном островке ледника. Из базового лагеря хорошо просматривались Лхоцзе, Нупце, Кхумбуцзе, Лингтрэн и Пумори. Макушки Эвереста не было видно — ее закрывало западное плечо самого массива. В честь открытия лагеря и начала восхождения на высоком флагштоке мы подняли трехцветный государственный флаг Индии и аккуратно разложили грузы. Вскрыли большую часть тюков, поставили палатки. Альпинисты вместе с шерпами завершали разбивку лагеря.

23 марта мы отдыхали. Правда, все еще приходилось приводить в порядок базовый лагерь. С трудом выскивали более или менее ровные площадки для палаток. Почти все палатки установили на камнях. Было холодно. Стелился туман. Порывы ветра затрудняли работу. Носильщикам долго пришлось искать, чем развести огонь на кухне.

После обеда все оставались в палатках — писали письма родным и друзьям. Некоторые отсылали сразу



Знаменитая «Подкова»: Эверест, Лхоцзе,
Нупцзе

по двадцать писем. Почту носили специальные гонцы. Раз в неделю мы получали и отсылали почту. Гонцы передвигались быстро — ведь они шагали без груза. Письмо из Катманду доходило до базового лагеря дней за восемь-десять.

Мы долго обсуждали план преодоления ледопада Кхумбу. После трудового дня крепко заснули. Ветер стих. Снегопад прекратился. Наутро ярко светило солнце, а на небе не было ни облачка. Первая группа (она должна была пролагать маршрут) отправилась в путь в сопровождении шерпов. Остальные продолжали работать в базовом лагере. Тхандуп, Дану и помощники построили каменную кухню. Крышей ей служил брезент. За кухней находилась просторная ледяная пещера с потолком из толстого слоя прочного голубого льда,

с которого, словно люстры, свисали ледяные сталактиты. Мы пополняли запасы воды, вырубая лед из сводов пещеры. Перед кухней стояли палатки альпинистов, а в центре — палатка медпункта. Возле кухни была кладовая Мульки. Отсюда он отпускал поварам дневную норму продуктов.

В базовом лагере было невероятно шумно. Днем и ночью с ближайших гор неслись лавины. Самые большие падали или с плеча горы Пумори, или с перевала Лао-Ла. Если останавливались лавины, то слышался непрекращающийся грохот от камнепадов. По ночам не прекращались взрывы — это двигался ледник.

На ледопаде кипела работа. Обычно группа покидала лагерь рано утром и доходила до того места у подножия ледопада, где нужно надевать кошки, так как выше без них подниматься уже нельзя. Место это сравнительно ровное. Отсюда начинался путь по камням. Дальше шли участки из чистого или покрытого снегом льда. Здесь группа разбивалась на связки из двух-трех человек. По соображениям безопасности дальше поднимались связками, прокладывая маршрут от того места, где остановилась предыдущая группа.

Группа, оставшаяся в базовом лагере, занималась хозяйством, сортировала тюки с продовольствием и снаряжением. К этому времени сюда подтянулась группа, покинувшая Тянгбоче последней. Базовый лагерь чем-то напоминал крошечную деревушку, затерявшуюся в пустынной местности. Палатка-столовая вскоре превратилась в клуб, а в медпункте Лала открыл библиотеку.

С каждым днем настроение у шерпов все улучшалось. Они веселились, постоянно подшучивали друг над другом, пели песни. Им очень нравились песни из фильмов на хинди. Они быстро улавливали мотив, правда слова их интересовали мало. Шерпы утверждали, что все хорошие песни из фильмов — о любви. Они знали и непальские песни и неплохо исполняли их. Самой популярной была народная песня из района Эвереста. Называлась она «О, Канча». У этой песни прекрасный мотив. Позднее мы сделали ее лейтмотивом к нашему фильму «Эверест».

Шерпы — люди сердечные, смелые и дружелюбные. Они не признают отношений, основанных на принципе:

хозяин — слуга или наниматель — работник. Но если вы будете ему полностью доверять, он не задумываясь будет рисковать жизнью, чтобы спасти вас на обрывистом склоне или во время опасного восхождения. Шерпы уважают труд и никогда не теряют чувства собственного достоинства. Они много пьют и не ограничивают себя в своих желаниях. Их представления о браке и сексе крайне либеральны.

Эти люди очень обидчивы. Я хочу рассказать об инциденте, который произошел в Тьянбоче. Во время похода Мохан просил меня дарить печенье и конфеты встречавшимся на пути шерпани и детям. Позднее я заметил, что пропали несколько пачек печенья, и потребовал у Дану отчета. Тот страшно рассердился и бросил работу. Я сказал, что вовсе не обвиняю его в воровстве, но настаиваю на том, чтобы он внимательно следил за расходом печенья. Дану не пожелал даже выслушать меня. Тогда я попросил Гомбу урезонить Дану.

— Он должен отчитаться за расход печенья, — сказал я. — Если, например, Дану даст пачку печенья тебе, он обязан сообщить мне об этом.

К моему ужасу, Гомбу ничего не понял и страшно разгневался.

— Я никогда не брал печенья у Дану! — раздраженно ответил он. — Если он так говорит, значит, он лгуш.

Гомбу рассердился и побежал бить Дану за то, что тот якобы оклеветал его. Разразился скандал. Одни поддерживали Гомбу, другие — Дану. Нелегко было навести порядок в лагере. Дня через два Гомбу и Дану снова стали закадычными друзьями.

У нас оставалось много свободного времени, и мы использовали его, исследуя районы прежних экспедиций, и вскоре превратились как бы в уборщиков мусора. Мы собирали все, что могло пригодиться нам в пути. Так, в бывшем лагере швейцарцев нашли банку швейцарского сыра. Мы вскрыли ее, попробовали и тут же выкинули — думаю, даже патриот-швейцарец не стал бы есть такую гниль.

У шерпов существует поверье: если деревенская собака пойдет вслед за альпинистами, это сулит экспедиции удачу. В одной деревеньке к нам приبلудилась рыжая дворняжка. Теперь за ней ухаживали и альпини-

сты и повара. Собаку называли Тигром. Она была очень неприхотлива, спала на снегу. Во время сильных снегопадов мы с трудом находили Тигра — из-под снега блестели лишь его глаза. Тигр провожал каждую группу до места, где надевались кошки, и там оставался терпеливо ждать ее возвращения.

По опыту знаю: на пути к Эвересту основные препятствия — ледопад и стена Лхоцзе. Чтобы преодолеть их, надо обладать отменным искусством восходителя. На это уходит дней десять-двадцать. Последнее препятствие — чисто психологическое, с ним альпинист сталкивается уже после того, как стена Лхоцзе покорена. Преодолеть его можно, лишь проявляя упорство и сбрав в кулак всю силу воли.

Покинув базовый лагерь, мы пошли на штурм ледопада. Высота его от основания до верха примерно шестьсот семьдесят метров. Это один из самых опасных участков пути на Эверест. Когда-то ледопад считали непроходимым. Он походит на территорию, подвергшуюся сильной бомбардировке. Англичане даже дали отдельным участкам ледопада названия: «Адская аллея», «Ужас Хиллари», «Район атомной бомбы». Сам Хиллари назвал его «Рушащийся хаос». Маршрут по ледопаду постоянно меняется. Огромные куски льда упорно сопротивляются земному притяжению, но в конце концов сдаются и падают. Мало того что идти по ледопаду технически трудно — в ясные дни здесь нестерпимо жарко. Порой на ледопаде приходится работать в одной майке.

Несмотря на все трудности, по ледопаду прошли экспедиции 1952, 1953, 1960, 1962, 1963, 1965 и 1970 годов. Все-таки этот ледопад унес несколько человеческих жизней.

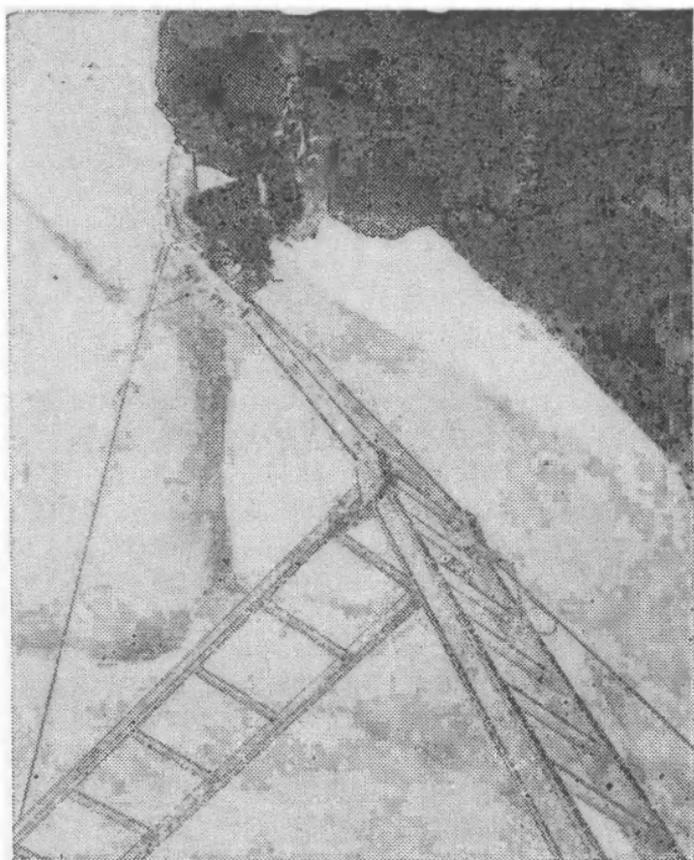
Джон Брайтенбах, член американской экспедиции 1963 года, погиб при переходе через трещину где-то на середине ледопада. Его тело завалили тонны льда, и найти труп долго не удавалось. Однако в 1969 году японская экспедиция обнаружила останки человека и установила, что они принадлежали несчастному американскому альпинисту. Брайтенбаха похоронили неподалеку от монастыря Тьянгбоче. Правда, японцам тоже не повезло — в результате несчастного случая на ледопаде погибло шесть шерпов. В японской экспедиции

принимал участие и Пху Дорджи. Теперь он шел на Эверест с нами.

У нас несчастных случаев не было. Однако понадобилось десять дней упорного труда, чтобы медленно и осторожно прокладывая путь по ледопаду. В конце десятого дня мы действовали увереннее — пропало чувство страха и стало легче вырубать ступени. Лагерь 1 мы разбили на ледопаде на высоте около 6000 метров. Следующую неделю мы посвятили переноске сюда продовольствия и снаряжения. Позднее Лагерь 1 подняли на плато высотой около 6100 метров. Здесь было больше места для палаток и забросок снаряжения. Однако нельзя сказать, что новое место для Лагеря 1 было совершенно безопасным. Дело в том, что трещины на леднике то сходились, то расходились. Однажды ночью наша палатка как-то странно закачалась. Оказывается, прямо под нею открылась трещина.

У нас были и другие препятствия на пути к Лагерю 1. Мы натолкнулись на несколько крутых, почти вертикальных ледяных стен высотой девять—тридцать пять метров. Казалось, никогда не кончатся наши мучения по преодолению трещин. Через одну трещину нам удалось проложить самый большой мост из алюминиевых лестниц, метров двенадцать длиной. При движении к Лагерю 1 приходилось быть очень осмотрительным, так как попадалось много ледяных башен и качающихся, часто состоящих из льда с камнями, глыб. В среднем путь до Лагеря 1 занимал пять часов, а до базового лагеря — около четырех. Когда Лагерь 1 был снабжен всем необходимым, началась разведка подступов к Лагерям 2 и 3.

3 апреля группа, в которую вошли четыре альпиниста и три шерпа, отправилась из Лагеря 1, чтобы установить Лагерь 2. Стояла хорошая погода, и группе удалось в тот же день разбить Лагерь 2 на высоте 6475 метров. Лагерь 2 назвали передовым базовым лагерем, сокращенно ПБЛ. Он находился на половине пути через Западный цирк, который по-валлийски именуют «Долиной молчания». Теперь центром нашей деятельности стал Лагерь 2, который был безопаснее. Он располагался на сравнительно просторной площадке — на ней могли разместиться шесть-семь палаток. Подъем был нетрудный. Он не требовал особого техниче-



Для преодоления ледопада Кхумбу приходится пользоваться такими складными алюминиевыми лестницами

го опыта. Правда, пришлось преодолеть несколько трещин. Мы тут же установили радиосвязь с базовым лагерьем, ведь она так хорошо поддерживает моральный дух любой экспедиции.

Стояла прекрасная погода, и одна группа отправилась устанавливать Лагерь 3. 6 апреля на высоте 7800 метров был разбит Лагерь 3. После этого группа вернулась в базовый лагерь, чтобы отдохнуть и восстановить силы. Дальнейшую работу проводила группа Гомбу. После шести-десяти дней работы на больших высотах совершенно необходимо возвращаться на отдых и базовый лагерь. По мере того как человек поднимает-

ся все выше, у него пропадает аппетит. На такой высоте наступает существенное ухудшение самочувствия и обезвоживание организма, что ведет к потере сил и веса, иногда килограммов на шесть-восемь.

В любой экспедиции, особенно на Эверест, часто не знаешь, как убить время, поскольку большую его часть проводишь в спальном мешке. Это особенно касается жизни в базовом лагере. Работа в горах начинается с рассвета и кончается к полудню для того, чтобы можно было вернуться в лагерь, пока не испортилась погода. Обычно к этому времени уже подмораживает, и поневоле приходится залезать в спальный мешок. Я подсчитал, что в среднем мы проводили в спальнях мешках от двенадцати до пятнадцати часов, а в плохую погоду и двадцать часов в сутки. В хорошую погоду жизнь в лагере не так плоха. С большим удовольствием мы завтракали и обедали на открытом воздухе под лучами пригревающего солнца.

Работа по организации Лагеря 3 продолжалась успешно. Шерпы ежедневно переносили грузы и кислород из базового лагеря в Лагерь 1, а затем в ПБЛ. Склады снаряжения в Лагере 1 оказались в опасности. Когда там никого не осталось, припасы испортили и съели гораци (один из видов воронов). Птицы острыми клювами проделали дырки в консервных банках, пакетах и уничтожили их содержимое.

Возникла еще одна проблема. Хотя Лагерь 3 был безопасен, его недолюбливали шерпы. В 1952 году во время швейцарской экспедиции тут лавиной убило шерпа. С тех пор шерпы уверены, что вокруг этого места бродит дух убитого. Пользуясь любым предлогом, шерпы старались не оставаться здесь на ночь. Они жаловались, что по ночам их беспокоит ночной гость — дух убитого, который стучится в палатки. Один из наших шерпов, Наванг Тсеринг, в 1960 году ушел из Лагеря 3, несмотря на очень плохую погоду. Два года спустя, в 1962 году, во время второй индийской экспедиции на Эверест, его убило скатившимся камнем именно в этом месте. После этого шерпы еще больше боялись Лагеря 3, и, хотя в нем было все для нормальной жизни, они утверждали, что он «населен призраками».

За работу на стене Лхоцзе взялся Гомбу и его группа. Мы хорошо знали опасности, связанные с подъемом

по ней. Лхоцзе (8501 метр) — четвертый по высоте пик в мире. Стена Лхоцзе в основном покрыта голубым (твердым) льдом, в котором трудно вырубать ступени. Она почти вертикальна, и в ряде мест веревку приходится пропускать через крючья, которые вбивают в лед как гвозди. Здесь есть небольшие террасы, по которым надо двигаться зигзагообразно. Не доходя до вершины Лхоцзе, примерно на высоте 7600 метров, приходится траверсировать в левую сторону. Затем путь идет через «Желтый пояс» и «Женевский контрфорс». Здесь всегда дует сильный ветер, пронизывающий до костей.

По инструкции нам разрешалось пользоваться кислородом. Путь мы проложили за четыре дня и расположились на площадке на склоне. Места едва хватало, чтобы поставить двухместные палатки. Мы установили их в ряд. Лагерь был, конечно, неудобен, но позднее он приобрел важное значение, так как именно отсюда штурмовые группы отправлялись с кислородными масками.

Готовить маршрут выше Лагеря 4 начала группа Гьятсо. Эта группа, пользуясь кислородными аппаратами, проложила путь к «Женевскому контрфорсу». 13 апреля к заброске грузов на Южное седло (Лагерь 5) готовилась группа, в которую вошли Чима, я и пятнадцать шерпов. 13 апреля, день, который по индийскому календарю совпадает с праздником «Байсакхи», или Новым годом, считается весьма благоприятным для всяких начинаний.

12 апреля наша группа прибыла в Лагерь 4. На этой высоте было решено кислородом не пользоваться, хотя бы в первое время. Интересно, может ли человек жить здесь без кислорода? Погода испортилась. Пошел сильный снег. Ночь мы провели беспокойно. Снега выпало так много, что он придавил палатку. Погода все не улучшалась, и доставить грузы на Южное седло стало невозможно. Мы решили спуститься, правда Чима и несколько шерпов предприняли безуспешную попытку продвинуться вперед. Несколько дней продолжалось ненастье, и все члены экспедиции, в том числе шерпы, собрались в базовом лагере. Как только прояснилось, мы сразу же принялись за подготовку к восхождению на вершину. Это должна была быть самая ранняя в том году попытка восхождения на Эверест.

К 20 апреля Лагерь на Южном седле был обеспечен всем необходимым. Мы поддерживали связь с Метеорологическим управлением. Всеиндийское радио три раза в день передавало довольно точные прогнозы погоды для района Эвереста. Основываясь на них, 27 апреля первая штурмовая группа вышла из передового базового лагеря в Лагерь 4. Руководитель изменил обычную практику, когда на вершину отправляется связка из двух человек. Он решил направить две связки по два человека. По его мнению, это удобнее, так как связки могут прокладывать путь по очереди. Если один альпинист почувствует, что дальше идти не может, его компаньон присоединится к другой связке.

В штурмовую группу входили Гомбу, Чима и оба Сонама, а в вспомогательную — руководитель, Гуру и четырнадцать лучших шерпов. Десять из них должны были дойти до последнего лагеря. Группа двигалась быстро. 28 апреля она поднялась на Южное седло и на следующий день была готова идти дальше. Дули сильные ветры, не стихающие по ночам. Южное седло — это, пожалуй, самое негостеприимное место в Гималаях. Оно значительно мрачнее вершины. Там ты чувствуешь, что чего-то добился, а тут царит лишь уныние. Кругом — мусор, оставленный предыдущими экспедициями. Так мы нашли бумажник, принадлежавший Хари Дангу — участнику экспедиции 1962 года, и несколько кассет с цветными пленками, оставленных американской экспедицией.

С Южного седла мы направили запрос в Дели с просьбой передать последний прогноз погоды по «горячей линии». Через три часа пришел неутешительный прогноз, и группа решила спуститься в базовый лагерь. Порой судьба готовит неприятные сюрпризы. Прогноз плохой погоды, переданный Всеиндийским радио, оказался правильным. Несмотря на ухудшение погоды, группа благополучно дошла до лагеря, хотя лица участников сильно пострадали от ветра.

К 1 мая все члены экспедиции, предварительно свернув палатки в более высоких лагерях, собрались в базовом лагере. Оставался действующим только передовой базовый лагерь. В нем жили Дану, помощник повара и один шерп. Им оставили радиопередатчик, по которому трижды в день осуществлялась связь с базовым

лагерем. Палатки здесь были так тщательно укреплены, что выдерживали даже ненастную погоду.

На больших высотах погода не улучшалась. Поскольку период муссонных дождей должен был наступить не скоро, у нас в запасе оставалось много времени. В базовом лагере мы всегда были заняты. Альпинисты построили в «Долине призраков» *йглу* (снежные жилища) и обследовали окрестности. Иногда мы отправлялись к местам старых лагерей. Хотя наверху стояла плохая погода, здесь светило теплое солнышко. Цовара кормила нас хорошо, и аппетит у нас улучшился. На завтрак у нас были индийские *чапатти*³⁵, картофель, яйца, масло, джем и жареная печенка. В 11 часов пили кофе, а в обед ели рис, чапатти, овощи и *дал*³⁶, карри из мяса яка или баранины. За вечерним чаем мы получали печенье. Ужинали мы или в палатке-столовой, или на кухне.

С удовольствием по вечерам мы играли в карты. С каждым днем росли ставки, хотя сначала они были низкими. Соблюдалось правило: «заплатишь, когда сможешь». Многие ходили на прогулки. Я искал удобных мест для интересных фотосюжетов. Однажды мы с Кумаром шли два часа до того места, откуда была видна часть Северной стены. Мы прошли не зря — я сделал прекрасные снимки. В общем, время летело быстро. Иногда целые группы выходили потренироваться в скалолазании и работе на льду. Чтобы сохранить форму, некоторые поднимались на ледопад и даже доходили до передового базового лагеря.

Бывали и посетители. Среди них госпожа Даял, вдова Х. Даяла, бывшего индийского посла в Непале, который погиб в районе Эвереста во время предпринятого им похода. Госпожа Даял приходила сюда для совершения в этом районе, и в частности у подножия ледопада, религиозных обрядов в память о покойном муже. Мохан попросил меня и Вохру проводить ее до ледопада. Она была неплохой альпинисткой и, пожалуй, первой женщиной, поднявшейся на ледопаде до такой высоты. После восхождения и совершения необходимого обряда в сердце ее воцарялся мир.

³⁵ Чапатти — пресные пшеничные лепешки.

³⁶ Дал — приправа из вареного гороха.

Затем нас посетили члены японской экспедиции на Чо-Ойю. Японцы придавали особое значение этой экспедиции и восхождению на Лхоцзе-Шар. Они хотели осмотреться в районе вокруг Эвереста, потому что «они бронировали» Эверест на 1966 год, и из состава нынешних групп должны были выбрать участников экспедиции. Поскольку непальское правительство позднее запретило все иностранные экспедиции в свою страну, японцам пришлось отказаться от плана покорения Эвереста в 1966 году.

Неожиданно появились посетители и с севера. Это были китайские солдаты, которые вышли на перевал Лхо-Ла на тибетско-непальской границе чуть выше нашего базового лагеря. Их появление вызвало беспокойство. Они с любопытством приглядывались ко всему происходящему вокруг, и у нас создалось впечатление, что они прибыли лишь за тем, чтобы потом доложить о наших действиях. Проведя такую разведку, они ушли и больше не появлялись.

14 мая дымка над Эверестом рассеялась, ветер утих, и погода исправилась. Она улучшилась лишь после двадцати дней нашего вынужденного пребывания в базовом лагере. Прогноз Всеиндийского радио был тоже обнадеживающим. Пришла пора выходить наверх. Мы слышали о запрете непальского правительства на дальнейшие экспедиции на Эверест, а это означало, что у нас остался последний шанс. Никто не знал, долго ли продлится запрет, и надо было воспользоваться предоставленной возможностью. Я помнил девиз нашей экспедиции: «сейчас или никогда». Именно в этих обстоятельствах лозунг был особенно верным.

Мохан объявил состав штурмовых групп. В первой группе шли Гомбу, Чима, за ними — Гьятсо и Вангьял. В третью группу вошли Вохра и Анг Ками, затем Рапат и Бахугуна, а последними должны были идти Б. П. Сингх и я. Решили, что штурмовые двойки будут выходить с двухдневными интервалами. Этим мы избежим толкотни в последнем лагере. Первая штурмовая группа предпримет попытку восхождения 20, вторая — 22, третья — 24 и четвертая — 26 мая.

План был весьма обширным и составлен с учетом имевшихся у нас запасов кислорода. Я входил в последнюю группу и поэтому решил подсчитать, хватит ли

нам кислорода. Всего у нас имелось сто пятьдесят баллонов, но сорок четыре уже были израсходованы во время неудачного апрельского восхождения. Шесть баллонов зарезервировали для медицинских целей, и только сто оставалось для штурмовых групп. Направлялось сравнение с американской экспедицией, в распоряжении которой оставалось двести баллонов кислорода, и тем не менее она смогла выпустить на вершину только шестерых альпинистов. Я задумался, сумеем ли мы обеспечить всех членов нашей экспедиции кислородом, имея вдвое меньшие запасы.

16 мая первая штурмовая группа в составе Чима и Гомбу с шерпами начала подъем. Стояла ясная погода. Путь по ледопаду изменился, и время от времени нам приходилось укреплять старые мосты или устанавливать новые. В полдень группа дошла до Лагеря 1. Отдохнув, она прошла в передовой базовый лагерь, где проверила и подготовила припасы, снаряжение и кислородные маски. 17 мая Чима, Гомбу и шерпы двинулись к Лагерю 4. Чтобы экономить кислород, было решено, что штурмовые группы начнут пользоваться им только после прихода в Лагерь 4.

В 4 часа дня Чима и Гомбу дошли до Лагеря 4. Из-за плохой погоды Лагерь серьезно пострадал. С помощью шерпов, которых возглавлял помощник сирдара Пху Дорджи, альпинисты укрепили палатки. Погода нам благоприятствовала, поэтому 18 мая группа двинулась к Южному седлу. Теперь уже Гомбу и Чима надевали маски и расходовали два литра кислорода в минуту. По закрепленной веревке они преодолели кулуар Лангзе и дошли до «Желтого пояса». Теперь путь целиком проходил по снегу, камням и льду, иногда смеси камней и льда. Они траверсировали «Женевский контрфорс» и добрались до Южного седла. За ними сразу же поднялся на Южное седло Пху Дорджи со своей группой. Все вместе они восстановили лагерь и разбили палатки.

На краю лагеря они уложили баллоны с кислородом и проверили маски. На Южном седле по-прежнему дул сильный ветер, трепавший палатки. Чима установил связь по радио с передовым базовым лагерем и доложил:

— Все в порядке,

Затем члены штурмовой группы забрались на ночь в спальные мешки. Подачу кислорода снизили до одного литра в минуту. 19 мая первая двойка и шерпы пошли к последнему лагерю. От волнения Чима забыл на примусе банку с фруктовым соком. Только они вышли из палатки, как раздался взрыв, словно пушечный салют. К счастью, никто не пострадал. Затем группа двинулась в путь.

Пху Дорджи поручили установить последний лагерь. Руководитель просил его разбить лагерь как можно выше. Помню, просьба Пху Дорджи не понравилась, и он сказал:

— Я разобью последний лагерь на вершине Эвереста. Пожалуйста, давайте не будем нервничать.

Пху Дорджи и его спутники поднимались очень быстро и скоро миновали площадки, на которых располагались лагери индийских экспедиций 1960 и 1962 годов и американский лагерь 1963 года. Гомбу немного задержался здесь, припоминая, как в 1963 году поднимался к вершине вместе с Джимом Уиттекером.

Штурмовая группа и сопровождавшие ее шерпы поочередно прокладывали путь. После обеда они дошли до взлета на гребне на высоте примерно 8600 метров и решили поставить палатку на небольшой площадке метрах в двадцати ниже его. Так возник последний лагерь на подступах к Эвересту, самой высокой горе в мире. Площадку подровняли, а мягкий снег убрали. Около палатки шерпы аккуратно сложили баллоны с кислородом. Пху Дорджи и шерпы попрощались со штурмовой группой и отправились к Южному седлу.

Члены штурмовой группы рано легли спать, так как впереди был трудный день. 20 мая в 5 часов утра два альпиниста двинулись к вершине. Все волновались и внимательно следили за их продвижением. Мы создали три наблюдательных пункта: в базовом лагере, передовом базовом лагере и в Лагере 4. Из этих пунктов можно было даже в такую погоду наблюдать движение штурмовой группы в бинокли. Из одного пункта сообщили, что видели, как штурмовая группа двигалась по гребню у вершины. Затем она оставалась минут тридцать на вершине и стала спускаться. В 12 часов 45 минут они прибыли в последний лагерь. Погода испортилась. Видимость ухудшилась. Началась метель.

У Чимы повредилась кислородная маска. Группа решила спуститься к Южному седлу и в половине четвертого достигла его. Чима страдал от снежной слепоты, а Гомбу от сильной боли в горле. Лала по радию передал им медицинские инструкции. Отдохнув ночью на Южном озере, Чима и Гомбу спустились к передовому базовому лагерю, где их ждал горячий прием.

Сообщение об успехе экспедиции немедленно передали в Дели. Стали поступать поздравительные телеграммы. В 9 часов вечера мы с волнением слушали сообщение Всеиндийского радио об успехе Гомбу и Чимы.

Приятно было сознавать, что правительство и вся страна разделяют нашу радость. Тем временем в последний лагерь при сильном ветре, скорость которого составляла сто сорок километров в час, перешла группа Сонама. Альпинистов сильно потрепала метель ниже последнего лагеря, но они продолжали восхождение. Сонам Гьятсо получил серьезные ожоги от ультрафиолетовых лучей. Несмотря на метель и сильный ветер, грозивший буквально поднять их в воздух и сбросить с горы, они пробивались вперед.

Из-за ветра они не могли даже разговаривать друг с другом. Двигаясь зигзагами, группа достигла цели. Ветер распахнул полы палатки и забил ее снегом. Они вычистили снег и решили отдохнуть. Сопровождавшие их шерпы страдали от непогоды не меньше сахибов. В конце измученная и уставшая группа потратила несколько часов на поиски последнего лагеря. Наконец, когда альпинисты совсем уже выбились из сил, они увидели лагерь. Шерпы тоже страдали от снежной слепоты, и некоторые отморозили себе пальцы, поэтому они решили распрощаться со штурмовой группой и стали спускаться к Южному седлу. У этой группы и так было много неприятностей. Кроме того, в Лагере 6 лопнули два надувных матраца. Из-за этого Вангьял провел беспокойную ночь. 22 мая в 6 часов 45 минут группа все же покинула лагерь. Сильный ветер не прекращался, но альпинисты упорно продвигались вперед и через пять часов после тяжелейшего подъема уже стояли на вершине. Во время спуска у них что-то не ладилось с кислородными аппаратами, и с огромным трудом в 6 часов вечера они добрались до последнего лагеря.

У них не было другого выхода, и они остались в этом лагере на ночлег. Наутро они продолжали спуск.

24 мая в 10 часов 45 минут третья штурмовая группа поднялась на вершину и спустилась в последний лагерь в 4 часа 15 минут. Вохре удалось сделать на вершине снимки кинокамерой. У этой группы тоже не все обстояло благополучно. На обратном пути у Вохры иссякли запасы кислорода. Они провели беспокойную ночь в последнем лагере в тщетных попытках как-то согреться. На следующий день Вохра и Анг Ками спустились на Южное седло. Там их встретила вспомогательная группа, после чего они отправились в базовый лагерь.

Согласно плану четвертая штурмовая группа должна была совершить восхождение 26 мая, но по радию нас уведомили о предстоящем ухудшении погоды. Поднялся сильный ветер. Принимая во внимание прогноз погоды, день восхождения для четвертой группы перенесли на 29 мая. Положение с запасами кислорода оставалось напряженным. В нашем распоряжении было только двадцать пять баллонов, то есть минимум, необходимый для восхождения.

Конечно, детальный рассказ о том, как мы готовились к восхождению и штурмовали Эверест, далеко не исчерпывает всего, что мы пережили, всех трудностей, волнений и приключений. В следующей главе я подробно расскажу о моих незабываемых переживаниях во время восхождения и об опасностях, подстерегавших нас на каждом шагу, трудностях и, наконец, о чувствах, охвативших меня, когда я уже стоял на вершине.

МЫ ШТУРМУЕМ ВЕРШИНУ

История человеческих достижений знает немало примеров, когда успех приходилось буквально вырывать из цепких рук злой судьбы. Я возвращаюсь к событиям последних дней нашего восхождения и не могу понять, как произошло чудо, когда неминуемое поражение обернулось победой. Что это — судьба, божествен-

ное провидение или же просто человеческая настойчивость, приведшая нас к цели?

Утро 25 мая было ясное, но холодное. Мороз пришил нас в уныние. Вскоре появился Дорджи — он принес нам горячий чай и заявил:

Сахиб, на Лагерь 3 упала большая лавина!

Забыв о чае, Мохан и я выскочили из палатки. Нашему взору предстало страшное зрелище. Лагерь с цветными палатками (к счастью, в тот момент в нем не оказалось людей) был полностью уничтожен и засыпан снегом. Хотя обошлось без человеческих жертв, мы потеряли нечто исключительно ценное. Аккуратно сложенные в лагере баллоны со спасительным кислородом похоронены под лавиной, а с ними и надежды на восхождение нашей группы на вершину. У руководителя экспедиции не оставалось иного выхода, как отменить штурм, который без кислорода был бы обречен на неудачу.

Может, поищем баллоны? — предложили мы.

Подобные поиски явно безнадежны и бессмысленны, ибо трудно представить, как найти несколько баллонов под огромной горой снега.

Если уж вы так настаиваете, то попробуйте, — посоветовал Мохан.

Он дал нам в помощь четырех шерпов. Непальский офицер связи при экспедиции Рана также согласился участвовать в поисках.

Часа через два мы добрались до места катастрофы, но от лагеря не осталось и следа, лишь белая пустыня. Нас было погребено под снегом. Из-под толстого белого «одеяла» торчали лишь черные скалы стены Лхоцзе. Медяные порывы ветра с Южного седла били в лицо. Не тратя времени даром, мы стали расчищать снег и надежде, что найдем если не все снаряжение, то хотя бы несколько кислородных баллонов.

Мы продолжали копать, но никаких признаков снаряжения и баллонов не обнаруживали. Работать становилось все труднее. И тело, и разум напрягались в стремлении преодолеть усталость и мороз, подчинить себе время. К середине дня, после шести часов работы, я почувствовал, что выбился из сил, и ужаснулся этому. Шерпы тоже приуныли. Мы молча посматривали друг на друга и продолжали рыть снег. Минуты казались

годами, но и реальное время — неумолимый враг — было на исходе. В тот критический момент я снова взглянул на шерпов — они молились. Я тоже готов был молить бога о помощи.

Неожиданно мой ледоруб уперся в кислородный баллон. Бог услышал наши молитвы, и чудо придало сил. Несколько ударов — и мы наткнулись еще на один баллон. Какое счастье! Мы улыбались друг другу и копали с утроенной энергией. Нам удалось отрыть все баллоны, погребенные под лавиной. Большинство альпинистов скажет, что нам на редкость повезло. Именно тогда я почувствовал, как крепнет моя решимость дойти до вершины.

Многие знаменитые альпинисты, в том числе Шеклтон, признавались, что при покорении таких негостеприимных районов земли они ощущали присутствие какой-то таинственной силы.

— Все время, когда я поднимался в одиночку, — вспоминал Смайс, — я чувствовал, что кто-то идет рядом со мной. Мне казалось, что достаточно поскользнуться, как этот спутник с веревкой в руках, находящийся надо мной, поддержит меня. Когда я добрался до выступа, то решил подкрепиться и поесть. У меня была лишь мятная плитка. Вынув ее из кармана и тщательно разделив на две части, я предложил моему «спутнику» его долю.

Тяжелейшие испытания во время восхождений иногда вызывают у альпинистов странные нарушения со стороны психики³⁷. Смайс вспоминал еще один эпизод.

— Я возвращался в Лагерь 6, и когда случайно взглянул наверх, то увидел в голубом небе два каких-то темных объекта. По форме они напоминали привязные аэростаты, но у одного из них были короткие толстые крылья. Они парили бесшумно и, казалось, пульсировали, словно дышали. Я был ошеломлен и стал с большим интересом наблюдать за ними. Мне показалось, что мой мозг четко работал, но, чтобы проверить себя, я отвернулся. Вслед за моим взглядом объекты

³⁷ Под влиянием кислородной недостаточности на больших высотах у альпинистов наблюдаются изменения функций высшей нервной деятельности, психики и поведенческих реакций. Одним из проявлений этих нарушений являются слуховые и зрительные галлюцинации и иллюзии.

не переместились, и, когда я снова повернул голову, они были все на том же месте. Я снова отвел взгляд в сторону и в порядке психологического теста стал перечислять в уме названия видимых мною элементов ландшафта. Когда я повернул голову, объекты все еще виднелись. Минуты через две туман закрыл северо-восточное плечо Эвереста, над которым они парили. Туман сгущался, и объекты постепенно исчезали в нем, а затем скрылись совсем. Через несколько минут ветер разогнал туман, но предметы исчезли так же таинственно, как и появились. Если это был оптический обман, то довольно странный. Вполне возможно, что из-за усталости что-то очень простое и объяснимое казалось увеличенным во много раз. Вот все, что я могу сказать по этому поводу.

Мы возвратились в лагерь. Мохан не поверил, что нам так повезло. К счастью, сами баллоны с кислородом убедили его в невероятном. Он уже хотел было ликвидировать лагерь, но тут изменил свои планы.

— Штурмовая группа выйдет в назначенное время, — заявил он.

К нашей группе добавили еще и Пху Дорджи. Кроме него в нее вошли Б. П. Сингх, Боги, Рават и я.

Пху Дорджи, помощник сирдара шерпов, худошавый, добродушный человек, оказывал нам неоценимую помощь. Но он был самым суеверным среди своих соотечественников. Когда Мохан решил, что в знак признания замечательной работы шерпов один из них получит возможность подняться на вершину, Пху Дорджи находился в базовом лагере. Все думали, что он будет вне себя от радости, так как ему была оказана большая честь, но, как ни странно, Дорджи этому сообщению несколько не обрадовался.

Несколько минут он о чем-то размышлял в одиночестве, в палатке, а затем сказал, что не пойдет со штурмовой группой. Всех его решение привело в изумление. Никто не мог понять, в чем дело, и уговаривали его принять участие в штурме. Тут Дорджи снова вошел в палатку, пробыл в ней какое-то время, вышел из нее и снова повторил, что идти на штурм вершины не желает. Тайна открылась позднее, когда его товарищи выяснили, что в палатке Дорджи совершал странный ритуал. На кусочке бумаги или на гальке он писал

«да» и «нет» и каждый раз вытаскивал слово «нет». После чего он заявлял, что боги не одобряют его решения принять участие в восхождении. В конце концов, перспектива подняться на Эверест с группой лучших альпинистов показалась слишком заманчивой даже для суеверного Дорджи, и, хотя сомнения еще одолевали его, он согласился. Как бы извиняясь, он поднимался вдвое быстрее остальных и присоединился к нам на Южном седле.

Утром 26 мая мы покинули передовой базовый лагерь. На небе не было ни облачка. Ничто не предвещало плохой погоды. Прощаясь со мной, главный повар лагеря Дану сказал:

— Да сохранил тебя бог! Буду ждать здесь твоего возвращения.

Он обнимал нас и бормотал молитвы. После трогательного прощания мы пустились в путь.

Однако неприятности словно поджидали нас. В одной связке со мной шел Б. П. Сингх, в другой — Рават и Боги, за нами — двенадцать шерпов. Мы уже одолели третью часть стены Лхоцзе, прошли мимо того места, где накануне выкапывали из-под снега кислородные баллоны, как вдруг Сингх пожаловался на боль в груди.

Пришлось сделать привал. Мы напоили несчастного горячим кофе, но это не помогало. Нам так не хотелось оставлять его одного, но он чувствовал себя действительно плохо и просил продолжить путь без него.

— Вы должны подниматься, — заявил он.

Растерянные, мы раздумывали, что делать дальше, но, к счастью, в это время подошла группа Вохры, спускавшаяся после восхождения на вершину (ночь она провела в Лагере 4). Вохра сильно устал, но встретил нас радушно.

— Подниматься с Южного седла очень легко, — сказал он.

Эти слова подбодрили и придали нам сил.

В Лагере 4 на высоте 7600 метров светило солнце. После обеда, который состоял из жареного мяса яка и риса, мы забрались в спальные мешки. Уже приходилось пользоваться кислородными аппаратами, и мы подавали кислород так, чтобы ночью получать по поллитра в минуту. Я никак не мог заснуть — мучила

мысль, что стоит мне повернуться, и палатка полетит вниз по стене Лхоцзе. Вообще место для палаток было найти трудно. Составлявшие этот лагерь четыре палатки поставили в один ряд.

Мою двухместную палатку поставили с трудом — наполовину она висела над пропастью, поэтому пришлось соблюдать осторожность. Только я задремал, как почувствовал, что из-за снегопада меня придавило палаткой, и я никак не мог ее приподнять. Мои призывы о помощи никто не услышал из-за сильного ветра, трепавшего палатку. Я сильно замерз, и утром меня буквально выволокли наружу.

Стало очень холодно. Установив подачу кислорода на уровне одного литра в минуту, в 10 часов 15 минут мы отправились в путь. Подъем к Южному седлу негруден, и группа дошла до него вскоре после полудня. Прежде чем расположиться на ночь, мы осмотрели места лагерей прошлых экспедиций в надежде обнаружить что-нибудь ценное.

Вскоре нас догнала группа Пху Дорджи. Несмотря на длительный и мучительный путь, Пху Дорджи не унывал. Еще раз проверили запасы кислорода и убедились, что, если нам удастся подняться на вершину, кислорода хватит и на спуск. Мы выпили вкусный горячий томатный суп, съели жареную курицу с рисом и чувствовали себя превосходно и теперь мечтали о последнем лагере. Ветер снаружи бушевал и трепал палатки, но спать в спальных мешках было тепло и уютно.

Утром, выпив по кружке горячего чая, в половине восьмого мы вышли в путь. Ветер не ослабевал. По гребню двигались в таком порядке: впереди — Пху Дорджи, следом я, затем Рават, Боги и семь шерпов. С одной стороны возвышался пик Макалу, с другой — далекое, окутанное облаками, Тибетское нагорье. Режим подачи кислорода составлял два литра в минуту. Выйдя в кулуар, мы стали вырубать ступени во льду и медленно продвигаться вперед. Затем перешли на скалы.

На этом участке пути мы обнаруживали следы прошлых экспедиций. В 9 часов 15 минут прошли мимо площадки, на которой располагался лагерь индийской экспедиции 1962 года, а через полчаса миновали лагерь американцев (высота 8335 метров). На месте индий-



Нижняя часть ледопада Кхумбу

ского лагеря подобрали колышки от палаток, а на площадке американцев два баллона кислорода — полных, под давлением. Мы нашли также и продовольствие. На память я отрезал ленты цветного материала от палаток.

В 11 часов 30 минут мы добрались до места нашего лагеря (высота 8490 метров). Оно находилось чуть ниже «Острия бритвы» — гребня длиной примерно в сорок пять метров, идти по которому было трудно и опасно. Тут шерпы распрощались с нами и пошли

начал. В горах остались четыре человека, решившие побороться силами с высочайшим в мире пиком.

Мы расчистили площадку под две палатки. Скорость ветра достигала около ста километров в час, и палатки пришлось ставить вплотную друг к другу. В одной находились Пху Дорджи и я, в другой — Боги и Рават. На такой высоте с низкой влажностью и давлением рекомендуется потреблять больше жидкости, чем и не преминул воспользоваться Пху Дорджи. Он упорно предлагал фруктовые соки, чай и кофе, и мне кажется, мы с лихвой перевыполнили совет выпивать по кружке воды в час, то есть количество воды, теряемой с выдыхаемым воздухом на такой высоте.

В палатку вошел Рават и спросил, нет ли у нас масла и пряностей, чтобы поджарить курицу. Этого у нас не нашлось, пришлось варить курицу на пару изпод растопленного льда. Воспользовавшись ясной погодой, я вышел, чтобы сфотографировать окружающий ландшафт. Я воткнул ледоруб в лед и укрепил на нем камеру. Морозило, у меня тряслись руки. Однако разнервничавшаяся передо мной панорама была такой величественной, что я боялся упустить возможность запечатлеть ее на пленку. Снял Макалу, Лхоцзе, Южную вершину и Амадаблам. Я был счастлив.

Когда я вернулся в палатку, Пху Дорджи уже приготовил ужин. Мы с трудом жевали сваренную на пару курицу. В мороз челюсти двигались медленно. Я битый час трудился над двумя кусочками курицы. Переодев носки и чулки, я забрался в спальный мешок. Радио-прогноз погоды был обнадеживающим. Сообщали, что на следующий день после полудня погода может испортиться. Поэтому мы решили утром встать как можно раньше и вернуться до того, как погода испортится. Я положил с собой ботинки из оленьей кожи, гетры, а также кинокамеру и широкоугольный объектив, чтобы они находились в тепле до утра. Как и кислородный аппарат, они мешали мне спать.

Места хватало лишь на одну палатку, но, так как нас было четверо, пришлось поставить и вторую. Как и в Лагере 4, только половина нашей палатки покоилась на твердом основании. Укрепляли ее, как только могли, но ветер все равно поднимал одну сторону палатки. Я спал беспокойно, а Пху Дорджи мирно похра-

пывал. Видно, ему чудилось, что он не в палатке, а в качающемся гамаке.

Ветер рвал палатку. Первый раз я проснулся в 9 часов вечера, второй в 3 часа утра. Мне показалось, что я уже выспался. Пху Дорджи мирно спал в одежде и в снаряжении. Потребовалось почти полчаса, чтобы разбудить его, но стоило Пху Дорджи встать на ноги, как он снова чувствовал себя бодрым и энергичным. Несмотря на плохо проведенную ночь, я тоже был свежим и отдохнувшим. Я выглянул из палатки. Надо мной раскинулось лазурное, безоблачное небо. Еще невидимое отсюда солнце начинало золотить горные пики. Я сделал несколько снимков. Рават и Боги тоже проснулись. Мы выпили горячий кофе, проверили снаряжение и в 5 часов были готовы к последнему подъему.

Однако произошло непредвиденное. Мы уже собирались отправиться в путь, как я услышал какое-то шипение и обнаружил, что через регулятор идет утечка газа, а давление в баллоне падает. Это грозило катастрофой, ведь два моих других регулятора уже вышли из строя. К счастью, у Боги оказался запасной, что просто спасло меня. Подъем на «Острие бритвы» начался в 5 часов 30 минут. Вперед пошли Пху Дорджи и я. Через несколько минут вслед за нами двинулись Рават и Боги.

Ветер неистовствовал, а на «Острие бритвы» почти не было точек опоры для ног. Я едва сохранял равновесие под порывами ветра. Мы вгоняли ледорубы в фирн и натягивали веревку, но беспощадный ветер хлестал нас, а холод пробирал до костей. В какие-то мгновения было так тяжело, что мне хотелось отказаться от борьбы.

Главный гребень кончился, но и дальше путь был не менее опасным. Мы повернули направо. Слева от нас оказалась сплошная скальная стена из сланцев. Прижавшись к непрочно лежавшим черным плитам, мы цеплялись кошками за каждый выступ и словно крошечные мушки ползли по огромной крутой стене. Под нами зияла пропасть в три тысячи метров глубиной, дно которой находилось в Тибете.

Кошмар черных скал наконец кончился. Мы вышли на участок «Желтого пояса». Идти стало сравнительно легче. Однако возникла новая проблема. Я обнаружил,

что трубка, по которой кислород подается из баллона и мешочек, пропускает газ. Вероятно, ее проткнул острый зуб кошек. Я обмотал трубку платком, но это не помогло. Однако я все-таки нашел выход. Мы оторвали кусочек клейкой ленты с коробки от киноплёнки и залепили прокол. Утечка газа прекратилась. Теперь приходилось поддерживать длинную трубку, чтобы она снова не попала под кошки.

Вздыхнув с облегчением, мы хотели пуститься в путь, как вдруг Пху Дорджи заметил одинокую фигуру, поднимающуюся к нам с того места, которое мы только что покинули. Мелькнула мысль, не «снежный» ли человек, но Пху Дорджи был реалистом. Он сказал, что это Раят. Размахивая руками, задыхаясь, он уже был под Южной вершиной, где мы остановились, чтобы починить трубку. О том, что с ним произошло, лучше расскажет он сам. Вот выдержки из его дневника:

«Алувалиа и Пху Дорджи ушли. Через десять минут мы двинулись за ними. Я шел впереди. Боги приуныл, видя, что лезть трудно. Он делал каждое движение с запозданием. Не успели мы отойти метров тридцать-сорок от лагеря, как он сел и сказал, что дальше идти не может. Ночью у него на теле появилась сыпь, и он отчаянно чесался. Боги совсем ослабел, потерял последние силы и не мог сделать ни шага. Он развязал соединившую нас веревку, попросил меня идти дальше и присоединиться к другой связке.

Я не раз задавал себе вопрос: правильно ли поступил, что оставил Боги одного. Решать ведь приходилось немедленно. Состояние Боги не внушало опасений, и он мог ждать нас в последнем лагере. Я рискнул подниматься в одиночку. Если будет трудно, всегда можно вернуться в последний лагерь. Потратив на размышления несколько минут, я решил идти. С тяжелым сердцем я попрощался с Боги.

Скорость ветра достигала шестидесяти-семидесяти километров в час. Поскольку я шел один, приходилось сосредоточивать все внимание на местности и с осторожностью делать каждый шаг на остром ледяном гребне. Конечно, было страшно, но я не сдавался. Важнее всего было догнать Алувалиа и Пху Дорджи. Любая ошибка, каждый неверный шаг — и я мог свалиться и пропасть. Собрав последние силы, я двигался вперед.

Мощные порывы ветра валили меня с ног, все труднее становилось сохранять равновесие. Стоять выпрямившись на «Острие бритвы» невозможно.

Идти дальше я не мог. Пришлось ползти на четвереньках, надев предохранявшие от обморожения пуховые перчатки. От ветра я кое-как спасся, но двигаться было трудно. Тяжелые кислородные баллоны, болтавшиеся словно маятники, били по спине. От последнего лагеря я отошел метров на сорок пять. Часы показывали 6 часов утра. Тусклое утреннее солнце не грело, а мороз при ветре казался еще сильнее.

Наконец я спустился по непальской стороне гребня метра на три и нашел небольшую площадку. Переключив дыхание, я достал рацию и хотел связаться с нижними лагерями, но у меня ничего не получалось. Тащить лишний груз на вершину было бессмысленно, и я закопал рацию в фирн. Крепко привязав веревкой кислородный баллон к рюкзаку, двинулся в путь.

Я видел, как Алувалиа и Пху Дорджи медленно идут вдоль правого склона черных скал. Мне приходилось двигаться по краю площадки, где камни переходили в снег. Под ногами качались мелкие сланцы. Пришлось идти то по камням, то, когда скользила нога, по снежной крошке. Часто нужно было рубить лед, чтобы сделать захват для пальцев. Одолев метров двести, я почувствовал, что с кислородом что-то неладит. Стало трудно дышать, но я не знал, что придумать. Тряс головой, махал руками, стараясь привлечь внимание Алувалиа и Пху Дорджи. Снова начал карабкаться на черные скалы. Теперь попадались ступеньки и выступы, удобные для захвата руками, и подниматься стало легче. Пройдя еще метров двести, я оказался у «Желтых скал», по которым траверсировал примерно сто метров. Уже полтора часа я сражался в одиночку. А затем заметил Алувалиа и Пху Дорджи, поджидавших меня у основания Южной вершины. Я с трудом верил своим глазам».

Рават привязался к нам в связку между Пху Дорджи и мной. По своей длине веревка была рассчитана на двоих, но мы действовали вопреки всем теориям.

Ветер трепал нас. Мы рубили ступени, но чем выше, тем неистовее становился ветер. Меня мучила жажда, но товарищи по связке, опустив головы, упрямо шли



Массив Эвереста с гигантским ледником
и ледопадом Кхумбу

вперед. Я не смел просить их остановиться. Вместе с ними я двигался механически, а внутренний голос говорил: «Сдаваться нельзя, надо идти вперед, ты должен победить».

Приходилось медленно и осторожно обходить большие камни на Южной вершине. Мы не пошли через ее верх, а траверсировали метров двадцать влево, пока не добрались до узкой снежной ложбины, которую назвали «Индийским убежищем». Она находится на главном траверсе от Южного седла до «Камина Хиллари». С радостью мы увидели ее, так как это было единственное укрытие от ветра и здесь находилась маленькая площадка, где мы смогли остановиться и выпить фруктового сока.

Отсюда мы решили идти налегке, оставив банку с соком и баллон с кислородом, чтобы воспользоваться ими

во время возвращения от «Индийского убежища» до последнего лагеря. В 9 часов утра двинулись в путь. На каждого у нас приходился один баллон с кислородом, которого должно хватить до вершины и возвращения к этой точке. Подачу кислорода отрегулировали на два литра в минуту.

Сейчас меня больше всего волновало, сможем ли мы пройти «Камин Хиллари» и спуститься по нему после восхождения на вершину. Вдруг «Камин» окажется непреодолимым препятствием и вырвет из рук победу, казавшуюся такой близкой. Спустившись по крутому склону метров на десять, мы оказались перед скалой и узкой тропой, которая вела к «Камину Хиллари» почти вертикальной расщелине между скальной стеной и снежным карнизом, — препятствию, внушавшему мне ужас еще в те дни, когда меня зачислили членом экспедиции. Шедший впереди Пху Дорджи попытался пролезть по «Камину Хиллари», но ноги у него сильно скользили. Он вырубал ступеньку, осторожно ставил на нее ногу и снова соскальзывал. Его неудачи обескуражили и меня, но вот я увидел, как он дотянулся до верхнего края «Камина» ледорубом и глубоко загнал лопатку ледоруба. Затем медленно одолел «Камин». Он сказал Равату, чтобы тот поднимался другим путем, со стороны скал. Рават скользил, приходилось подталкивать его, а меня, шедшего последним, буквально подтянули наверх за веревку.

Преодоление «Камина» оказалось самым трудным испытанием за время экспедиции. Поскольку я находился на конце веревки и довольно далеко от Пху Дорджи, когда он достиг верха, я не заметил, какими зацепами и опорами он пользовался. Рават не смог подниматься с того же места и отошел влево, перелез через большой камень и добрался до верхнего края «Камина». Мне не было видно, как он поднимается, но я решил следовать его примеру. Не сообразив, что зашел слишком далеко влево, я встал на камень и почувствовал, что он закачался. Стоило наступить посильнее, он покатился бы вместе со мной и утащил за собой и двух других альпинистов. Тогда мы все полетели бы в пропасть.

Пришлось потратить минут пятнадцать, чтобы снова начать подъем. Отсюда я не видел Равата и Пху Дор-

джи и не мог криками привлечь их внимания. Я лишь чернул за веревку раза два, чтобы показать, что мне грозит опасность. В таком случае они должны были укрепиться, подстраховать меня, затем подтянуть на перевке. Дергая веревку, я чуть было не ударился спиной о скалу, а ведь на спине находился баллон с кислородом. Случись это, кислород бы вытек, и моя песенка была бы спета.

Мы оказались на ледовой площадке. Отсюда шел не очень крутой склон. Слева — скалы, справа — снег. Мы пошли между ними. Подниматься было не так трудно: попадались снежные, комбинированные скально-снежные участки и скалы. Дыхание становилось все тяжелее. Мы делали глубокий вдох, но он судорожно обрывался, и приходилось ловить воздух ртом. Кончится ли когда-нибудь подъем? Каждый шаг требовал огромного напряжения. Я снова и снова задавал себе вопрос: стоит ли наше восхождение таких мук? Однако разум подсказывал, что стоит, и я делал еще один мучительный шаг, рубил лед, ставил ноги на ступени, вырубленные товарищами по связке.

Шли бесконечные выступы, один за другим. Иногда это были только скалы, иногда скалы, покрытые снегом, или чистый снег. Как долго будет такое продолжаться? Может, цель еще очень далека, может, придется вернуться, не дойдя до нее? Такие мысли одолевают альпиниста при каждом восхождении, но в душе теплится надежда, что момент, когда начнется спуск, близок. Так бывало и со мной. Что-то толкало меня вперед. Наверное, осталось всего несколько метров, может двадцать метров или меньше. Однако путь неуклонно шел вверх и вверх. Когда же все-таки кончится эта пытка? И вот уже нет больше выступов, перед нами возвышался лишь небольшой белый купол. Невероятно! Это же вершина Эвереста!

Да, мы были у цели. Взявшись за руки, прошли последние метры вместе. На вершине гордо реял уже потрепанный трехцветный флаг, установленный нашей первой группой. Были и другие флаги, а также сувениры, оставленные теми, кто побывал здесь до нас.

За вершиной открывалась пропасть, и я посмотрел в бездну. Подмораживало. Было около 30 градусов мороза по Цельсию. Внезапно ветер прекратился, и я

подумая: вот он дар богини Матери-Земли. Мы стояли на высочайшей точке мира и смотрели на открывшуюся нашим взорам панораму. На горизонте виднелись Макалу, Лхоцзе, Нупцзе, Канченджанга и другие пики, но все они были ниже, в лабиринте скал и заснеженных ледопадов, стремящихся к ледникам, которые, в свою очередь, ползли в долины. Мы глядели на север — на плато Тибета, и на юг — на равнины Индии. Вдали блески крыши Тьянгбоче. Незабываемый вид. Я думал о всех альпинистах, поднимавшихся на Эверест до нас, и о тех, кто придет после. Англичане, швейцарцы, американцы и мои соотечественники. Я думал о тех, кто дерзал и победил, и о тех, кто дерзал и потерпел неудачу.

Я опустился на колени и зарыл портрет Гуру Нанак и четки, которые дала мне мать. Пху Дорджи закопал серебряный медальон с фотографией далай-ламы Рават зажег благовоние и оставил фигурку богини Дурги. Затем я решил сделать приношение и от себя лично. Снял с руки часы и пристегнул их к фляшному, установленному в 1963 году американской экспедицией.

Мы постарались увековечить на пленке открывшийся нам сверху чудесный вид. К сожалению, пленка быстро кончилась, и я спустился метра на два с вершины. Снял пуховые перчатки и попытался зарядить камеру, но вставить пленку не смог — она ломалась. Кинокамера уже и так подвела нас. Руки в шелковых перчатках мерзли, но я придумал новый метод. Спустил с бабины примерно треть пленки и плотно закрыл камеру. Когда я стал накручивать ее, она больше не ломалась.

В это время на вершине милый Пху Дорджи приготовил нам горячий кофе. Только он добровольно согласился нести флягу с кофе, в котором мы так нуждались. Я всей душой полюбил нашего простого, бескорыстного спутника.

Мы были на вершине уже полчаса. Запасы кислорода истощались. Пора возвращаться. Мы попрощались с богиней Матерью-Земли. Издали гора казалась величественной, но она прекрасна и сейчас, когда приподняла свое покрывало и обнажила чудесный лик.

Спускаясь, мы вспомнили, что наше восхождение на вершину 29 мая совпадало с другим событием. Ведь

именно в этот день, двенадцать лет назад, Хиллари и Тенцинг — первыми в мире — взошли на вершину. Мы спустились по гребню вершины медленно и подошли к «Камину Хиллари». Затем начался девятиметровый спуск. Мы довели подачу кислорода до трех литров в минуту, а во время траверса Южной вершины — до двух литров. Придя к «Индийскому убежищу», мы заменили баллоны на оставленные здесь. Давление в моем баллоне снизилось, что могло привести позднее к неприятностям, но поскольку мы уже спустились, то отложили эти мысли.

Мы покинули вершину в 10 часов 30 минут, а сейчас было 1 час 15 минут. Мы преодолевали серые известняковые скалы, и кошки цеплялись за непрочно лежащие камни «Желтого пояса». На фоне голубого неба стена Лхоцзе казалась черной. Слева виднелась белоснежная вершина Макалу. Не плохо бы подняться на нее, подумал я, но эта мысль не вызвала в тот момент особых эмоций. Ведь я уже достиг «потолка» альпинистских амбиций, и подниматься выше мне некуда — куда бы теперь я ни поднимался, все равно по отношению к вершине Эвереста это будет спуск.

Пху Дорджи нашел баллон с небольшим запасом кислорода. Это было кстати, так как у меня кислород был на исходе. Днем мы много потрудились, и я шел все медленнее и дышал тяжело. Сменил баллон. Ветер крепчал, но вскоре завыл и стал неистовствовать. Около «Острия бритвы» у меня снова кончился кислород. Дыхание стало судорожным. Снег залепил очки, ноги не слушались.

Если я делал шаг, то мне казалось, что пробежал километр. Спустились мы крайне медленно, тяжело, лопая ртом воздух. Над гребнем неистовствовал ветер. Руки и ноги у меня онемели. Это было страшно, а временами просто ужасно. Я задыхался и думал, что вот-вот у меня лопнут легкие. Я переполз через «Острие бритвы» под ударами ураганного ветра. Иногда ничком влился на снег.

Пху Дорджи страдал не меньше и ничем не мог мне помочь. Наконец мы заметили палатки последнего лагеря — они находились всего в тридцати метрах от нас. Мы попытались привлечь внимание Боги.

— Боги, кислород! Боги, кислород! — кричали мы.

Он не услышал, так как уже шел к нижним лагерьям. Шатаясь и спотыкаясь, Пху Дорджи и я спустились по склону, а Рават поддерживал нас. После каждого шага приходилось отдыхать. Пху Дорджи пошел впереди. Наконец мы добрались до последнего лагеря. Никогда не забуду, как товарищи помогали мне в те критические минуты. Поддержка и дружеская помощь необходимы в горах. Никогда не забудешь человека, с которым шел в одной связке.

В половине четвертого мы прибыли в последний лагерь. Боги оставил два баллона с кислородом возле палатки. Конечно, он совершил бескорыстный поступок — пожертвовал частью необходимого ему самому кислорода ради нас. Рават помог открыть баллоны, а Пху Дорджи и я пытались восстановить силы, подвывая кислород по четыре литра в минуту. Пху Дорджи подогрел фруктовый сок, и, покрепившись, мы почувствовали себя лучше.

Стояла плохая погода, а кислорода оставалось мало, поэтому мы решили не задерживаться здесь и перейти на Южное седло. В последнем лагере полагалось оставить полный комплект припасов, что мы и сделали. Продуктов хватило бы четверем альпинистам дня на три. Кроме того, там были еще спальные мешки и надувные матрацы.

Примерно часов в пять мы были готовы начать путь по главному восточному гребню, но в это время я снова услышал свистящий звук в регуляторе моего кислородного баллона — вытекал газ. Решили спускаться быстрым темпом, чтобы я мог обойтись оставшимся в баллоне запасом кислорода. Однако минут через пятнадцать баллон опустел, и его пришлось выбросить. Теперь — хотя склон был пологий — я двигался очень медленно и думал, что никогда не доберусь до ледяного плато. Близился закат. Издали мы видели плато, на которое падали рассеянные лучи заходящего солнца, окрашивавшие в розовый цвет сверкавшие льдины и снежные кристаллы.

Пожалуй, за все время путешествия я не чувствовал себя таким измученным, как в тот момент. Силы покинули меня. Я пытался шагать, но ноги не слушались. Пху Дорджи и Рават поддерживали меня под руки и тоже теряли силы. Наконец мы упали и не могли под-

шиться. Ветер усилился. Темнело. Решили вырубить во льду яму и провести здесь ночь. От ураганного ветра ноги и руки онемели. Не хватало кислорода. Все попытки встать на ноги не увенчались успехом. Рават командовал:

- Раз, два, три, встать!

Ему казалось, что он кричит, а мы его не слышали. Я не мог даже взглянуть на часы. Очевидно, было около половины седьмого. В тот день мы шли без отдыха часов двенадцать-тринадцать, не считая полчаса, проведенные на вершине, где нам удалось выпить горячего кофе и немного фруктового сока. Воды у нас не было. Теперь кончился и кислород. Мы не знали, что делать. Я сел и начал рубить лед. Наносил удары, но они оставляли на льду лишь царапины. Близилась катастрофа.

В тот момент мы увидели приближавшегося к нам с факелом в руках шерпа Пема Сундера. Пема сразу же напоил нас горячим фруктовым соком. Мы с трудом поднялись и двинулись к лагерю на Южном седле. В половине восьмого добрались до Южного седла, но ни у кого не хватило сил, чтобы связаться по радию с базовым лагерем и передать сигнал победы. Пема Сундер подогрел сок, который мы выпили с наслаждением. В 8 часов мы устроились на ночлег в уютной палатке, хотя отсутствие кислорода ощущалось болезненно.

У меня начались галлюцинации. Мне чудилось, что Рават хочет закрыть вход в палатку, чтобы я задохнулся (Рават, естественно, в это время спал и даже не шевелился.) В гневе я распахнул полы палатки и хотел сорвать ее. Затем я выбрался наружу и стал собирать брошенные кислородные баллоны. Меня не интересовало, пустые они или в них осталось хоть немного кислорода. Как маньяк, я собирал их, складывал в кучу, а затем сел на постели в позе Будды. Когда утром Пема Сундер принес кружку горячего чая, я сидел бледный и обессиленный. Он с удивлением уставился на грудку баллонов у входа в палатку. Позднее Рават рассказывал, что я грубил ему — обвинял в том, что он якобы спрятал фонарик, который я держал в руках, когда отвинчивал регуляторы кислородных баллонов.

Утром в половине восьмого мы вышли с Южного седла в передовой лагерь. По пути на «Желтый пояс»

нам встретилась группа шерпов — они шли на Южное седло, чтобы снять лагерь и забрать оставшееся снаряжение. В 9 часов 45 минут мы дошли до Лагеря 4, где позавтракали яблочным соком, кофе и сушеными фруктами. В половине второго были в Лагере 3, а спустившись отсюда метров на тридцать, я увидел на снегу огромные следы. Шерп бессвязно бормотал, что, наверное, здесь побывал «йети» и, если только он взглянет на следы, его постигнет несчастье. Неужели мне и впрямь удастся увидеть легендарного «снежного человека»? Минут пятнадцать я ждал, держа наготове фотоаппарат на случай, если это чудовище появится. Никто не появился, и пришлось довольствоваться фотографией следов. Когда я снимал, то почувствовал удар в спину и потерял равновесие. Мелькнула мысль, что «йети» все же вернулся, да еще в такой неподходящий момент. Придя в себя, я огляделся и увидел, что на спину мне свалилась глыба затвердевшего снега. Из глыбы торчали большие камни, и, когда она неслась по склону, камни оставляли отпечатки, похожие на следы большого животного. Мое приключение можно добавить к бесчисленным рассказам о «йети».

К передовому базовому лагерю подошли в половине четвертого. Нас встречал Дану и его помощники. Дану отобрал у меня рюкзак и взвалил себе на спину.

— Пху Дорджи и Рават уже пришли и отдыхают, — сказал он.

В лагере нас тепло приветствовали Мохан и Лала. Они сняли с меня кошки и ботинки. Палатка-столовая выглядела просто очаровательно. Мохан предложил мне рюмку коньяка. Я поглядел на Лала, и тот сказал:

— Алу, это не повредит тебе.

Наутро я был бодр и весел. Мы ликвидировали лагерь и после полудня дошли до базового лагеря. Здесь нас ожидала горячая встреча. Было 1 июня, и пришла пора прощаться с Эверестом. На рассвете все члены экспедиции собрались, чтобы еще раз поглядеть на золоченные утренним солнцем Эверест, Лхоцзе, Нупце и другие пики. Гигантские горы, вечные и загадочные, возвышались далеко от нас. Однако к Эвересту мы ощущали особую близость, ведь он стал частицей нашей жизни. Мы покидали снежные просторы богини Матери-Земли, благодаря ее за то, что она была благосклон-

на и помогла нам достичь цели. Мы гордились успехом, но с горечью думали о том, что, наверное, мы уже никогда не вернемся к Эвересту. Нагруженные провиантом, снаряжением и медикаментами, мы покидали лагерь. Последний раз мы смотрели на одетую в туман и облака гору.

На обратном пути груза стало намного меньше, и поналобились только двести носильщиков. В тюках находилось снаряжение и продовольствие. Снова за работу взялся Тхандуп и его помощники. Тхандуп был произведен теперь в «генерал-майоры». Поскольку мы основательно потрудились, аппетит у нас был неутолимый.

Прошли через «Аллею призраков». Стояла середина лета, и по ледникам бежали речушки из растаявшего снега. С каждым шагом мы удалялись от Эвереста. Восхождение на него было событием вчерашнего дня, со временем оно станет еще более далеким, и что же тогда останется? Сотрется ли это событие из моей памяти? Мышел и думал, зачем люди взбираются на горы, что толкнуло меня принять участие в экспедиции на Эверест? На эти вопросы ответить нелегко. В моем представлении горы — это девственная природа во всей своей красе, и познать ее можно, лишь вступив с ней в борьбу.

Манит к себе Эверест. Почему? Да потому, что он великий могучий и требует приложения всех твоих сил и энергии, влечет жестокой борьбой со скалами и льдом. А уж если ты вступил в эту борьбу, то выйти из нее нельзя, хотя бы это грозило гибелью. Поднявшись на пик, ощущаешь радость, счастье, триумф, гордость за одержанную победу. Стоило мне увидеть далекий пик, вершину Эвереста, и я уже находился в ином мире, а внутри меня происходили процессы, которые хотелось назвать мистическими. В каждой вершине меня привлекала ее красота, мощь, одиночество, и она словно бросала мне вызов, который я должен был принять. Кажется, мы установили связь с силами, которые сильнее тебя. Именно это чувство близости к величию и бесконечности поддерживало нас, когда мы из последних сил поднимались на Эверест. Оно вселяло мужество и уверенность в краю холодных, враждебных и беспощадных снегов и ветров. Оно давало энергию нашим телам, закаливало волю и помогало двигаться к цели.

Пока я размышлял обо всем этом, мы уже прошли Горак Шеп. Перед нами расстились бескрайним ковром альпийские луга с мягкой, молодой травой. Мы миновали два камня, на которых выбито имя нашего покойного посла Харишвара Даяла и имя Джона Брайтенбаха. Затем приблизились к Лобудже с ее грязными склонами. За один день мы преодолели трехдневный маршрут и прибыли в монастырь Тьянгбоче Чима нес штатив кинокамеры, а я — аппарат. Нам хотелось сделать детальные снимки этого района. Вокруг Тьянгбоче цвели рододендроны. Пышная природа словно приветствовала нас.

Здесь жили настоятель монастыря и другие ламы. Они встретили экспедицию возле арки у входа в монастырь. Мы расположились в тех же хижинах, что и раньше. За это время мы многого достигли, а тут ничего не изменилось. Тот же самый мирный Тьянгбоче, тишину которого изредка нарушало лишь жужжание молитвенного колеса, те же спокойные ламы. Их молитвы никогда не прерывались, как и течение их однообразной жизни. Не волновали лам ни грохот падающего льда, ни лавины, ни треск ледника. Как и полагалось, вечером торжественно отмечалось наше возвращение. Рекой лился чанг.

Со всего мира поступали сюда поздравления в наш адрес. Я получил телеграммы от родных и друзей. Вечером прибыл президент Индийского альпинистского фонда С. Кхера и вместе с ним журналисты. Они прилетели из Катманду и приземлились на аэродроме Лукла.

Такое внимание нас очень тронуло. Кхера тепло поздравил каждого участника экспедиции и вручил medals тем шерпам, которые дошли до последнего лагеря или Южного седла.

6 июня мы вышли из Тьянгбоче. Утром я проснулся очень рано и долго смотрел на теперь уже далекий Эверест. Дымка над его вершиной растаяла. Миновали Намче-Базар и Кхумджунг — родину многих шерпов. Повсюду устраивались встречи, а в домах нас угощали чангом. Мы начинали пить чанг сразу после завтрака, и веселье продолжалось до вечера. Весть о нашем успехе долетела до отдаленных деревушек, и, конечно, трудно было отказываться от гостеприимства и угоще-

ний добрых местных жителей. Где бы мы ни останавливались, нас с удовольствием кормили и поили.

После долгого пребывания в зоне вечных снегов приятно походить по зеленой траве. На этот раз мы выбрали другой путь, не тот, по которому поднимались, — отправились через Катманду, а не через Джаянагар. Утром 9 июня, когда шли лесом, над нами пролетел самолет, направлявшийся к Эвересту. Позднее мы узнали, что Сарин на самолете индийских ВВС решил заиметь почтение Эвересту и сделать аэрофотосъемку массива.

19 июня мы наконец прибыли в Банепу, где нас уже ждали друзья, родственники некоторых альпинистов и члены дипломатического корпуса в Катманду. Затем праздничная процессия двинулась в Катманду. Снова мы присутствовали на всевозможных приемах. На одном из них мы удостоились чести встретиться с Его Величеством (теперь уже покойным) королем Непала. На другом приеме, устроенном главой индийской миссии помощи Непалу М. Рамунни, было объявлено, что президент наградил нас национальными орденами Падма Бхушан и Падма Шри. До сих пор такие награды вручались лишь в День республики. Мы высоко оценили оказанную нам честь. Проведя три дня в Катманду, мы выехали в Дели.

В столице навстречу нам вышли толпы людей. Среди них были министры, друзья, родные и журналисты. Поскольку премьер-министр находился за границей, встретить нас приехал временно исполняющий его обязанности. Был также и министр обороны И. Б. Чаван. На встрече присутствовал Сарин и другие члены Индийского альпинистского фонда. Сюда приехали и моя мать, отец, братья и сестры. Нас принимали как национальных героев. В Дели состоялись официальные и дружественные приемы.

Затем участники экспедиции разъехались по штатам, которые прислали им приглашения. Так, Кумар, Чима и я отправились в Пенджаб. Два дня мы были гостями махараджи Патиалы. В те дни я жил в Амритсаре, и самый большой прием в Пенджабе состоялся именно там. На всем протяжении нашего пути устанавливались праздничные арки, которые напоминали мне приемы, устраиваемые в честь глав иностранных

государств. Меня включили в группу, направлявшуюся в Бомбей и Пуну, а затем в другую — выезжавшую в Дарджилинг. Было получено много других приглашений, но, так как мне полагалось приступить к работе в Военной школе альпинизма, пришлось от отказаться и выехать в Кашмир.

Я прибыл в летний лагерь нашей школы в Сонамарге в августе. Полковник Чадха направил меня в Гульмарг, чтобы я отдохнул и восстановил силы. Среди отдыхающих вскоре у меня появилось много друзей, в числе был индийский киноартист Прем Натх — любитель отдыха в горах. Он часто покидал Бомбей, убегал от шума и суеты и бродил по горам. Вместе с ним мы чудесно проводили время. Прекрасный отдых рано кончился — началась война с Пакистаном. Пришлось спрятать альпинистское снаряжение и облачиться в военную форму. Пулемет заменил ледоруб, а ручная граната альпинистские крючья.

Война началась неожиданно с появления из оккупированной Пакистаном территории Кашмира диверсантов в нашей части Кашмира. Большие отряды диверсантов двигались через горные перевалы и оказывались на нашей территории в самых неожиданных местах. Судя по документам, захваченным у пленных, у них был приказ объединиться в Сринагаре или Гульмарге. Им сказали, что, когда они дойдут до этих пунктов, пакистанская армия уже будет контролировать весь район.

Регулярная война не похожа на стычки с диверсантами, которые переодевались под местных жителей, так что часто трудно было понять, где неприятель. Большинство диверсантов заручились поддержкой бакарвалов, племени цыганского типа, которое летом уходило в горы со стадами коз, коней и ослов, а зимой спускалось в долины. Диверсанты уговорили старейшин племени пустить их в свои караваны, переходившие через границу.

Выезжать из города стало опасно. Диверсантами был буквально наводнен весь район вокруг Гульмарга. Пока мы прочесывали район, индийская армия уже сдерживала наступление пакистанских войск. Пакистанцы применили новую тактику — они прикрывали огнем артиллерии передвижение диверсантов. У нас бы-

ча сложная задача — сражаться с наступающей армией и бороться с диверсантами, превратившимися в пятую колонну внутри страны. В Гульмарге находился лишь лишь небольшой отряд. Летний лагерь в Сонамарге превратился в тактическое подразделение, и нам поручили ликвидировать отдельные очаги диверсантов, которые частенько нападали на военные колонны, двигавшиеся от Сринагара к Леху и Ладакху.

Однажды поступили сведения, что небольшая группа диверсантов должна вступить в главную долину Гульмарга. До сих пор нам удавалось помешать их появлению в долине. Этот чудесный курортный район превратился в арену военных действий, и никому без охраны не рекомендовалось покидать город. Нам приказали остановить продвижение диверсантов. Я взял с собой нескольких солдат и направился к тому пункту, где ожидалось появление противника. Мы прибыли до наступления сумерек, и солдаты залегли в ложбине возле рощи. Трудность заключалась в том, что мы не знали, откуда придут диверсанты и как отличить их от местных жителей. Никого не было видно. Где-то вдали шла перестрелка. Слышались орудийные выстрелы и изредка пролетали самолеты. Со мной находились солдаты-гуркхи и раджпуты, которым я полностью доверял. Был здесь и мой денщик Шер Сингх. Стемнело. Мы не спали всю ночь.

Около 4 часов утра послышались шаги. Один солдат, находившийся ближе к роще, может быть, от страха или от возбуждения открыл огонь, и началась перестрелка с диверсантами. Вскоре, однако, ответный огонь прекратился. Мы какое-то время подождали. Светало. Оставаясь в засаде, мы сориентировались на местности. Стояла тишина. Противника было не видно, лишь валялись брошенные диверсантами вещи. Мы возвратились на пост.

В Гульмарге я получил приказ выехать в летний лагерь, так как в Сонамарге положение осложнилось. Наш лагерь перенесли в другое место, туда, где имелись казармы. Мы участвовали во многих операциях. Во время одной из них (ею руководил полковник Чадха) на плато, возвышающемся над шоссе Сринагар — Лех, пулей диверсанта был убит полковник. Он тут же скончался. После этого трагического случая атмосфера

в лагере стала тяжелой. Ненависть к диверсантам росла. На фронте, где сражалась регулярная армия, пакистанцы ничего не добились. И тем не менее война продолжалась.

Одна из колонн, примерно в двести автомашин (она везла боеприпасы в Лех), попала в засаду недалеко от расположения нашей части. Мы поддерживали постоянную связь с колонной, так как нам вменялось в обязанность ее прикрытие. Когда мы прибыли к месту засады, здесь шла перестрелка. У нас был минометный взвод. Майор Васудев, руководивший операцией, приказал открыть огонь. После получасовой перестрелки мы заставили диверсантов прекратить сопротивление. Бежать удалось немногим. Диверсанты — высокие крепкие жители Северо-Западной Пограничной провинции Пакистана — были одеты в рубахи и шальвары. Семь человек мы взяли в плен.

Автомашины не только везли боеприпасы, но и роту гуркхов, переправлявшуюся на новые позиции. Попав в засаду, гуркхи укрылись на склоне горы и открыли огонь по диверсантам. Когда вступили в действие минометы майора Васудева, положение быстро исправилось. Среди пленных находился офицер пакистанской регулярной армии — красивый парень, уроженец Северо-Западной Пограничной провинции. Он сообщил, что, согласно полученным им сведениям, колонна автомашин везла продовольствие, и ее охраняли лишь несколько солдат. Появление роты гуркхов, открывшей по врагу огонь, для диверсантов было полной неожиданностью. Две передние машины оказались изрешеченными пулями.

Проводя анализ операции, мы пришли к выводу, что в рядах диверсантов имеются солдаты регулярной армии и вооруженные гражданские лица, а каждой операцией руководит офицер пакистанской армии. Со слов пленного офицера выходило, что пакистанцы намеревались той ночью взорвать мост возле наших казарм. Я был удивлен отсутствием у офицера каких-либо знаний военной тактики, ведь он устроил засаду в самом неподходящем месте. Кроме того, диверсанты сгруппировались в кучу, в результате чего потеряли около тридцати человек убитыми. Они даже не продумали, куда отступать в случае провала засады. Когда начали стре-

ми. минометы майора Васудева, диверсанты побежали на разные стороны и стали удобной мишенью.

Лишь к вечеру мы вернулись на базу. Шли переговоры о прекращении войны. 23 сентября неожиданно было объявлено перемирие. Военные действия в пограничных районах, где сражались регулярные части, прекратились, но диверсанты не сложили оружия, поэтому наши операции по ликвидации диверсантов продолжались.

Шел последний день сентября. Вместе с группой офицеров я выехал на джипе из леса, который мы только что очистили от диверсантов. В момент, когда мы въезжали на территорию базы, послышался выстрел. Я упал и потерял сознание. Когда наконец я пришел в себя, то долгое время не мог вспомнить, что произошло со мной на самом деле.

ВРАЧИ И ЗНАХАРИ

Я возвращаюсь к тому моменту, с которого начал свой рассказ. Процесс выздоровления в делийском госпитале шел медленно и мучительно. Особенно тяжело находиться в столице летом. Конец июня — здесь самый жаркий период года. Из-за жары я не мог проводить много времени на веранде, лишь рано утром в половине седьмого я просил санитаров помочь мне добраться до нее, где сидел, наблюдая за птицами, любуясь цветами и читая газеты. К половине одиннадцатого становилось невыносимо жарко, и я возвращался в палату. По вечерам на веранде все еще было душно, и до утра я оставался в четырех стенах палаты.

К счастью, по вечерам кроме родных ко мне приходили и другие посетители. Мать сидела со мной до половины одиннадцатого вечера и первой приходила в 8 часов утра. Мне надоело питание и однообразие больничного распорядка дня. Утром мать приносила в термосе чай, а к обеду из дома присылали обед.

Стало известно, что приз Арджуны мне вручит сам президент. Друзья и родные решили, что небольшая

прогулка пойдет мне только на пользу. Другой орден, Падма Шри, которым я был награжден в апреле, уже получили все члены экспедиции, кроме меня. Генерал Джозеф, который отпустил меня с военной службы, настаивал, чтобы награды я получил сам. Я колебался, полагая, что появляться к президенту во дворец на короткой прогулке неудобно. До церемонии оставалась неделя. Ввиду моей нерешительности, друзья стали настаивать на том, чтобы 8 июля (церемония вручения была назначена на этот день) я сам отправился в Раштрапати Бхаван³⁸. Утром пришел Сарин и тоже стал уговаривать меня. Госпиталь предоставил для поездки машину скорой помощи. Мать сопровождала меня во дворец. Поездка в машине скорой помощи под палящими лучами солнца была мучительной. Всю дорогу меня терзала жажда. Вместе со мной в машине находились медсестры и санитар. Когда мы прибыли в Раштрапати Бхаван, меня усадили в инвалидное кресло на колесах. Несмотря на то что я пил много воды, тело мое горело, и мне хотелось приложить к груди кусок льда.

Мой брат Соми быстро покатыл меня в коляске по длинным коридорам президентского дворца. Мы поднялись на лифте и оказались в парадном зале: Там уже собрались большинство участников экспедиции, а также члены Индийского альпинистского фонда. Был среди них и Сарин. Все приветствовали меня, а я стеснялся, нервничал и жалел, что приехал. Было подготовлено специальное место для моего кресла. Соми подвез меня к нему, и все члены экспедиции и друзья подходили ко мне здороваться. Некоторые говорили, что я выгляжу лучше, а по выражению лиц людей, не посещавших меня в госпитале, я понял, что они считают меня безнадежно больным.

Приз Арджуны дается за спортивные достижения. За год его получают не более семи-восьми человек. В том году, благодаря успехам нашей экспедиции, число их возросло. Мы особенно радовались, что награда дается всей группе, а не отдельным спортсменам. Я знал, что это идея Сарина.

Вскоре началась церемония. Появился президент д-р С. Радхакришнан в окружении элегантных адъю-

³⁸ Раштрапати Бхаван — президентский дворец в Дели,

гитов. Он остановился на высокой платформе. Все встали. Только я сидел. Альпинистов вызывали по одному и вручали награды. Пришла и моя очередь. Мне показалось, что кровь прилила к лицу. Под аплодисменты меня подкатили к президенту. Он, забыв о протоколе, спустился с платформы, покрытой красным ковром, взял меня за руки и вручил диплом.

Церемония была короткой. В своей речи президент особо отметил меня, что, конечно, было радостно и приятно. Президент ушел. Журналисты, фотокорреспонденты и телеоператоры устремились ко мне.

Я так устал, что в госпитале чуть не потерял сознание. Лицо горело. Может быть, мне не следовало ездить на церемонию вручения орденов. Вскоре Сарин сказал, что генерал Джозеф склоняется к тому, чтобы направить меня в Англию в Стоук-Мандевильский госпиталь. Сарин добавил, что этим вопросом генерал уже занимается.

Нередко приходили письма от племянницы полковника. Очевидно, она не ждала ответа на каждое свое письмо. Время от времени я давал весточку о себе через Соми — он рассказывал ей о моем самочувствии.

Тянулся один из тех скучных дней, когда не знаешь, как убить время и нарушить тягостное молчание. В тот день никто не приходил ко мне, не зашла навестить меня даже сестра. То ли из-за погоды, то ли от усталости мне не хотелось ни спать, ни разговаривать. Наступили сумерки — самое тоскливое время в госпитале. И вдруг я услышал шорох платья. Это шуршал накрамленный передник медсестры. Она вошла в палату и сказала:

— Майор Алувалиа, к вам пришли гости.

Я обернулся и увидел знакомое нежное лицо. Это была очаровательная племянница полковника. За это время она отпустила длинные волосы. Девушка приехала в Дели проводить подругу в Англию и решила навестить также и меня.

— Здравствуйте, рад вас видеть, — сказал я.

Она погладила меня по лбу и проговорила:

— Вы хорошо выглядите, Хари. Я уже приходила к вам, но вы были без сознания. — Она опустила глаза и добавила: — Мне было грустно видеть вас в таком тяжелом состоянии, и я ушла. Сейчас вы выглядите хо-

рошо. Правда, Хари. Я читала о вашем награждении, писала вам, но, видно, вы не получали моих писем.

Я поинтересовался здоровьем ее братьев и сестер, — Все здоровы, — заверила меня девушка, — и полковник, и его семья.

Затем она вышла и вскоре вернулась с корзиной фруктов. Принесла она также несколько книг.

— Простите, но это все, что я могла захватить с собой, — сказала она.

Мне хотелось поблагодарить ее, но от волнения я не мог сказать ни слова — меня очень тронула ее доброта. Ни я, ни она не знали, о чем еще говорить. К счастью, она торопилась — ей необходимо было отправляться в Патиалу. Она пообещала навестить меня еще раз, когда приедет в Дели.

В палате еще долго оставался тонкий запах ее духов. Я лежал в полутьме и перебирал в памяти наши встречи в Дарджилинге и Патиале. Вспоминал и дарджилингский клуб, и сад, окружающий его, и последний день своего пребывания в Дарджилинге, и прощание с ней. Канченджанга в то памятное утро казалась огромным золотым самородком на фоне темно-голубого неба. Солнце медленно поднималось из-за горы. Девушка была в темных очках, что весьма необычно для раннего утра. Возможно, она надела их, чтобы защитить глаза от яркого утреннего солнца, а может, желали скрыть застывшую во взоре печаль.

После моего возвращения с Эвереста мы виделись с ней несколько раз. Встреча в Патиале была поистине романтической, и я, помня, что уже помолвлен с другой, побаивался, не попал ли в трудное положение. Мне казалось, что именно ее увлечение породило нашу дружбу и взаимную симпатию. Она полюбила все, что окружало меня, ореол победителя Эвереста. Может, тогда она и сама не сознавала этого, и я ей действительно нравился. В Дарджилинге она как-то сказала:

— Хари, знаете, я ничего не могу поделать с собой — я люблю вас.

После своего ранения я потерял в жизни много, в том числе и некоторых друзей, так что я совсем бы не удивился, если бы и она перестала со мной встречаться. Но видно, чувство ее ко мне было сильным, ведь девушка навещала меня в госпитале, даже когда я не

оказался в безнадежном состоянии. Всякий раз, приезжая в Дели, она приходила ко мне, и всегда с какими-нибудь подарками. Я был в отчаянии, так как знал, что не имею права отвечать на ее любовь.

Помню, однажды она пришла и в это время у моей постели находилась медсестра. Когда медсестра ушла, девушка сказала:

— Как бы я хотела быть вашей сиделкой, тогда мы всегда были бы вместе.

Я не знал, что ответить, но потом нарочно заговорил о своем состоянии и о том, что подлечить меня врачам почти не удалось.

— Из-за длительного пребывания в госпитале мое жилище сократили вдвое. Если задержусь здесь дольше, его еще сократят. Во всяком случае на то, что выйду на работу, я надеяться не могу, придется идти на пенсию.

Ее реакция была весьма для нее характерной:

— Я не из тех девушек, которые мечтают о деньгах. Я работаю и буду работать всегда.

Я предпочел не продолжать разговора на эту тему. Мне почему-то казалось, что наша дружба долго не протлится.

Время неумолимо. Постепенно она приезжала в Дели все реже, да и письма приходили от нее стали не раз в неделю, а раз в месяц, и тон их стал прохладнее. Наконец после нескольких месяцев молчания я получил от нее письмо, из которого понял, что она ушла из моей жизни навсегда. Но никогда не сотрутся в памяти приятные часы, проведенные с нею вместе. Даже время не выгладит этих воспоминаний.

Наступила осень. Я снова стал проводить много времени на веранде. Напротив веранды была небольшая лужайка. Я запоем читал журналы и книги, которые приносили мне друзья. Руководство госпиталя решило, что, поскольку я провел в нем уже год, меня следовало бы перевести в военно-морской госпиталь в Бомбее, где условия для лечения были лучше. Я с готовностью согласился.

7 января меня привезли в аэропорт Палам и на военном самолете отправили в Бомбей. Пока я лежал в самолете на носилках, самые различные мысли приходили мне на ум. Последний раз я оказался в делий-

ском аэропорту Палам вместе с другими членами экспедиции сразу после возвращения с Эвереста. Там для нас устроили пышную встречу. Собрались толпы людей, множество журналистов и фотокорреспондентов. Люди приветствовали нас, улыбались, щелкали затворы фотоаппаратов. Гремели бодрые марши. Тогда мы были героями. Военный оркестр с удовольствием исполнил для нас разные мелодии, высоко взлетала палочка капельмейстера, громко стучали барабаны и гудели по лынки. Когда я вышел из самолета, мой брат восторженно принял меня в свои объятия. Это был незабываемый момент в моей жизни. Отец с матерью счастливо улыбались. Никто не подозревал, что ждет меняпереди.

Недолго предавался я воспоминаниям. Надо было думать о мрачной реальности и о неясном будущем. Интересно, поможет ли мне лечение в Бомбее? Врачи говорили, что это лучший военный госпиталь в стране. Но ведь с такой же уверенностью они заявляли, что я останусь инвалидом и буду прикован к постели. Этого я опасался больше всего. Никогда я не представлял, что буду таким беспомощным и всю жизнь проведу в постели. Я не знал, что меня ждет в Бомбее, но не сомневался, что буду скучать по родным и друзьям.

Надо сказать, что последние дни я чувствовал себя неважно. Самолет приближался к Бомбею, а на душе у меня было беспокойно. Снова нахлынули воспоминания. Теперь они мучили меня очень часто. Я мысленно возвращаясь к школьным походам, покоренным вершинам, сделанным в горах снимкам. Вот они — женщины, курящая бамбуковую трубку, пони, младенцы, выглядывающие из-за спины матери из сумки.

И тем не менее я был уверен, что обязательно поправлюсь. Когда это произойдет, я не знал, — но то, что это будет, знал точно.

Стюардесса объявила, что мы совершим посадку на аэродроме Санта-Крус. В Бомбей самолет прибыл после обеда. На борт самолета поднялись несколько человек в военно-морской форме — служащие госпиталя. Они перенесли меня в машину скорой помощи и отправили в госпиталь.

Мы ехали по главным улицам города. В Бомбее я бывал и раньше. Мимо пролетели Санта-Крус, Банч-

ра, Дадар с их ресторанами. Затем Педдар-Роуд, Марин-Драйв, отель Тадж-Махал. Последний раз я посетил этот город вскоре после своего возвращения с Эвереста, в июле. Всеиндийская шерстяная федерация устроила для нас прием. Мы жили в Тадж-Махале, и окна моей комнаты выходили на море. Сейчас все было иначе — мы мчались по улицам Колабы, а затем оказались в тихом тенистом зеленом районе, где располагался госпиталь.

Езда утомила меня, и я был рад, что машина наконец остановилась. Санитары перенесли меня в большую просторную палату, уложили в постель и открыли окна. За окном виднелось море, корабли на якоре, маяк и слышались удары волн о берег. Было так приятно снова увидеть море. Теперь я мог следить за кораблями на рейде, наблюдать за лодками и слушать шум моря.

С сотрудниками госпиталя, исключительно милыми людьми, я подружился очень быстро. В общем, жить здесь было приятно. Правда, сильно тосковал по дому. Больше всего я скучал по матери и совсем потерял аппетит. Часто хотелось остаться одному. В Бомбее у меня было много друзей, но мне не хотелось встречаться с ними — не знал, доставит ли им удовольствие общение со мной, но надеялся, что со временем, узнав о моем приезде, они сами навещат меня. Не знаю, почему у меня было такое настроение. Пожалуй, дело в том, что некоторые друзья, посещавшие меня раньше, вели себя так, будто они потеряли ко мне всякий интерес. Я пролежал в госпитале уже полтора года, и мне тяжело было наблюдать, как старые друзья отходят от меня. Вспоминал человека, которого я звал «дядя». Он прославлял меня, как героя, обнимал и всем хвастал: — Это мой племянник.

Однако, когда я заболел и стал инвалидом, он стал меня избегать. За долгие месяцы болезни я хорошо изучил характеры людей. Конечно, было и много хорошего. Я познал истинную любовь и сострадание. Многие оставались рядом — и старые друзья, и новые. Регулярно меня посещал полковник Гурдев и его супруга. Беседы с ними, их тепло и доброта, которые они всегда несли с собой, буквально согревали меня за время пребывания в госпитале.

Врачи приступили к работе по восстановлению моей трудоспособности. Меня возили в отделение физиотерапии, где молодой врач, мисс Ваниа, возглавлявшая отделение, специально для меня разработала обширную программу. Сначала следовало пройти курс теплового лечения лампами и другими электрическими приборами. Затем следовали физические упражнения. Мною руководили весьма опытные тренеры, и, хотя упражнения были нелегкими, я старался изо всех сил, понимая, что они пойдут на пользу. Мисс Ваниа не прекращала со мной занятий до самого конца моего пребывания в госпитале. В кабинете трудотерапии мне давали упражнения для рук и ног. Сначала там занялись моими руками: специальным аппаратом приводили их в движение. Металлические крюки держали пальцы, а ремень подтягивал кисти рук назад. Это была болезненная операция, и я мог в любой момент прервать ее, но она, к счастью, помогала, и я постепенно привык к этому страшному аппарату.

То же самое проделывали и с руками других пациентов, в частности с майором Вермой (он находился в таком же состоянии, как и я). Мы часто направлялись в отделение физиотерапии вместе, а в промежутках между тренировками беседовали. Иногда даже ели вместе. Г-жа Верма переехала с детьми в Бомбей и кормила нас самыми изысканными блюдами. Их дети — мальчик и девочка — бегали по госпиталю за кошками, а мы тем временем ели и болтали о жизни.

Меня навещали члены некоторых бомбейских альпинистских обществ, а также энтузиасты, собиравшиеся в экспедицию в Гималаи. Хотя я был уже далеко-далеко от гор и понимал, что моя альпинистская карьера кончена, проблемы высокогорных экспедиций меня интересовали.

Прошло около трех месяцев после того, как я уехал из Дели. 25 марта я получил из Дели письмо, из которого следовало, что в Бомбей приезжает Сарин и на следующий день посетит меня. Помимо важной работы для правительства Индии Сарин делал очень много для развития нашего альпинизма. Мне так хотелось познакомиться с ним! Ведь он так умел заражать окружающих своим энтузиазмом. Сарин оптимист, и рядом с ним все трудности кажутся преодолимыми. Мне инте-

решно было знать его мнение о сложившейся со мной ситуации.

На следующий вечер Сарин, улыбаясь, вошел в мою палату. Он сказал, что есть решение послать меня на лечение в Эйлсбэри в Стоук-Мандевильский госпиталь. Конечно, я очень обрадовался этой новости, так как слышал много хороших отзывов об этом госпитале. Известно, что существует огромная очередь желающих туда попасть, и если мне это удастся, то только благодаря усилиям Сарина. Так что новость была ошеломляющей. Он добавил, что документы уже посланы, и осталось только ждать ответа из Англии. Я представлял, каких трудов стоило Сарину добиться согласия военных медицинских властей на мое лечение за границей и преодолеть все формальности. Сарин спешил — его ждало много неотложных дел.

Веру в лучшее будущее поддерживали во мне мои друзья и встречи, подобные той, которая произошла с Сариним. Я никому не сказал о том, что, возможно, поеду в Англию, но сам был чрезвычайно рад и взволнован. Я чувствовал, что именно после моего пребывания в Стоук-Мандевиле я не буду больше зависеть от других людей. Моя жизнь в госпитале в Бомбее текла по-прежнему. Я ждал ответа из Англии. Ежедневные процедуры в отделении физиотерапии и в кабинете трудотерапии играли в то время главную роль.

В палате все чаще появлялись посетители, и каждый старался предложить свой, новый метод лечения. Одни расхваливали методы лечения иглотерапией, другие советовали обратиться к гомеопатам, третьи сообщали последние достижения аюрведической системы. Однако у меня не было ни физических, ни моральных сил для новых медицинских экспериментов. Правда, я терпеливо выслушивал все советы, но принять их не мог — просто ждал, когда посетителю надоест говорить о методах лечения и он перейдет на житейские темы, о росте цен на рынке и т. д. Труднее всего приходилось с искренними поборниками — они были полны надежд и весьма красноречивы. Не обращая внимания на мое молчание, они продолжали настаивать на своих способах лечения моего недуга.

Я заметил, что полковник Гурдев и его супруга в последнее время как-то погрузстнели. Они мало говорили

со мной и почти не шутили. Видно, им очень хотелось, чтобы я все-таки испробовал предложенный ими метод лечения.

— Есть хаки³⁹, Хари, — сказал однажды Гурдев, — и очень хороший.

Затеяв этот разговор, Гурдев оживился и стал хвалить достижения системы *унани* и успешные методы хакима. Он заверял меня, будто бы тот исцеляет безнадежно больных и вообще добился в лечении удивительных результатов. Супруги знали, что я не доверяю хакимам и их методам. Они понимали, что вряд ли я отнесусь серьезно к их предложению. Из Дели мне позвонила мать. Она спросила:

— Хари, в чем дело? Почему ты не хочешь обратиться к хакиму?

И добавила:

— Может, он и не поможет, но и вреда никакого не принесет.

Однажды ко мне все-таки пришел хаки³⁹. Гурдев ввел его в палату. Поклонник хакима — огромный сикх — поднял дверную занавеску, пропуская вперед знахаря. Прежде всего хаки³⁹ объяснил, какие именно болезни он лечит, затем перечислил всех, кого он уже исцелил. Это длилось довольно долго. Что касается диагноза и лечения моего заболевания, то, по его мнению, требовалось совсем немного времени. Для снадобья нужно растолочь *моти* (жемчужины) и *кастури* (чудодейственное средство — вытяжка из каких-то органов оленя). Знахарь тут же добавил, что снадобье будет стоить довольно дорого, но результаты превзойдут все расходы.

За лечение следовало платить от двухсот до трехсот рупий в день. Помимо снадобий я должен был ежедневно съедать на завтрак четверть фунта *ghi* (топленого масла), смешанного с полфунтом молока, суп из дюжины голубей, примерно четыре стакана. Суп следовало принимать дважды в день вместе со снадобьями.

Я был сбит с толку. Может быть, хаки³⁹ что-то напутал и прописал диету для борца? Вмешался его поклонник:

³⁹ Хаки³⁹ — знахарь.

— Сэр, для вашей диеты я с удовольствием буду поставлять молоко и гхи.

— Да это не проблема. Сардар⁴⁰ сахиб позаботится обо всем, — сказал Гурдев.

Что касается голубей, то Гурдев пообещал сам доставать их. Я готов был приступить к лечению, как только хаким подтвердит свой диагноз. Что касается платы, то выяснилось, что я буду платить только в том случае, если эти средства мне помогут. Итак, все было готово. Явно довольный сардар распрощался с нами. Гурдев сказал, что у сардара есть молочная ферма. Наверное, его буйволы были самые сильные, если он их держал на такой же обильной диете.

На следующее утро хаким пришел снова, чтобы подтвердить диагноз и уточнить методы лечения. В это время в палате находилась приехавшая из Дели навестить меня г-жа Бали, очаровательная дама. Пока хаким пытался поставить диагноз, он все время поглядывал на даму. Я нарушил молчание.

— Хаким джи, давайте начнем лечение — я готов.

Так и осталось неясным, кому ставил диагноз хаким, то ли мне, то ли прекрасной посетительнице, ведь именно ей он уделял больше внимания. В общем, я решился приступить к лечению и рассчитывал взлететь к облачным высям словно голубь, которого ловили для супа.

К моему лечению приступили с понедельника. Рано утром появился Гурдев с молоком, гхи и пилюлями, приготовленными хакимом. Завтрак был малосъедобным, правда от него меня не тошнило. Затем Гурдев принес два термоса с супом. Я поел, но меня тут же вырвало. Хотелось плюнуть на всю затею, но я все-таки принял пилюлю, которая, по словам хакима, помогала усваивать пищу. Я проглотил ее, но про себя подумал, что хаким — шарлатан. Тем не менее я продолжал честно выполнять его предписания. Я промучался всю неделю. Затем поблагодарил хакима и сардара и спросил, сколько я им должен. Сардар гордо отказался от денег за молоко и гхи и добавил, что за все заплатит хакиму сам. Он просил меня не обижать его и не настаивать на плате. Я был тронут и поблагодарил их.

⁴⁰ Сардар — обычное вежливое обращение к сякху.

Эксперимент с системой унани провалился, и я вернулся к обычной диете.

В однообразии будничной больничной жизни произошли некоторые перемены. Один товарищ одолжил мне пишущую машинку, и я стал учиться печатать. Пальцы еще были слабые, и я не мог долго держать перо в руках, поэтому за меня письма писали другие. Это и привело меня к мысли достать пишущую машинку и самому заняться личной корреспонденцией. Подолгу просиживая в инвалидном кресле за машинкой, я пытался научиться печатать. Прошло несколько дней, и на бумаге появились первые слова. Хотя целую страницу я напечатать еще не мог, первый успех окрылил меня. Вскоре я так увлекся, что ответил на груды накопившихся писем и привел в порядок свою корреспонденцию. Это был серьезный шаг вперед. Я находил удовлетворение в том, что мог без посторонней помощи общаться с дорогими мне людьми. Все дольше задерживался я на планше, складывая буквы в слова, слова—в предложения.

Кроме того, раз или два в неделю мне разрешили ездить на автомашине на Педдар-Роуд, в студию документальных фильмов. Там монтировали кинокадры, отснятые нашей экспедицией на Эвересте. Пока я находился в Бомбее, у меня была возможность наблюдать, как идет работа над фильмом. Режиссером фильма был Тапа. Вместе с ним я поднялся на пик Фрей в 1961 году. Вскоре мы подружились.

С пика Фрей он привез с собой несколько чудесных кадров. Во время этого восхождения он учил меня снимать кинокамерой. Его уроки не пропали даром. Фотография стала моим хобби, весьма полезным для альпиниста. Я беззаветно любил горы, а научившись фотографировать, увидел их по-новому.

Все мои товарищи по восхождению на Эверест были фотографами-любителями. Нашу группу подбирали с учетом альпинистских способностей и фотографа-профессионала не дали. Ни у кого из нас не было должного опыта, особенно в киносъемках, но, поскольку некоторые имели восьмимиллиметровые камеры, им полнейше приходилось выполнять обязанности официальных фотографов экспедиции.

При съемках мы ставили перед собой самые простые задачи. Из-за ограничений на импорт иностранной

товаров сумма валюты, отпущенной экспедиции, была велика, и нам приходилось сводить кино съемки до минимума. В нашем распоряжении имелось четыре кинокамеры. Я снимал швейцарской камерой «Поллард Болекс». Говорили, что она приспособлена к зимним условиям и ею можно пользоваться до самой вершины Эвереста. Она работала до последнего лагеря над Южным седлом, однако в пятнадцати метрах от вершины замёрзла. В отчаянии я хотел швырнуть ее в пропасть, в Тибет, но Пху Дорджи меня удержал. Теперь, когда вспоминаю свои хлопоты с кинокамерой, я благодарен Пху Дорджи. На вершине я сделал несколько снимков аппаратом «Никон». Мне удалось также отснять и около сорока кинокадров. Позднее я сообразил, что, вероятно, причиной моих неудач оказался не столько «Поллард Болекс», сколько мои нервы.

В основном наши кинолюбители действовали успешно. Они сняли на пленку всю местность от базового лагеря до нижней половины ледопада Кхумбу. Были сделаны интересные снимки таких природных явлений, как ледяные пещеры и ледяные башни, лавины и трещины. Отснятого материала оказалось достаточно для полнометражного фильма, и его передали студии документальных фильмов, а Тапу назначили его режиссером. Он уже создал короткометражный фильм под названием «Вызов Эвереста», который вышел в прокат. Теперь Тапа работал над полнометражным фильмом. Когда я впервые пришел на студию, монтаж фильма уже заканчивался. Я помог режиссеру установить, где снят тот или иной кадр, и расположить их в должной последовательности. Много дней я провел на студии. У меня оказалось много времени, чтобы восстановить в памяти свои альпинистские приключения. Работа на студии отвлекала меня от грустных мыслей, от больницы, и я с нетерпением дожидался каждой поездки на Педдар-Роуд.

Одно дело снимать восьмимиллиметровой камерой и совсем другое — подготовить полнометражный фильм. Вскоре мы поняли, что подготовка фильма, который должен выдержать конкуренцию на коммерческом рынке, — работа, требующая высокой квалификации. Было решено пригласить на консультацию опытных кинематографистов. Тапа и я разослали приглашения специа-

листам. Когда мы показали им фильм, — и поступили совершенно правильно — то получили много полезных советов.

Специалисты заявили, что музыкальное оформление должно быть хорошим и, если бы нам удалось получить помощь какого-либо известного дирижера из мира кино, это улучшило бы качество фильма и повысило его рыночную цену. Нам называли разных музыкантов, в частности популярный дуэт Шанкар—Джайкишан.

Конечно, хорошая музыка — это прекрасно, но тогда на создание фильма ушло бы денег раз в десять — двадцать больше. Ассигнования на музыкальное оформление фильма были ничтожны. Друзья помогли мне установить контакт с Шанкаром. Несмотря на большую занятость, он оказался настолько любезным, что приехал ко мне в госпиталь и сразу же проникся нашими проблемами. Я показал ему фотографии восхождения и постарался поподробнее рассказать о самой экспедиции. Ему понравился предварительный монтаж фильма, и он согласился принять участие в его создании.

Наступил щекотливый момент.

— Наш бюджет... — жалобно залепетали мы.

— Пусть это вас не беспокоит, — заверил Шанкар.

Короче говоря, он сказал, что будет работать бесплатно, и свое слово сдержал. Мало того, Шанкар сам оплатил услуги оркестра, в котором участвовало около ста человек.

Я продолжал работать над фильмом и принимать курс лечения. Свести Тапу и Шанкара оказалось делом нелегким. Оба они люди занятые, к тому же за Шанкаром в мире кино буквально охотились. Стоило его обнаружить, как выяснялось, что свободного времени у него нет. Я ездил на студию Махалакшми, где на четвертом этаже находилось музыкальное отделение. Как бы ни был занят Шанкар, он всегда встречал меня внизу. В этом проявлялась его врожденная скромность. Мы беседовали в машине и всегда обо всем договаривались. Вообще, в те дни, по-моему, все вопросы разрешались либо по телефону, либо в машине. Если фотография давно стала моим хобби, то теперь я страстно увлекся и музыкой. В процессе работы с Шанкаром над фильмом мне захотелось больше узнать об индийской музыке с ее богатыми традициями, и в частности

и природных песнях. Работа над фильмом шла успешно, и мы радовались этому.

Я пробыл в Бомбее уже месяцев шесть. Наступил июль, и начались муссонные ливни. Из окна я наблюдал, как мчались над морем тучи. Во время дождя дул легкий бриз. Окутанные пеленой дождя прибывали и уходили суда. Рыбаки с песнями направлялись на своих лодках в море. Я знал, что скоро покину эти места, ведь день моего отъезда в Англию приближался.

Наконец был получен долгожданный ответ из Стоук-МанDEVильского госпиталя. В письме сообщалось, что мне отведена комната и отправляться в путь следует дня через четыре. В связи с моим отъездом в Англию возникли сложные и почти непреодолимые препятствия. Во-первых, необходимо было получить разрешение военных медицинских властей. Бомбейские врачи считали, что такое разрешение получить почти невозможно. Во-вторых, встал вопрос, кто будет сопровождать меня и самолете. Из-за моего тяжелого состояния возникали и другие сложности. Я уже стал сомневаться, удастся ли вылететь, как планировалось, 9 июля. Однако мне повезло. 2 июля в госпитале меня посетил Сарин вместе с видными представителями армии и военного флота, и за несколько минут были подписаны необходимые документы и покончено со всеми формальностями. Предстоящее путешествие меня уже больше не пугало, хотя некоторые проблемы решены еще не были.

Хотелось до отъезда узнать, как идет работа над фильмом, и я позвонил в студию. Фильм еще не был готов, а Шанкар сказал, что напишет к нему музыку лишь после того, как просмотрит весь фильм, пусть даже незавершенный. Я узнал, что у Шанкара месяца два-три уйдет на написание музыки к фильму и на запись. Однако он заверил меня, что волноваться не следует, он свою работу завершит вовремя. Получив его заверения, я принялся за личные дела.

Чтобы помочь мне собраться в дорогу, прилетела мать. Мне сказали, что вопрос о сопровождении решен, так как авиакомпания «Эйр Индия» взяла на себя заботы обо мне. Сарин позвонил в наши посольства в Москве и Лондоне, и меня должны были встретить в обоих портах. В общем, все проблемы решились сами

собой. Наконец наступило ясное утро 9 июля, правда накануне всю ночь лил дождь.

До аэродрома Санта-Крус меня провожал Джилл, мой близкий друг. Через две недели Джилл надеялся снова увидеться со мной, так как был принят в одно из учебных заведений Англии. Его приезд решил бы еще одну проблему, так волновавшую мать, — кто будет завязывать мой тюрбан в Стоук-Мандевильском госпитале? Казалось бы, это пустяк, но для сикха — вопрос важный. Однажды, сияя, мать вошла ко мне в палату и заявила:

— Хари, мне сказали, что в Эйлсбэри живет еще одна семья Джиллов. Они помогут тебе.

Однако через несколько дней она снова забеспокоилась: выяснилось, что Джиллы в Эйлсбэри уже давно перестали носить тюрбаны и вряд ли знали, как их завязывать. После трогательного прощания с родными мой брат Соми и Джилл посадили меня в «Боинг», который именовался «Лхоцзе».

Самолет оторвался от земли. Я бросил прощальный взгляд на аэродром и город. Интересно, откуда взялось название самолета: «Лхоцзе»? Что это, случайность или какая-то закономерность, что альпинист вроде меня летит в самолете, названном в честь гималайского пика?

Вскоре самолет подрулил к большому зданию аэродрома Палам. В окно иллюминатора я увидел молодых, увешанных гирляндами цветов и окруженных толпой людей.

Вдруг я заметил Сарина. Были тут и мои родные и друзья. Настоящий сюрприз. Прибыл Ситу Маллик с группой репортеров и фотокорреспондентов, которых он называл «мои мальчики». Пришли также «Бара сяхиб» (капитан второго ранга Мохан Коли) и «Бык» (полковник Кумар). Радостная встреча проходила под вспышки блицев и шелканье фотокамер. Сарин сообщил, что Верховного комиссара (посла) Индии в Лондоне уведомили о моем прибытии и его представитель встретит меня на аэродроме. Связались также с военным атташе в Москве, бригадным генералом Хари Сингхом. Самую важную новость он отложил напоследок — вручил мне чек и сказал:

— Это тебе на карманные расходы в Лондоне,

Мы приземлились в аэропорту Хитроу вечером. К нам подошел представитель верховного комиссара Индии. Все уже было готово, чтобы тут же отправить меня в Эйлсбэри — возле самолета стояла черная автомашина. Таможенный досмотр прошел быстро, и через каких-то четверть часа после того, как мы ступили на землю, машина мчала нас в Эйлсбэри.

Окружающий ландшафт выглядел так, как я и представлял его себе: зеленые холмы и цветущие луга. Интересно, а где же желтые нарциссы? Я чуть было не спросил о них шофера. Я сказал ему, что машина идет очень плавно.

— Прекрасная машина! — восхищался я.

Шофер удивленно взглянул на меня.

— Что вы, сэр, я бы за нее не дал и тридцати фунтов. — сказал он.

Я был поражен, вель мы ехали на «Хилмане». Видимо, за машиной хорошо ухаживали. Сопровождавший меня индийский майор пояснил, что в Англии подержанные машины стоят сравнительно дешево. Мы проезжали мимо гаража, на воротах которого висело объявление с ценами на машины: они колебались от пятнадцати до двадцати фунтов. В Индии же старые машины стоили почти столько же, сколько и новые. Наш шофер, индиец, жил в Англии вместе с матерью вот уже пятнадцать лет. Казалось, он совсем не скучал по родине, потому что, когда я спросил, не хочется ли ему вернуться в Индию, шофер не проявил особого энтузиазма.

По дороге встречалось много пивных — неотъемлемая принадлежность любого поселка. Их было очень много. Наконец подъехали к Эйлсбэри. Он оказался больше, чем я предполагал. Заметив вывеску Королевского Бакингемширского госпиталя, я вспомнил, что в нем работает Лала Таланг. Машина остановилась на лужайке возле госпиталя росли розы и георгины. Нам сказали, что Лалы нет; он с женой отправился на неделю отдыхать в Шотландию. Я оставил ему записочку, и мы продолжили путь.

Обычно госпиталь бывает невютным и мрачным, а врачи и сестры механически выполняют свои обязан-

ности. Однако Стоук-Мандевильский госпиталь поразил меня царившим в нем порядком и дружелюбным отношением к пациентам. Госпиталь был большой. Аккуратными рядами стояли низкие здания со светлыми палатами и прекрасными видами на газоны с цветами. На воздухе мирно отдыхали пациенты и пришедшие их навестить родственники. Меня везли в инвалидном кресле в мою палату. Люди, попадавшие навстречу, и больные и врачи, тепло улыбались мне. Сестры, одетые в белую и голубую форму, выглядели очень опрятными и приветливыми.

В просторной палате — под таинственным номером 5X-1 — меня встретил человек по имени Норман. С одной стороны в комнате стояла кровать, с другой — шкаф и комод, а на нем телефонный аппарат и ваза со свежими цветами.

Я совершил гигантский прыжок от Бомбея до Эйлсбэри. Следующее утро было ясное и чистое. Я хорошо выспался и чувствовал себя бодро. Госпиталь, очевидно, уже проснулся. Доносились голоса и шаги. В палату вошла сестра, высокая девушка в голубом платье. Ее сопровождали другие сестры. Я приподнялся, чтобы поздороваться, но она заговорила с сестрами:

— Он араб, а я-то думала, что пациент — индеец.

Другая сестра сказала:

— Снова языковой барьер.

Я решил смолчать. Арабы, действительно, носили тюрбаны и бороды, так что их заблуждение было объяснимо. Тем временем сестры инспектировали палату, открыли шкаф. Старшая сестра распорядилась, чтобы принесли завтрак.

— Спасибо, сестра, — проговорил я.

— Да он же говорит по-английски! — воскликнула одна из девушек.

Похоже, все они почувствовали облегчение. Тогда ко мне подошла старшая сестра, и я представился.

— Я палатная сестра, зовут меня сестра Грэйс, — сказала она.

Кажется, лед тронулся, и все уладилось. Сестра Грэйс быстро отдавала какие-то распоряжения. Затем она обратилась ко мне:

— К сожалению, телевизор сейчас в ремонте, но я одолжу вам радиоприемник.

Через несколько минут она принесла маленький старый приемничек, походивший на музейный экспонат. Сестра включила его, приемник нагрелся и испустил страшный визг. Она ударила по нему — визг прекратился. Полилась музыка.

— Как сменить станцию? — спросил я.

— Очень просто, — и сестра снова ударила по корпусу приемника.

Я с интересом слушал передачу «пиратской»⁴¹ радиостанции. Так или иначе, приемник был уникальным, и я полагал, что он доставит мне много радостных минут.

Мэри, женщина средних лет, была в госпитале младшей медсестрой. Она помогала мне есть. Мэри требовала, чтобы на тарелке ничего не оставалось.

— Все английские национальные блюда очень вкусные, ешьте, пожалуйста, хорошо, — говорила она.

Мэри подкупала искренностью и прекрасными профессиональными качествами. Мэри — типичная англичанка. Недалеко от госпиталя у нее была небольшая птицеферма и домик.

Мэри рассказывала мне о пациентах-иностранцах, которые тоже проходили курс лечения в госпитале. Здесь имелись частные палаты, и пациенты платили за лечение фунтов пятьдесят—шестьдесят в неделю. Для иностранных богатых пациентов было зарезервировано четырнадцать коек. Судя по всему, Мэри и меня считала богатым человеком.

За завтраком Грэйс сообщила:

— Терапевтическое отделение передало нам разработанный для вас курс лечения. Завтра и послезавтра — суббота и воскресенье, но с понедельника приступим к физиотерапевтическим упражнениям.

Я понял, что тренировки начинаются с 7 часов 30 минут утра и продолжаются до 5 часов вечера с перерывом на обед с 12 до 1 часа. Ужин — в 6 часов. Как видно, программа будет напряженной, но я твердо сказал:

— Хорошо, сестра.

⁴¹ В Англии существуют дельцы, которые устанавливают радиопередатчики на специальных судах вне прибрежной зоны Англии и ведут с них музыкальные передачи и рекламу. Их называют «пиратами».

Меня посетили и другие специалисты, приехали из Лондона друзья. Часто звонил телефон. В газетах появилось краткое сообщение о моем прибытии в Эйлсбэри. Узнав об этом, в первое же воскресенье ко мне пришли коллеги-альпинисты, с которыми я путешествовал и встречался в Индии. Вспоминали прошлое. Иногда они говорили о событиях, которые почти изгладлись из моей памяти, и я восстанавливал их по мелким деталям. Я был счастлив. Воскресенье прошло весело и интересно.

В понедельник с утра начались физиотерапевтические упражнения. Сначала меня заставили плавать в бассейне с подогретой водой (он находился в центральном здании). Сестры учили меня плавать. Это оказалось не таким уж трудным занятием. Я должен был не только плавать, но и делать в воде легкие упражнения. Примерно через час, когда я чувствовал, что устал, меня везли в другой конец госпиталя на трудотерапию. Предполагалось, что занятия ремеслами помогают пациентам сочетать физические упражнения с творческой деятельностью. Я делал большой абажур, другие больные тоже трудились над вазами, кожаными сумками и абажурами. Была здесь и столярная мастерская, а рядом с ней — механическая. В отделении трудотерапии имелась комната, где обучали машинописи.

После обеда — снова занятия физиотерапией. Сначала мы стреляли из лука. Как и плавание, это было для меня чем-то новым, но когда я узнал, что стрельба из лука укрепляет мускулы рук, занялся этим видом спорта с удовольствием. Затем мы перешли к параллельным брусьям. Инструктор показывал, как правильно выполнять упражнения. Занятия заканчивались настольным теннисом и волейболом. После ужина вместе с другими пациентами я отдыхал в холле. Наутро просыпался и чувствовал себя бодрым.

Не ладилось у меня дела с завязыванием тюрбана. Однако и эту проблему удалось решить. Молодой пациент Крис сказал, что в госпитале работает индийский врач. Вскоре он навестил меня. Баджадж, или, как его все называли, Бадж, оказался молодым хирургом. На нем был белый халат и синий тюрбан. Крис, шутя, сказал:

— Мы называем его «доктор с крышкой».

Может быть, тюрбан врача и вызывал улыбки у Кри-са и сестер, но я вздохнул с облегчением — теперь проблема с завязыванием тюрбана решалась просто.

Мэри Индия казалась совершенно иным и далеким миром, а Гималаи — обителью богов. Она удивилась, увидев в моей палате вещи, которые, как я объяснил, были изготовлены в Индии. Она была убеждена, что моя страна импортирует все потребительские товары. Когда я показал ей индийские полотняные изделия, она согласилась, что по качеству они лучше английских. Я угостил ее индийским печеньем. Она сказала, что и представить себе не могла, что в Индии делают такое вкусное печенье, но тут же заметила, что на коробке с печеньем стояла фабричная марка: «Великобритания». Кажется, она так и не поверила, что фабричная марка не имеет никакого отношения к Англии.

Постепенно я освоился, и у меня в госпитале появились новые знакомые. Во время плавания один инструктор сказал, что очень рад встретить человека из Индии.

— Интересно, где находится ваша маленькая страна? Где-нибудь в Африке? — спрашивал он.

Такие высказывания могут показаться невероятными, но я заметил, что многие люди почти ничего не знали об Индии. Так, один филателист заметил:

— Жаль, что Индия не выпускает марки.

Выяснилось, что вот уже восемь лет он собирает марки, но ни одной индийской марки в своей коллекции не имеет. Позднее я подарил ему несколько марок с писем, полученных из дома. Он искренне удивился и очень обрадовался.

Изумил меня и другой пациент, который спрашивал, как мы живем в Индии, которая, по его убеждению, представляла собой сплошные джунгли, где кишат змеи, львы и слоны. Чтобы убедить его в обратном, я показал фотографии индийских городов, в частности нашего дома в Дехра-Дуне. Он воскликнул:

— Позвольте, да такой дом мог бы быть и где-нибудь в Англии!

В четверг утром меня неожиданно пригласил к себе доктор Уолш, директор госпиталя. Он сказал, что рентгеновский снимок показал, что в мочевом пузыре у меня камни, поэтому на следующий день мне предстоит операция.

Она прошла благополучно, камни были удалены. Директор, показав мне удаленные камни, воскликнул: — Смотрите, сколько мусора вы принесли с собою с вершины Эвереста!

Видимо, кто-то сказал Мэри о моем восхождении на Эверест.

— Хари, вы никогда мне об этом не рассказывали, пожаловалась она.

Затем последовал град вопросов:

— Что вы чувствовали на вершине мира? Как оттуда выглядят звезды? Наверное, это был самый счастливый момент в вашей жизни? Вы действительно были близко к богу?

Ее энтузиазм не угас и тогда, когда в палату вошла другая сестра с чашкой чая.

— Ты знаешь, Хари побывал на вершине Эвереста! — гордо заявила Мэри.

Однако сестру занимали иные вопросы. Она осмотрела меня и сказала, что операция прошла успешно, однако несколько дней мне придется оставаться в постели. Я даже обрадовался, ведь мне всегда говорили, что лежать без движения придется долго.

В понедельник с утра моросил дождь. Потом погода разгулялась. Показалось солнце. После процедур я попросил сестру приготовить кофе, так как ждал гостей. Палату привели в порядок. Мэри принесла свежие цветы. Из Лондона позвонил полковник Синха, мой друг, работавший в нашем представительстве, и сказал, что часов в десять меня навестит Сарин. Тот приехал ко мне вместе с адмиралом Сэмсоном и полковником Синха. Прибыл также и Лала. Все интересовались моим здоровьем. Это была радостная встреча. Сарин сказал, что, если доктор Уолш сочтет нужным продлить мое пребывание в госпитале, он добьется на это санкции индийского правительства. Сарин просил доктора Уолша держать его в курсе дел относительно моего лечения. В то время я не знал, как расценивает доктор Уолш шансы на мое выздоровление. Лишь позднее — примерно в 1969 году — Сарин рассказал, что произошло в тот день, когда он посетил меня в госпитале.

Тем временем полным ходом шла подготовка к предстоящим Стоук-Мандевильским играм. За зданием госпиталя на лужайках сооружались временные жилища,

где должны были остановиться участники игр. Ожидались команды из США, Японии, Чехословакии и других стран. Говорили, что эти игры, превратившиеся в международные соревнования для парализованных, привлекают всеобщее внимание. Впервые они проводились в 1948 году, когда доктор Гутман, первый директор госпиталя, организовал соревнования между несколькими лечебными центрами для парализованных, созданными в Англии после второй мировой войны. Мало кто верил тогда в успех, и никто не мог предвидеть, что через двенадцать лет они приобретут почти такое же значение, как Олимпийские.

Доктор Гутман в 1952 году впервые пригласил сюда команду из Голландии. С тех пор такие соревнования стали привлекать участников из самых различных стран мира. В 1960 году игры проводились параллельно с Олимпиадой в Риме, а в 1964 году — с Олимпиадой в Токио. Конечно, эти игры приспособлены к особым возможностям лиц, страдающих параплегией⁴². Еще в 1944 году доктор Гутман и специалист по лечебной гимнастике Хилл попытались провести матч по поло на инвалидных креслах. Однако игру сочли слишком грубой и заменили баскетболом, но, по-моему, и он не лучше. Затем появилась стрельба из лука, и вскоре соревнования стали проводиться по десяти видам спорта. В XVI Международных играх для парализованных, к которым они в тот момент готовились, должны были участвовать двадцать три страны. Хотя жизнь в госпитале шла по плану, все говорили только об играх. Мэри очень волновалась и рассказывала мне последние новости о ходе строительства и подготовки.

Благодаря любезности таких добрых людей, как Дафф, бывший английский верховный комиссар в Непале, и членов его чудесной семьи я мог осмотреть окрестности и побывать даже в Лондоне. Воскресным утром Дафф привез меня к себе, в загородный дом в Беркхэмстеде. Мы не видались два года. Нас встретила госпожа Дафф. Она приготовила для меня прекрасный обед из индийских блюд. Их младшая дочь Фаз очень выросла, а старшая — Джоанна — была все такой же красивой, как и прежде.

⁴² Параплегия — паралич обеих ног.

После обеда Дафф повез меня в Лондон. Наконец я увидел знаменитый Гайд-парк, Кенсингтон и Букингемский дворец с его гвардейцами в парадной форме. Когда мы проезжали по набережной Темзы, Дафф показал мне Иглу Клеопатры и рассказал, как везли ее на специально построенных судах прямо из Египта. Мы остановились у стоявшего на приколе знаменитого старого судна «Дискавери», на котором Скотт отправился для исследования Южного полюса. Теперь в нем музей. Дафф рассказал, что его дед по материнской линии, будучи молодым офицером флота, участвовал в арктической экспедиции на судне, которое тоже называлось «Дискавери». В память об этой экспедиции Дафф хранит дома корабельный колокол, на котором выгравирована дата: «1875». Когда мы вернулись, мне показали этот колокол. Надолго запомнился мне тот день. Я был глубоко благодарен своему другу и его жене за доставленное удовольствие.

Наутро жизнь вошла в свою колею. Ко мне представили Робби, заместительницу заведующего физиотерапевтическим отделением. Она была неумолима, а упражнения стали потруднее. Робби тут же замечала каждое мое лишнее движение.

— Физиотерапия требует большого напряжения, — любила она повторять.

В палату я возвращался крайне утомленным. Правда, со временем я втянулся, и упражнения стали казаться мне приятными и бодрящими.

Робби была валлийкой и гордилась своей национальностью. Ее отец, бывший офицер, служил в индийской армии во время британского правления. Она занималась альпинизмом и совершала восхождения на Сноудон — самую высокую гору Англии (1085 м) — в любую погоду.

Как-то вечером Робби пригласила меня к себе домой на ужин. Среди гостей оказалось несколько физиотерапевтов и сестер, которых я уже встречал в госпитале. После ужина меня попросили продемонстрировать цветные слайды с изображением Эвереста. Робби тоже показала слайды с видами Северного Уэльса, и в частности Сноудона. Вскоре меня стали приглашать в другие дома, где я снова демонстрировал слайды и рассказывал об индийской экспедиции на Эверест. Иногда я от-

правлялся в гости к друзьям, которые жили в Лондоне, и тогда возвращался в госпиталь поздно вечером.

25 июля 1967 года — день открытия Международных игр для парализованных в Стоук-Мандевильском госпитале. Сюда прибыли участники самых различных национальностей. Была проделана огромная подготовительная работа, которую возглавляли сэр Людвиг Гутман и доктор Уолш. Среди участников господствовал дух товарищества и дружбы. Эти игры сильно укрепляли моральное состояние их участников и способствовали международному взаимопониманию и дружбе. Я пожалел, что Индия не принимала участия в этих играх. По состоянию здоровья я не мог участвовать ни в одном состязании.

Игры проходили за госпиталем, и их должна была открыть принцесса Марина, герцогиня Кентская. С утра участники и толпы зрителей собрались на лужайке в ожидании прибытия принцессы. Сэр Людвиг и доктор Уолш отдавали последние приказания своим помощникам и судьям. Вдруг в небе показался вертолет военно-воздушных сил с принцессой на борту. Он приземлился на отведенном для него месте. Сэр Людвиг и доктор Уолш поспешили навстречу почетной гостье и провели ее к трибуне. Во вступительном слове сэр Людвиг вкратце рассказал об истории зарождения игр и сообщил, что для следующих игр возле госпиталя вскоре будет построен крытый стадион. Позднее мне сказали, что сэр Людвиг Гутман лично собрал около четверти миллиона фунтов стерлингов на строительство этого стадиона.

Речь принцессы была краткой. Она уехала после первых выступлений участников соревнований, которые затем продолжались еще несколько часов. Я тоже ушел раньше, так как ждал пенджабских гостей из Лондона. Во время соревнований играл военный оркестр Школы технической подготовки № 1 Королевских военно-воздушных сил из Холтона. Некоторые мелодии напомнили мне марши, которые исполняют индийские военные оркестры.

В тот день меня навестили Джилл и его супруга, а также два других пенджабца из Лондона — Коли, житель Эйлсбэри, редактор местной пенджабской газеты, и фоторепортер. Один из гостей привез букет цветов,

остальные — гирлянды. Вспыхивали блицы, когда гости надевали на меня гирлянды из цветов. Все это смущало меня, но Мэри была просто счастлива. Гости провели у меня часа полтора...

Перед заключительной церемонией объявили результаты соревнований. Хорошо выступили американцы. Несколько золотых медалей завоевали также и израильтяне. Награды вручал Уолтер Уинтерботтом, директор Спортивного совета Англии. Так закончились XVI Международные Стоук-Мандевильские игры, которые, по словам их организаторов, должны были «объединить парализованных людей всех стран мира в международное спортивное движение... способствовать взаимопониманию между народами». Участники разъезжались, тепло прощаясь с новыми друзьями, с которыми успели подружиться во время этой уникальной встречи.

Джилл сказал, что идет бурная подготовка к встрече со мной в сикхских храмах (*гурдварах*) Шепердс-Буша и Саутхолла. Планируется также прием в индийском ресторане «Гейлордс». Джилл приехал в Англию в 1951 году после смерти тестя, эмигрировавшего из Индии пятнадцать лет назад. Сначала Джилл работал на заводе рабочим и получал семь фунтов стерлингов в неделю, но вскоре стал партнером в компании, занимавшейся оптовой торговлей текстилем. В конце концов он выкупил долю партнера и создал свою фирму «Джилл и К°». Его оборот дошел до полумиллиона фунтов стерлингов в год. В 1960 году он занялся скупкой недвижимой собственности. Так он приобрел три гостиницы и несколько жилых домов.

Тем временем я продолжал заниматься физиотерапией. Мои ноги были в гипсовой повязке. Ее накладывали до того, как шинировать ноги. Это делалось, чтобы я мог стоять прямо в параллельных брусках. Робби заставляла меня опускаться и подниматься на параллельных брусках по многу раз. При этом она не давала мне никакой передышки. После одного из таких упражнений она сказала:

— Хари, если занятия и дальше пойдут так же успешно, как сейчас, то я порекомендую новые шины для более сложных упражнений.

Как я уже писал, теперь у меня появилось много друзей и в Эйлсбэри и в Лондоне. Иногда меня посе-

щали сразу несколько человек в день. Пришлось планировать их посещения. Гости стали приезжать по понедельникам, вторникам и средам. По пятницам я сам отправлялся в Эйлсбэри или близлежащие местечки, а по субботам и воскресеньям в Лондон. Такое расписание было удобным.

Меня часто приглашали на собрания в местные альпинистские клубы. Я с удовольствием выступал там и показывал слайды, отснятые мной во время восхождения на Эверест. Слайды вызывали у зрителей восторг, ведь Гималаи казались многим далекими и нереальными. По-моему, из десяти моих слушателей восемь искренне увлекались альпинизмом.

К сожалению, число моих встреч с любителями альпинизма все росло. Иногда я возвращался в госпиталь очень поздно. Согласно распорядку дня пациент имел право покинуть госпиталь только в половине седьмого вечера и обязан вернуться не позже половины одиннадцатого. Видя, что мои опоздания участились, сестра Грэйс сильно забеспокоилась. Как-то утром она пришла ко мне в палату и сказала:

— Хари, вчера вы снова вернулись в половине двенадцатого ночи.

Я ответил:

— Сестра, я не мог приехать из Лондона вовремя. Была лекция, затем ужин. Вы же знаете, как трудно вырваться с приема, когда он в полном разгаре.

Мои объяснения ее не удовлетворили:

— Хари, поймите меня правильно, вы должны соблюдать заведенный в госпитале режим, в противном случае мне придется доложить об этом доктору Уолшу.

Я растерялся — не знал, что и ответить. Одни сестры снисходительно относились к моим опозданиям, другие же строго соблюдали правила, и в те дни, когда они дежурили, приходилось возвращаться пораньше. Однажды во время дежурства одной доброй сестры из Уэльса я отправился на прием. Разговоры об альпинизме и демонстрация слайдов затянулись, и я вернулся в госпиталь около полуночи. К моему удивлению, у дверей палаты меня встречала другая сестра. Она сердито сказала:

— Вы опоздали.

В ответ я не мог придумать никакого оправдания. Что же случилось с сестрой из Уэльса? Утром пришла сестра Грэйс и по тому, как она хлопнула дверью, я понял, что она сердится.

— Хари, этому надо положить конец. Я больше не могу мириться с вашими опозданиями и вынуждена доложить о них доктору Уолшу.

Минут десять она выговаривала мне за опоздание. Я не знал, куда деваться. Наконец я заметил:

— Сестра, торжественно обещаю, что вообще больше не покину территории госпиталя до своего отъезда в Индию.

Сестра ушла, но она по-прежнему оставалась недовольна мной.

Все наше отделение узнало о ночном происшествии. Убирая палату, Мэри сказала:

— Сестра Грэйс очень сердится на вас, Хари. Почему бы вам не ездить на приемы реже? Я понимаю, видимо, ваши слайды с Эвереста очень интересны. Мне бы тоже хотелось их посмотреть.

Несколько дней я выходил из палаты только тогда, когда наступало время процедур. Сестра Грэйс, проходя мимо, постоянно заглядывала ко мне, но всегда заставала меня на месте. Примерно через неделю она сказала:

— Хари, по-моему, вы вообще не выходите из палаты.

Я лишь улыбнулся в ответ.

— Вы можете ездить, когда вам угодно, Хари, но старайтесь возвращаться вовремя. Не нарушайте режим, — проговорила Грэйс.

Через час она вернулась и принесла несколько бутылок темного пива. Грэйс ударила по допотопному радиоприемнику, и я понял, что наша дружба восстановлена.

В конце августа я присутствовал на приеме, который сикхская община устроила в мою честь в гурдваре Саутхолла, построенной в 1966 году на месте старой фабрики.

Этот район в основном населяют пенджабцы. На улицах можно увидеть много сикхов. На тротуаре собралась небольшая толпа. Поскольку Джилл уехал в Индию, меня встречали вице-президент общины

и старший сын Джилла Джагмэйл, энергичный молодой человек.

В конце большого зала на возвышении лежала «Грант Сахиб» — священная книга сикхов, а священнослужители пели *шабоды* (псалмы). После *киртана* поднялся секретарь и произнес длинную речь. Я был ему благодарен за теплые слова, произнесенные в мой адрес, но меня несколько смутило, что он превеличил мои успехи в качестве альпиниста и солдата. После церемонии мы вместе пообедали.

Гурдвара в Шепердс-Буше, где состоялся другой прием, построена в 1913 году махараджой Патналы. Она именовалась «Бхупандра Дхармасала», и в ней временно проживали сикхские студенты. Выглядела гурдвара словно дворец, а стены ее украшали портреты махараджи. Храм находился на втором этаже. Во время моего посещения там шли переговоры о пристройке к зданию путем покупки соседней церкви. Позднее я узнал, что через две недели после покупки здание было уничтожено пожаром. Гурдвара потеряла двадцать тысяч фунтов стерлингов, но, к счастью, сделку совершали через банк, который застраховал здание. Его перестроили, затратив около пятидесяти семи тысяч фунтов стерлингов, и теперь оно выглядело весьма пышно. Там был просторный зал для собраний, столовая, кухня и другие помещения.

После приема Джагмэйл повез меня к себе домой и познакомил со всеми членами семьи, а затем на «роллс-ройсе» отвез в госпиталь.

Время летело быстро. Утро, как всегда, начиналось с упражнений в бассейне. Плавать я стал увереннее, без помощи физиотерапевта, и иногда переплывал бассейн раза три-четыре, даже на спине. Бассейн был крытый, и после плавания я обычно грелся на солнышке у стеклянной стены. Вернувшись в палату, переодевался, чтобы приступить к другим физиотерапевтическим упражнениям, которые скорее походили на игры. Так, с 11 часов до 12 я работал в отделении трудотерапии. Я уже сделал абажур для лампы и перешел в столярную мастерскую, где приступил к изготовлению салатницы из двух сортов дерева — розового и тика.

Заведующая отделением трудотерапии относилась ко мне внимательно и учила печатать на машинке. Вско-

ре я уже печатал письма сам, правда медленно. Заведующая разрешила приходить в отделение в неуточное время, чтобы я мог допечатать письма. Я научился пользоваться и электрической пишущей машинкой. Печатать на ней было легко. Свободного времени для печатания в отделении трудотерапии не оставалось, поэтому я попросил полковника Синха купить мне пишущую машинку. По его просьбе меня навестил представитель фирмы «Ремингтон». Он привез с собой три модели портативных машинок. Одну из них я выбрал себе. Теперь я печатал письма в палате. Так был сделан еще один шаг на пути к выздоровлению.

После обеда начинались занятия с Робби. Я стал ходить в параллельных брусках, Робби хотела, чтобы я попробовал передвигаться на костылях по полу. Раз в неделю доктор Уолш и сэр Людвиг Гутман посещали отделение физиотерапии. Во время одного такого посещения Робби настояла, чтобы я вместо ходьбы в параллельных брусках двигался на костылях. Робби поддерживала меня сзади, и я не боялся. Впервые я пользовался костылями и шел, покачиваясь слева направо. Робби пыталась сделать так, чтобы я при ходьбе держал спину прямо. Она говорила:

— Спокойно, Хари, не задерживайте дыхания.

Я пытался идти вперед, но это мне удавалось с трудом.

— Вы делаете слишком большие шаги! — кричала мне Робби.

Я пытался делать шаги покороче.

— Все равно слишком большие, — твердила Робби.

— Двигайтесь короткими шажками, это поможет сохранять равновесие, — посоветовал доктор Уолш.

— В будущем, Хари, — сказала Робби, — приходите пораньше, постойте немного в параллельных брусках и после этого попытайтесь двигаться на костылях.

Это упражнение мы повторяли ежедневно. Я ходил, стараясь с каждым разом все увеличивать расстояние. Порой мне было нестерпимо трудно, я сильно уставал, но чувствовал удовлетворение от того, что снова могу стоять и двигаться.

Во время моего пребывания в Стоук-Мандевиле я встретился с несколькими альпинистами-энтузиастами. Я знал, что альпинистов роднит общее дело. И не имеет

значения, что они люди разных национальностей. Сразу отбрасываются в сторону все церемонии, ведь им есть о чем поговорить друг с другом.

Однажды в сентябре я навестил Даффов. Было воскресенье. Недалеко от их дома проходила сельская ярмарка. Мы остановились на холме. Оттуда открывался вид на Хемель-Хэмстед и ярмарку. Множество людей в ярких летних одеждах ходили от палаток к палаткам с разными товарами. Здесь торговали конфетами, мороженым, воздушными шарами, сувенирами. Кружили карусели, взлетали в воздух качели. Ярмарка была в разгаре. Из громкоговорителей лилась музыка, смешиваясь с голосами детей и родителей. Затем началось выступление парашютистов. Смелые парни опускались на небольшое поле, расположенное неподалеку от ярмарки.

После обеда мы отправились на другое поле и стали свидетелями еще одного зрелища. Мы увидели десятки дряхлых паровых дорожных катков, бульдозеров и паровых тягачей. Для их гордых владельцев, месяцами чистивших и полировавших эти нескладные машины, настал знаменательный день, когда они могли не только продемонстрировать свои чудовища друзьям и знакомым, обсуждать с ними технические данные двигателей, сконструированных полвека назад, но и участвовать в «гонках». По одним условиям «гонок» надо было двигаться как можно медленнее, но не останавливаясь. Победителем считался тот, кто пересечет финишную черту последним. Я был захвачен этим зрелищем. Подобного в Индии не увидишь.

29 сентября меня ожидал приятный сюрприз: ко мне должен был приехать лорд Хант. Он вошел в палату с корзиной фруктов в руках. Я видел его впервые, но лицо его было мне хорошо знакомо по фотографиям. Казалось, я знал его давно. Седина красила его. Он выглядел весьма представительно и держался с достоинством. Хант сказал:

— Я только что вернулся из заграничной поездки и в Индии услышал о вас. Леди Хант прислала вам немного фруктов.

Я был счастлив. Лорд Хант подарил мне также книгу «Снег и скалы» на французском языке с чудесными фотографиями. Возможно, он знал о моей страсти к фо-

тографии. Я открыл книгу и прочел надпись, сделанную лордом Хантом: «Хари, товарищу по Эвересту и члену растущей семьи тех, кто побывал „там“, от ветерана с восхищением и любовью».

Я был очень тронут. Мы много говорили об Эвересте и знакомых нам шерпах. Мы так углубились в воспоминания, что я забыл предложить ему чашечку чая. В это время в палату вошла медицинская сестра, и я сказал:

— Познакомьтесь, мой друг, лорд Хант. Пожалуйста, принесите нам чаю.

— Извините, Хари, — сказала она. — Все сестры заняты, а я обслуживаю других пациентов. Уверена, что ваш друг сам может скипятить чайник. Я покажу ему, где кухня.

Я не знал, куда деваться от стыда, но лорд Хант вскочил с места, пошел на кухню и вскоре вернулся с двумя стаканами чая, заваренного так, как это умеют делать только в Индии. В свое время он служил в полку гуркхов. Там было принято пить чай из кружек. Этот инцидент лишний раз доказывал, как сильно развито чувство товарищества у альпинистов. Визит лорда Ханта быстро подошел к концу, но он пообещал навестить меня еще раз.

Не забуду я также своего посещения ярмарки графства Бакингемшира, которая проходила в Эйлсбэри. Туда стекалось много народу, поэтому дорожная полиция строго контролировала движение. Все машины должны были останавливаться далеко от входа на ярмарку.

— Конечно, лучше всего было бы посадить вас у входа, — сказал Робин. — Правда, останавливаться там нельзя. Боюсь, нам придется быстро отъехать, иначе поймают полиция. Она здесь очень строга.

Как только Робин остановил машину, медсестра Вэл вышла с другой стороны, чтобы помочь мне выбраться из машины. Но тут как из-под земли выросла фигура полицейского. Он потребовал у Робина права. Робин пытался что-то объяснить полицейскому. Он все время повторял:

— Да, да, офицер.

Блюститель порядка записал фамилию Робина и другие данные, объяснил, в чем заключалось его наруше-

ше, а затем подошел ко мне и, положив мне руку на плечо, спросил:

— Как поживаете, Хари?

Я был озадачен, а он улыбнулся и сказал:

— Недавно я с удовольствием смотрел в кафе ваши слайды.

Видимо, он член клуба, который я посетил. Затем он сказал Робину.

— Все в порядке. Можете оставить здесь машину и поторопитесь — ярмарка уже началась.

Робин с облегчением вздохнул, а Вэл воскликнула:

— Да у вас есть друзья даже среди полицейских! Я не знала этого.

Ярмарка раскинулась на широкой площади. В некоторых палатках были выставлены сельскохозяйственные товары, демонстрировался также породистый скот, лошади и телеги. Народ столпился у площадки, где должно было состояться представление. Началось с вольтижировки и джигитовки. Опытные всадники легко преодолевали препятствия. Все это не было для меня новинкой, так как я видел подобные состязания в Индии. Мимо нас проехали одноконные коляски и экипажи, запряженные восьмеркой лошадей. Больше всего мне понравился «охотничий призыв». Всадник играл в рог, и охотничьи собаки мчались за ним. Затем состоялось распределение призов. Подобная ярмарка проводится раз в год, чаще всего в конце лета.

Наступил октябрь. Я знал, что должен скоро покинуть Англию. Похолодало. В госпитале включили центральное отопление. Оно имелось и на веранде, и в палатах, и в отделении физиотерапии, и в помещении с бассейном, и в лаборатории. Дул холодный ветер, изредка выглядывало солнце. Я продолжал успешно заниматься физиотерапией. Я сделал сумочку и абажур для лампы, а в мастерской — салатницу. Сейчас я учился гравировке на медных досках. Процесс этот требовал практики, но занятия были интересными. Помимо этого, я делал гравировку и на пластмассовых прозрачных досках, на которых написал несколько имен.

Я видел, что другие пациенты уделяли намного больше времени работе в столярной мастерской и делали куда более солидные вещи. Я занимался трудотерапией всего час, но здесь можно было научиться много-

му. В отделении имелась чертежная секция. Там занимались конструированием и черчением. Поскольку я учился чертить еще в инженерном училище, то легко мог освоить это дело и здесь. Я наблюдал, как некоторые пациенты выполняли даже чертежи домов.

С удовольствием вспоминаю я и обед, устроенный в мою честь Ассоциацией молодых сикхов в ресторане «Гэйлорд» на Мортимер-стрит. Лорд Хант был приглашен в качестве главного гостя. Ассоциация пригласила также около пятидесяти моих английских друзей, в частности многих из госпиталя.

Лорд Хант говорил на прекрасном хинди, и ему бурно аплодировали собравшиеся, для которых было приятным сюрпризом его знание этого языка.

Наш верховный комиссар в Лондоне также устроил прием, на котором был показан фильм «Эверест», короткий, двадцатипятиминутный вариант большого фильма. На просмотр пришли журналисты. В тот же вечер Би-Би-Си передала по телевидению некоторые кадры из этого фильма. Хотя фильм понравился всем, я был не в восторге и считал, что его еще надо дodelывать. Фильм подготовила бомбейская Студия документальных фильмов и направила для показа в Лондоне.

Приемы, лекции, встречи с друзьями заполняли большую часть времени, поэтому пять месяцев моего пребывания в Англии прошли незаметно. Наступил день отъезда. Все работники госпиталя, которые так хорошо ухаживали за мной, пришли попрощаться со мной. Расставаться всегда грустно. Хотя я с нетерпением ждал момента, когда снова встречу с близкими и друзьями в Индии, мне было печально покидать новых друзей в Англии. Может, мы никогда и не встретимся, но я навсегда запомню их дружелюбие и гостеприимство. Мэри, сестра Грэйс и доктор Уолш искренне помогали мне, что способствовало быстрому моему выздоровлению. После ранения вплоть до приезда в Англию я сторонился людей и побаивался перемены мест. Я очень смущался. У меня развился комплекс неполноценности. Здесь, в Англии, я перешагнул через этот барьер и снова потянулся к людям, стал ездить на приемы, читать лекции по альпинизму, чего, конечно, раньше бы не решился делать. У меня появилась уверенность в себе, способствовавшая моему выздоровлению.

Я снова в военно-морском госпитале, в той же палате с окном на море. Стоял ноябрь с его мягкой погодой. Море было такое же спокойное, как и в день моего отъезда. Я чувствовал себя бодрым. Когда упражнения в отделении физиотерапии кончались, я всегда уезжал из госпиталя. Работа над фильмом подходила к концу. Гана смонтировал все кадры в должной последовательности, фильм был рассчитан на полтора часа. Первую неделю после своего возвращения каждый день я ездил на студию и работал с Тапой. Установил контакт с Шанкаром, написавшим несколько мелодий для фильма, в основу которых он положил народные песни горцев. Оставалось лишь озвучить фильм. Работа предстояла сложная, так как должен был играть большой оркестр из восьмидесяти человек на индийских и западных инструментах. Потребовалось десять часов, чтобы озвучить лишь половину фильма, который назвали «Эверест».

Моя работа над фильмом подошла к концу, и мне предстояло всерьез подумать о своем будущем. Сарин сказал, что для меня нашли подходящую работу. По правде говоря, мне хотелось остаться работать в Дели. Вскоре я покинул госпиталь и с радостью вернулся к родителям, в Дели. Я наслаждался домашним уютом и вкусными обедами, приготовленными матерью. Брат Сони был помолвлен, и теперь у нас в доме появился новый член семьи. Его невеста Долли, красивая и умная девушка, помогала мне вести корреспонденцию, так как закончила курсы секретарей.

Примерно в то время в отпуск в Дели приехали Ди Ни и Гудди. Их славной дочке Ишу было девять месяцев, и я к ней сильно привязался. Я с удовольствием наблюдал, как она возится в кроватке, переворачивается на животик, поднимает руки и ноги. Когда мы отправлялись на прогулки, то брали ее с собой, малышке понравилось кататься на машине. Однажды ко мне подошла Гудди и сказала:

— Если хочешь, я оставлю дочку с тобой. Поскольку здесь будет Биджи, я не беспокоюсь за ребенка, и, кроме того, я буду навещать в Дели.

Я обрадовался, ведь если Ишу будет жить со мной значит, я не останусь в одиночестве.

17 апреля я наконец получил работу в министерстве обороны. Я представился генеральному директору заводов вооружения и боеприпасов. Главное управление находилось в Калькутте, а делийское отделение состояло из шести офицеров и вольнонаемного штата в сорок человек. Меня принял офицер Р. Сринивасан и объяснил, в чем будет заключаться моя работа.

— Пока больше я не могу сказать ничего, в дальнейшем все увидите сами, — пояснил он.

Из беседы я понял, что он искренне хочет помочь восстановлению моей работоспособности и подобрал подходящую должность. Я решил, если не буду спрашиваться или почувствую, что работать трудно, сразу же откровенно скажу об этом Р. Сринивасану. Вообще я старался не переоценивать и не недооценивать свои возможности. Я подвергал себя испытаниям и никогда не полагался на чье-либо мнение о моих способностях до тех пор, пока сам не пробовал свои силы.

— Хочу, чтобы вы работали, как гражданское лицо, — сказал Сринивасан. — Вы офицер, но относиться к вам я буду не как к офицеру.

Мне не очень было понятно, что он имел в виду, но одно я понял, поблажек не будет и держится со мной он по-деловому.

Позднее, во время одного из приездов в Дели Р. М. Мазумдара, генерального директора заводов вооружения и боеприпасов, я был очарован его добротой и тем вниманием, с которым он отнесся к моим проблемам. Для меня, с опытом службы в армии, было полной неожиданностью простое и неформальное отношение ко мне человека, занимавшего столь высокий пост.

Я имел дело со многими офицерами, но ближе всего ко мне были Чидамбарам и П. Н. Джха, сын бывшего вице-губернатора Дели. Сначала мне трудно было работать с вольнонаемными. В армии мы привыкли отдавать приказы и рассчитывать, что они будут выполнены сразу, но здесь я понял, что приказами ничего не добьешься. Пришлось оставить армейские привычки и приспособляться к новой обстановке. Освоиться мне помогали Чидамбарам и Джха. Чем больше я имел дела с Сринивасаном, тем больше убеждался, что это на-

стоящий джентльмен, который, наверное, был бы прекрасным командиром.

Мне повезло и с личным помощником — Харбансом Малом Тандоном, который быстро приспособился к моим требованиям. Он умело помогал мне вести корреспонденцию.

После переезда из Бомбея в Дели меня часто навещали друзья и знакомые. Нередко приходили две соседки, Индер и Далджит, студентки университета. В Дели я чувствовал себя довольно неуверенно, поэтому мне было особенно приятно встречаться с этими веселыми девушками, много рассказывавшими мне о своем колледже и друзьях. Обе девушки были интересные, а мягкий музыкальный голос Индер просто зачаровывал меня.

Я стеснялся ходить в рестораны, но в день своего рождения Индер пригласила меня вместе со своими друзьями пообедать в ресторан. Я решил принять приглашение, поскольку девушки относились ко мне хорошо, и мне не хотелось обижать их. Через несколько месяцев после этого Далджит вышла замуж и вместе с мужем Манджитом уехала в Америку. Иногда они присылают мне весточку о себе. Индер продолжала по-прежнему навещать меня. Мне это было очень приятно.

Я встретился с Мельвилем де Меллоу, который написал для радио рассказ «Что такое смелость?», основанный на фактах из моей биографии. Его радиосюжеты вообще пользовались успехом. Подготовительная работа по производству этой радиопостановки началась, и, когда текст был готов, он пригласил меня в радиоцентр послушать окончательную запись. Мне нравилось работать с ним.

Важнейшим фактором, способствовавшим моему выздоровлению, стал белый «Вива Воксхол» с ручным управлением. За два дня я освоился с машиной. Конечно, ездить на собственном автомобиле очень приятно. Это придало мне еще больше уверенности в своих силах. Я почувствовал себя независимым. Теперь я мог ездить по городу один. Я прочно осел в Дели. Хотя многие здесь знали меня, я придерживался небольшого круга знакомых. Одним из них был Джагмохан, управляющий отелем, принадлежавшим его отцу. Джагмо-

хан гордился своими кулинарными познаниями и говорил:

— Я могу приготовить любое блюдо — индийское, китайское и европейское.

Я избегал слишком острых блюд, но, когда мне хотелось вечером поразвлечься, я отправлялся в его отель.

В мае 1968 года Индийский альпинистский фонд собирался праздновать свое десятилетие. Фонд был основан в 1958 году, когда он направил свою первую экспедицию — на Чо-Ойю. Празднование в 1968 году совпало с третьей годовщиной нашего восхождения на Эверест. Зал был переполнен. Присутствовали дипломаты из многих стран, министры, депутаты парламента и знатные гости. Нас почтила своим присутствием премьер-министр Индии Индира Ганди. После вступительной речи Сарина премьер-министр вручила нам серебряные медали за покорение Эвереста. Некоторых из нас наградили также золотыми медалями Индийского альпинистского фонда. Самым интересным моментом был показ фильма «Эверест».

Я был удивлен, что премьер-министр оставалась в зале до конца фильма, ведь сказали, что у нее много отложные дела и она уедет сразу же после начала сеанса. По окончании фильма она приветствовала присутствующих. Проводив Индиру Ганди, Сарин подошел ко мне и сказал:

— Поздравляю, премьер-министру фильм очень понравился. Она желает взять с собой в поездку в Австралию и Новую Зеландию копию этого фильма.

Прием помог нам всем снова встретиться, и я еще раз почувствовал себя членом «эверестского братства».

В Дели я завел много знакомств и часто ездил на приемы и в гости. Мои соседи, Джой и ее супруг майор Майкл, очень любили драматический театр. Они создали труппу актеров-любителей «Ятрик» и показали много хороших пьес. Я их видел. Меня тоже втянули в комитет «Ятрик», который решал вопросы организации театра и его деятельности. Работа и общественная деятельность занимали все мое время.

Я часто навещал Фрэнка Мораэса и Мэрилин Силверстоун, причем в это время в Дели приехал и их сын Дом Мораэс. Хотя я прочитал многие поэмы и книги Дома, с ним я встретился впервые. Мы подружились.

и часто виделись. Позднее Дом женился на известной киноактрисе Лиле Найду. В жизни она куда красивее, чем на экране. Дом и Ли́ла стали друзьями моей семьи и, когда они приезжали в Дели, всегда приходили к нам в гости.

Среди моих друзей были и альпинисты. В связи с тем что ряды альпинистов росли, появилась потребность в новой организации. Капитан третьего ранга Коли был переведен в Дели. Собрались наиболее опытные альпинисты, к которым присоединился и я. Было решено создать Делийскую альпинистскую ассоциацию. Ее первым председателем стал Коли.

У Соми родился сын — Сону, который, как и Ишу, стал жить со мной. Поскольку Ишу ходила в детский сад госпожи де Меллоу, туда же отправили и Сону. Я любил этих детей, как и двух сыновей моей старшей сестры — Банти и Полли, которые росли крепкими и здоровыми ребятами. Они жили в Калькутте и проводили у нас лишь летние каникулы.

Последние годы прошли спокойно, если не считать малозначительных событий, имеющих место в жизни каждого человека. Такое однообразие мне не нравилось, и я мечтал о переменах. Вместе с Сариним, его женой и сыном Танни я ездил в Дехра-Дун и Массури, вспомнил годы, проведенные в школе и колледже. Я встретил там много друзей и даже выступил в моей старой школе в Дехра-Дуне. В Массури я с удовольствием повидался со старым другом Раскином Бондом. Не удалось мне только побывать в колледже св. Георга — он был закрыт на каникулы.

В 1972 году меня избрали председателем Делийской альпинистской ассоциации. Появились новые обязанности. Я хотел перестроить всю структуру Ассоциации. Скончался доктор А. Н. Джха, который был главным патроном Ассоциации. Новым губернатором Дели стал Шри Балешвар Прасад, который также проявил интерес к деятельности нашей Ассоциации. С его помощью работа Ассоциации оживилась, и по его предложению мы попросили спикера Лок Сабхи⁴³ доктора Г. С. Дхиллона стать нашим главным патроном. Я встречался с ним после возвращения с Эвереста и теперь, спустя

⁴³ Лок Сабха — нижняя палата парламента Индии.

много лет, снова пришел к нему. Он весьма заинтересовался работой Ассоциации.

Несмотря на то что в Индии у меня было много друзей, я часто скучал по друзьям из Англии. К счастью, у меня появилась возможность снова повидаться с ними. Через пять лет после возвращения из Англии мне предложили еще раз пройти курс лечения в Стоук-Мандевильском госпитале. Доктор Уолш, поддерживающий связь с Сариним, считал, что мне необходим еще один курс лечения. Консультанты — генерал А. К. Барат (сменивший на посту генерала Джозефа) и подполковник Ротри — поддержали точку зрения доктора Уолша.

На этот раз в Англию меня сопровождала мать. Англия ей сразу очень понравилась. Мы остановились в отеле в Вендовере, неподалеку от Стоук-Мандевиль. Вендовер — красивый небольшой городок у подножия Чилтерна, Северный Бакингемшир. Он удачно расположен в тихой сельской местности, поблизости от Лондона. Туда можно доехать на поезде за час. На главной улице расположены магазины и отель «Красный лев», где мы и остановились. Отель был построен еще в XVII веке, и в нем останавливались такие люди, как Оливер Кромвель, Роберт Льюис Стивенсон и Руперт Брук.

От истории здесь остались также привлекательные коттеджи, которые Генрих VIII подарил Анне Болейн. Любопытно, что в приходской церкви Вендовера уже семьсот лет проходят регулярные христианские богослужения и список ее vikariev начинается с 1221 года. Хотя от первоначального здания церкви осталось мало, она и сейчас выглядит мирно и безмятежно.

С настоящим Вендовер связывает большая военно-воздушная база в Холтоне, расположенная километрах в двух от города, а также близость Чекерс — официальной загородной резиденции премьер-министра Англии.

Приятно снова встретиться с друзьями в госпитале. Они тепло приветствовали меня. Сестра Грэйс (ныне госпожа Пуйокас) теперь заведовала палатой № 4, где не раз пил с ней чай и кофе. Во время наших встреч иногда присутствовала и моя мать. Несмотря на слабое знание английского, она все же общалась с моими друзьями.

Я захватил с собой шестнадцатимиллиметровую копию фильма «Эверест» и показал его в зале госпиталя. Слухи об этом распространились довольно широко, и посыпались заявления от дирекции школ и некоторых организаций в Эйлсбери и Вендовера с просьбой показать фильм и прочитать лекцию. Со мной связался Эйлсберийский альпинистский клуб, и я присутствовал на одном из его собраний в таверне.

Авиакомпания «Эйр-Индия» давала обед в кафе «Роял» для ведущих альпинистов Англии. Капитан третьего ранга Коли и его супруга Пушла специально прилетели из Индии, чтобы присутствовать на обеде. Я был счастлив снова встретиться с лордом Хантом и другими английскими альпинистами. Гостями были моя мать и многие работники «Эйр-Индии» и туристских агентств Лондона.

Мне захотелось посетить Национальный альпинистский центр в Северном Уэльсе. Я решил остановиться в отеле Пен-и-Гурид, хозяин которого Крис Бриггс тоже альпинист. Лорд Хант уведомил его о моем приезде. Всю организацию поездки взяла на себя Дженни Уокер из Эйлсберийского альпинистского клуба.

Уэльс напомнил мне горные курортные места в Индии. Шел небольшой снег, чему я был рад, так как после экспедиции на Эверест не видел снега. К отелю мы подъехали к вечеру. Крис Бриггс, только что вернувшийся с Кипра, сам встречал меня. Войдя в отель, я заметил большую доску из сланцев (район известен сланцами, которые экспортируются во многие страны) с надписью:

«Эта доска установлена в честь Харша Бахугуна, майора индийской армии, погибшего на Эвересте 18 апреля 1971 года во время международной гималайской экспедиции».

У меня забило сердце, ведь Харш Бахугуна был моим компаньоном в последнем лагере во время восхождения на Эверест.

Отель, построенный в стиле уэльского сельского дома, служил также и альпинистским центром. Здесь хранились документы альпинистских экспедиций с 1837 года и коллекция таких экспонатов, как камни с вершины Эвереста и снаряжение, которым пользовались первые альпинисты. В книге имелись автографы знаменитых

альпинистов, в том числе Эрика Шиптона, Тильмана и не более поздних — лорда Ханта. В баре находились серебряные пивные кружки с автографами альпинистов. Когда они посещают отель, то пьют из именных кружек. Здесь останавливалась успешная английская экспедиция 1953 года. Ее участники ежегодно собираются в этом отеле.

В день нашего приезда Крис пригласил всех на просмотр фильма «Эверест». На следующий день он сопровождал меня в альпинистский центр — организацию того же типа, что и Гималайский альпинистский институт, но с более разнообразной программой, включающей курсы катания на лыжах по искусственному снегу и греблю на каноэ.

Поездка в Уэльс оказалась приятной. Я был благодарен немецкому другу Гундуле за то, что он провел нас по Уэльсу, а Крису — за теплый прием. В госпитале я сказал доктору Уолшу, что мне хотелось бы скорее вернуться домой. Я планировал провести в Англии четыре недели, а пробыл десять. Моя мать тоже мечтала поскорее оказаться на родине. Доктор Уолш согласился выписать меня, а через друзей в «Эйр-Индии» я заказал билеты в Индию. Радж Вайд из «Эйр-Индии» познакомил меня с региональным директором этой компании Манеком Далалом, который все быстро устроил. После посещения «Эйр-Индии» я пообедал с Джагмэйлом в ресторане «Гэйлорд». Директор ресторана узнал меня и вспоминал прием, который устраивала в мою честь сикхская община в 1967 году. В ресторане было уютно и тепло, и я наслаждался индийскими блюдами, которых не ел уже несколько недель.

Вечером сестра Грэйс пригласила нас к себе на ужин. К ней пришли и другие наши общие друзья. Особенно приятно мне было увидеть там Адриана и Джилла. Не хватало лишь моего хорошего друга Базила Смита, который часто возил нас с матерью в своем такси. К ужину мать приготовила индийские блюда. Тут я и распрощался со всеми друзьями, которые так помогали мне и чье участие и заботу я не забуду никогда.

Возвратившись в декабре в Индию, я сразу занялся делами. Было решено организовать Международную встречу альпинистов в Дарджилинге, пригласив на нее

всех видных альпинистов. В марте Сарина назначили советником губернатора штата Андхра-Прадеш. Из-за отъезда Сарина было трудно решать многие проблемы, требовавшие его участия. Сарин находился в Хайдарабаде, Коли — в Бомбее, Гревал — в Дарджилинге, и мне было нелегко связываться с ними из Дели.

Предполагалось, что на встречу придут пятьдесят шесть иностранных и пятьдесят индийских делегатов. Среди них: Кристиан Бонингтон, покоривший южную стену Аннапурны, Пауль Бауэр, знаменитый по восхождению на Нанга-Парбат, Норман Диренфурт, руководитель международной экспедиции на Эверест, Эдуард Висс-Дюнан, руководитель швейцарской экспедиции на Эверест 1952 года, Морис Эрцог, прославившийся на Аннапурне, Хейнрих Харрер, автор известной книги о Тибете, лорд Хант, руководитель первой успешной экспедиции на Эверест 1953 года, Гастон Ребюффа, один из лучших скалолазов мира, Альберт Эгглер, сэр Эдмунд Хиллари, Раймон Ламбер и многие другие.

В тот тяжкий период меня развлекали племянник и племянница — Сону и Ишу. Я наслаждался еще и обществом Индер. Если ей не удавалось встретиться со мной, она звонила по телефону. Девушка всегда была готова прийти мне на помощь. Это она помогла мне подготовить рукопись этой книги к набору. За семь лет дружбы мы очень сблизились. Дружба переросла в любовь, и 1 апреля 1974 года мы поженились. На скромной церемонии по случаю нашего бракосочетания присутствовали лишь самые близкие друзья и родные.

ВЕРШИНА В СЕРДЦЕ

— Зачем люди поднимаются на горы? — задали вопрос Мэллори.

— Потому что они есть, — ответил знаменитый альпинист.

Конечно, это правильно, но мне кажется, что эти слова не дают полного ответа.

По-моему, физическое покорение вершины — это лишь часть победы. Самое главное — это ощущение до-

сблизжений цели. В каждом человеке живет ненасытная страсть к приключениям, исследованию всего опасного и неизведанного. В результате — удовлетворение не только физическое, но и глубоко эмоциональное.

Американские альпинисты утверждают, что восхождение на горы — это «на девять десятых — ад, а на одну десятую — удовольствие». Я склонен согласиться с этим определением.

Представьте себе типичное восхождение на вершину. Ты уже поднялся на большую высоту и находишься недалеко от вершины. Идешь в связке с другим альпинистом. Сначала он движется на веревке впереди, вырубая ступени в твердом льду. Затем наступает его очередь страховать тебя — теперь ты выходишь вперед. Восхождение мучительно. Каждый шаг требует предельного напряжения нервов.

Так, знаменитый альпинист Нортон, поднимавшийся вместе с Сомервелом на Эверест, рассказывал: «Мне надо было преодолеть небольшой участок снега, который тонким слоем прикрывал наклонные скалы. Он не был ни крутым и ни трудным по сравнению с теми участками, которые я уже преодолел. Вдруг я почувствовал, что без помощи не смогу ступить на снег. Я крикнул Сомервелу, чтобы он подошел и бросил мне конец веревки. Помню, мне пришлось напрячь голос, так как он находился в девяноста метрах от меня. Сомервел помог, но был искренне удивлен, что мне понадобилась помощь именно в таком месте».

Дышать трудно, ты ловишь ртом воздух и в глубине души проклинаешь себя за то, что пошел в горы. Именно в такие моменты хочется повернуть назад, только и думаешь о том, как бы поскорее спуститься. Усилием воли отбрасываешь эту мысль. Ты чувствуешь, как что-то не позволяет сдаться, прекратить борьбу, и упрямо движешься вперед. Еще пятнадцать метров, думаешь ты, или, может, тридцать. Склон горы резко устремляется вверх, и ты задаешь себе вопрос: «Да где же конец мучениям?»

Смотришь на партнера, он на тебя — каждый черпает вдохновение в другом. Медленно бредете дальше. И тут перед вами во мгле неожиданно вырисовываются очертания вершины, которые, по мере вашего продвижения, становятся все отчетливее. Какое счастье ока-

читься наконец на вершине! Разве не оправданы все усилия и муки восхождения?

С вершины сквозь облака просматриваются и другие серебристые пики. Если повезет, то увидишь, как солнце освещает вершину, на которой ты стоишь. Внизу — широкие долины, уходящие в неведомую даль. Это незабываемые, возвышающие человека мгновения. Красота и величие окружающей панорамы заставляют тебя склонить голову перед ее величием природой.

Я оставил на Эвересте изображение Гуру Нанака, а Рават — богини Дурги. Сопровождавший нас Пху Дорджи подарил вершине статуэтку Будды. За несколько лет до нас Эдмунд Хиллари закопал под пирамидой камней распятие. Эти приношения — символ веры и восхищения перед величием природы. Подниматься на горный пик — это значит полюбить его и упорно идти навстречу ему с верой, что он разрешит к себе приблизиться. Когда наконец ты поднялся на пик, тебя охватывает глубокое чувство радости, ликования и огромной благодарности, которое ты пронесешь потом через всю жизнь.

Альпинизм делает человека другим. Тот, кто хотя бы раз побывал в горах, уже не тот, каким он был прежде. После восхождения начинаешь понимать, как мал и одинок человек в неизмеримо великой вселенной. Заканчивая историю о моем участии в экспедиции на Эверест, я не могу не сказать о другом — о том, как мне удалось подняться на иную вершину, которую трудно преодолеть. В сердце каждого человека таится его собственная вершина, на которую он должен подняться, чтобы полностью постичь себя, свои горы, скалы — крутые и непознаваемые. Физический акт восхождения на гору сродни тому восхождению на эту внутреннюю духовную «гору», которое рано или поздно должен совершить каждый человек. Какая бы ни была гора — физическая или духовная — восхождение на нее делает человека другим. Оно дает нам возможность познать самого себя и мир.

Что касается меня, то, после того как я поднялся на Эверест, жизнь заставила меня преодолеть, насколько это возможно, иные «вершины» — тяжелые последствия ранения, полученного на войне. Потребовались невероятные усилия воли, чтобы приспособиться к но-

вым условиям жизни в результате полученного увечья. Я благодарен судьбе за то, что в основном они оказались успешными, и, насколько позволяет мое здоровье, я работоспособен и доволен жизнью.

Думаю, восхождение на Эверест дало мне то вдохновение, которое позволило смело встретить все испытания, выпавшие на мою долю, и если покорение этой горы было делом достойным, то не будет преувеличением, если скажу, что покорение «внутренней вершины» стало для меня чем-то таким, что, пожалуй, даже выше Эвереста ⁴⁴.

⁴⁴ В книге высота основных вершин дана по: Liste a jour des sommets népalais ouverts aux expéditions.— «Bulletin de l'UIAA», Genève, 1982, No 99, Septembre, с. 13—14.

Х. К. САРИН

(председатель Индийского альпинистского фонда)

ИНДИЙСКИЙ АЛЬПИНИЗМ МУЖАЕТ

Что способствовало развитию альпинизма в Индии и какой вклад внесла моя страна в этот вид спорта? Известно, что первое успешное восхождение на Эверест в 1953 году первопроходцев Тенцинга Норгя и новозеландца Эдмунда Хиллари пробудило у индийской молодежи интерес к горам. Большую роль сыграла инициатива двух великих индийских провидцев — Джавахарлала Неру и доктора Б. К. Роя. Они предложили отметить событие огромного национального значения, и вскоре после исторического восхождения в Дарджилинге был создан Альпинистский центр, который должен был не только стать главной школой будущих индийских альпинистов, но и поднять (вполне заслуженно) статус шерпов — «спинного хребта» гималайского альпинизма. Где еще можно найти в штате инструкторов трех альпинистов, которые в общей сложности четыре раза достигли вершины Эвереста? Гималайский институт альпинизма с самого начала открыл новые возможности перед этими жизнерадостными, гостеприимными, дружелюбными людьми, обладающими исключительной выносливостью, большими способностями и в то же время непритязательными и скромными.

Лет двадцать назад организованного альпинистского движения в Индии не существовало. Ни один индийский альпинист не достиг даже шеститысячной вершины. Однако за последние десять-одиннадцать лет наши альпинисты покорили свыше пятидесяти шеститысячников и горы повыше, включая Эверест. Большинство ин-

дийских экспедиций, в частности успешные восхождения на Аннапурну III, Нильканту, Панч-Чули и Нанда Деви, были организованы Индийским альпинистским фондом, который содействовал и другим семидесяти пяти экспедициям.

Первым, действительно крупным достижением индийских альпинистов было восхождение в 1958 году на Чо-Ойю, восьмую по высоте вершину мира. Блестящий успех вдохновил альпинистов, и они решили бросить вызов Эвересту. Через два года состоялась первая индийская экспедиция к Эвересту во главе с бригадным генералом Гьян Сингхом. По сути дела, именно организационный комитет, который был создан для сбора средств на экспедицию на Чо-Ойю, и превратился затем в Индийский альпинистский фонд (такое название он официально получил в 1961 году).

Министерство обороны Индии и военные организации сильно влияли на развитие альпинизма в стране, ведь они всегда проявляли большой интерес к физическим занятиям на открытом воздухе, да и Гималаям теперь стали придавать особое стратегическое значение. В 1958 году, спустя месяц после успеха на Чо-Ойю, экспедиция армейских и флотских альпинистов, руководимая капитаном Н. Кумаром, поднялась на Трисул (7101 м), а на следующий год были проведены три успешные экспедиции вооруженных сил на Нанда-Кот (6843 м), Чаукхамба (7119 м) и Бандар-Панч (6298 м).

Признание министерством обороны заслуг альпинистских курсов при Гималайском институте альпинизма, а позднее при Институте альпинизма им. Дж. Неру привело к тому, что все больше военных стало проходить подготовку на этих курсах. Поскольку возникла необходимость обучать как можно больше военных лыжному спорту и альпинизму, в Кашмире была создана Школа подготовки к военным действиям в горах зимой. Из нее вышли многие опытные альпинисты, отличившиеся затем при восхождении на Эверест и другие вершины. В 1965 году только в экспедиции на Эверест принимало участие пять офицеров, прошедших обучение в этой школе.

Нашу молодежь вдохновляли также успехи иностранных экспедиций, участники которых показали образцы мужества и настойчивости. Появилась целая плеяда

новых альпинистов, сказавших: «Я смогу сделать это». Среди них был и покойный Нанду Джайял, первый начальник Гималайского альпинистского института.

Можно добавить, что развитию альпинизма способствовал также рост потенциала индийской промышленности, ибо успех каждой экспедиции зависит не только от умения лазить по скалам и передвигаться по снегу, но и от качества высокогорного и иного снаряжения. Чувство удовлетворения вызывает у нас то, что практически каждый вид высокогорного оборудования — и список этот длинен — и продовольствие, поступавшее с наших собственных военных заводов, исследовательских институтов и индийских предприятий частного сектора, оказались не хуже импортных и выдержали все испытания во время гималайских экспедиций.

Рост других альпинистских организаций — Института альпинизма им. Дж. Неру в Уттаркаши, Гималайского альпинистского института в Манали и других клубов и ассоциаций альпинизма, скалолазания и туризма, государственных и частных, возникавших по всей стране, — сыграл значительную роль в развитии альпинизма. Как ни странно, многие из этих полезных организаций существуют даже в районах, далеких от Гималаев. Большинство альпинистских клубов и институтов предоставляют молодежи неограниченные возможности, организуя увлекательные путешествия, создавая курсы тренировки в скалолазании с помощью Гималайского альпинистского института, Института альпинизма им. Дж. Неру и Индийского альпинистского фонда. Тот факт, что альпинистское снаряжение можно по невысокой цене взять напрокат на складе при Гималайском альпинистском институте и в Институте альпинизма им. Дж. Неру, также содействовал развитию альпинизма в нашей стране.

За последнее десятилетие мы добились осязаемых успехов в альпинизме. Было проведено около восьмидесяти экспедиций на пики высотой примерно шесть тысяч метров и множество восхождений на менее высокие вершины. По всей стране работали сотни лагерей для скалолазов. У нас имеется около пятидесяти альпинистских клубов и ассоциаций.

Как и в других сферах жизни, женщины не отстают и в области альпинизма. Женские курсы в Дарджи-

линге, Уттаркаши и Манали буквально переполнены. Состоялось около десяти экспедиций на пики высотой шесть тысяч метров, в которых участвовали только женщины. Индо-японская экспедиция — первая женская экспедиция, организованная Индийским альпинистским фондом, — успешно покорила в прошлом году Кайлаш (5640 м) в штате Химачал-Прадеш. В ее составе были пять индианок и четыре японки, и все они поднялись на пик. Теперь иностранные экспедиции сопровождает индийский офицер связи, что оказалось весьма полезным для экспедиций. В 1972 году мы организовали индо-английскую экспедицию, участники которой с успехом покорили пик Дуфао Джот (6083 м) в штате Химачал-Прадеш. Так альпинизм способствует дружбе народов.

Мы за технический опыт и осторожность при восхождениях и против безрассудства. Тем не менее мы понесли потери. Так, из-за перенапряжения в 1958 году на Чо-Ойю скончался Нанду Джайял — он пытался догнать головную группу. В его лице мы потеряли прекрасного, молодого, полного сил энтузиаста альпинизма. В 1964 году умер от лейкемии Джон Диас, руководитель второй Индийской экспедиции на Эверест (1962), бесстрашный и благородный альпинист. Умер от рака наш замечательный альпинист Сонам Гьятсо. Они ушли от нас, но их подвиги будут жить в наших сердцах и вдохновлять молодых альпинистов.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

I

Вы только что прочли книгу, которая на первый взгляд может показаться тривиальной. Автобиографический рассказ о том, как рос мальчик, мечтал о военной карьере и о горах, стал офицером и альпинистом, взошел в составе индийской экспедиции на Эверест, был тяжело ранен на войне, стал инвалидом, но сохранил присутствие духа, юмор, душевные силы, чтобы найти новое место в жизни — писателя, кинематографиста, пропагандиста альпинизма. Может ли это удивить советского читателя, хорошо знакомого с Павкой Корчагиным, Алексеем Мересьевым и еще многими и многими героями, о которых мы читали в повестях и газетных очерках, слышали по радио?

Интересно ли это — еще один подвиг? Издавая книгу, мы тем самым даем на этот вопрос положительный ответ. Дело в том, что все это происходит в Индии — стране своеобразной, отличной от нашей и климатом, и психологией людей, и мироощущением.

Начать с того, что «заболеть альпинизмом» в Индии непросто — подавляющее большинство населения всю свою жизнь не видит ни гор, ни снега. Гор — это еще не беда. Замечено, что альпинизмом увлекаются, как правило, жители равнин. Однако снег в Индии видят только горцы на севере страны, и для них альпинизм отнюдь не спорт, а просто жизнь. Тропический расслабляющий климат — и вдруг стремление в горы!

Спорт — это всегда чрезмерное, экстремальное физическое напряжение. Индийцы не относятся к числу самых спортивных наций мира. Они больше склонны к неспешной, равномерной, хотя и упорной, работе. Не концентрация усилий в короткий срок, а долгое сохранение работоспособности — вот основное направление наибо-

лее распространенной системы индийской физической тренировки — системы йога, если рассматривать ее как разновидность физкультуры. Но такой подход может встретить возражения — и вполне справедливые. Цель йоги — отнюдь не физическая, а духовная, и в этом смысле она еще кардинальнее противостоит спорту, чем по методике упражнений. Индийские спортсмены имеют хорошие достижения на мировой арене, пожалуй, только в хоккее на траве, крикете — и все. Сейчас, когда страна борется за экономическую независимость, за место среди великих держав, за престиж на мировой арене, успехи в спорте приобретают иное, чем прежде, — символическое значение. Ни в чем не уступать сильным мира сего, и в спорте тоже!

Вот почему индийские экспедиции на Эверест получили такой широкий резонанс в стране и за рубежом, а ее участники стали национальными героями.

Несчастье, происшедшее после восхождения на Эверест с одним из этих героев, майором Алувалиа, трагичное для него, в контексте национального возрождения явилось еще одним доказательством стойкости и силы духа народа. Впрочем, борьба героя книги с недугом не только демонстрирует возможности нового человека, выросшего в независимой Индии, она перекликается еще и с религиозными (индуистской, джайнской, буддийской) традициями. В Индии издавна считалось, что главная победа человека — это победа над самим собой. И майор Алувалиа проявляет эту традиционную добродетель в полной мере.

Успехи индийских военнослужащих в альпинизме, впрочем, имеют не только символическое значение, но и практическое. По Гималаям идет государственная граница Индии. Не случайно поэтому хобби нашего героя получает полное понимание и поддержку командования.

Биография Алувалии представляет интерес и тем, что она переплетается с событиями индийской истории последних четырех десятилетий, а через семейные традиции связана и с еще более отдаленными временами. Хари Алувалиа родом из сикхской семьи, издавна поставлявшей офицеров в армию — в англо-индийскую сипайскую до независимости, индийскую национальную — после 1947 года. Еще англичане завели порядок, и он

сохранился до сих пор, согласно которому индийская армия набирается на добровольных началах среди лишь некоторых религиозных общин и каст Индии, считающихся «воинственными». Для каждой такой общины и касты установлена квота, превышать которую нельзя. Так как воинская служба хорошо оплачивается, то в желающих служить в армии недостатка нет. Сикхам еще с середины XIX века предоставлена высокая квота набора, и для них поступить в армию довольно просто.

Хари Алувалиа по происхождению принадлежал к очень характерному, сравнительно узкому, но политически важному слою населения Индии — заминдарам — землевладельцам (мелкие помещики — если употребить российскую терминологию), дававшим военные и гражданские кадры колониальному аппарату. Воспоминания Хари о довоенном быте своей семьи поэтому очень интересны.

В юные годы он оказался свидетелем завершения борьбы своей страны за независимость, события, которое многие индийцы называют кратким и трагичным словом Раздел. Британская Индия, получая независимость, делилась на два доминиона — Индийский союз и Пакистан. К последнему отошли районы с преобладанием мусульманского населения. Индусы и сикхи бежали в Индию, мусульмане — в Пакистан. И таких беженцев было семнадцать миллионов человек. Грабежи, убийства, крушения поездов унесли около миллиона жизней. Впечатления ребенка, его непонимание происходящего и ужас переданы в книге очень ярко.

Автор поступает в военное училище — и оказывается, что долгая ожесточенная борьба за независимость, ужасы Раздела, происшедшего не без участия англичан, не оставили в стране недоброжелательных чувств по отношению к бывшей метрополии. Более того, все английское служит синонимом правильного, благородного, достойного, а армия тех лет — так просто как бы Англия, оставшаяся в Индии. Английские уставы, офицерский быт по образцу британского, личные связи с англичанами. Сейчас индийская армия значительно изменилась по сравнению с первыми годами после независимости. Выросли новые кадры, на вооружении совершенно иная техника, демократизировался личный состав, но связи с Англией остаются. Не случайно Алувалиа едет доле-

чиваться в Англию, в военный госпиталь, видимо в порядке сотрудничества армий Британского содружества наций.

Индийская армия долгое время росла и укреплялась, имея в виду одного противника — братский по происхождению, но враждебный по политической позиции Пакистан. До сих пор, как мы знаем из газет, Индия крайне подозрительно относится к любому усилению вооруженных сил Пакистана. И она имеет на то исторические основания. Первая война между двумя государствами началась сразу же после их создания, в 1947 году. Пакистан пытался силой захватить Кашмир — область, населенную в основном мусульманами, но при разделе оставшуюся за Индией. В 1965 году Кашмир послужил поводом для второй индо-пакистанской войны, во время которой и был тяжело ранен автор и герой этой книги. Наконец, в 1971 году третья война привела к развалу Пакистана — выделению из него восточной части в самостоятельное государство — Бангладеш.

Читатель может обратить внимание еще на одно обстоятельство, напоминающее, что дело происходит в Индии, — значительную роль религиозных мотивов в поступках людей. Они на втором плане, о них почти не говорят, но они незримо присутствуют. Автор относится к религии спокойно. Он верующий, правоверный сикх, в тюрбане и с нестриженными волосами, как предписывает религия сикхизма, но у него вполне земные интересы, он лишен экзальтации и отнюдь не обременен необходимостью исполнения обрядов. Правда, он берет с собой на вершину Эвереста портрет Нанака, основателя своей религии, и закапывает его там в снег в жертву высшим силам, но делает это лишь по просьбе своей религиозной матери. Да, он соглашается подвергнуться лечению знахаря — религиозного шарлатана (на что не пойдешь в безвыходном положении!), но относится к нему с иронией и даже с презрением.

И все же читатель почувствует вуаль религиозности, как бы наброшенную на все, о чем идет речь. Это даст некоторое представление об Индии в целом, о традиционном индийском взгляде на мир.

С интересом прочтут эту книгу и любители приключений. Описание восхождения — простое, без литератур-

ных красот, дневниковое по стилю и правдивое по содержанию — дает по крайней мере полное представление о неимоверной тяжести этого предприятия.

Л. Б. Алаев

II

В переводе с санскрита Гималаи — «Обитель снегов». Тысячелетиями с этой высочайшей в мире горной системой были тесно связаны индийская история и культура, поэзия и фольклор. Она воспета Калидасой и Рабиндранатом Тагором. По словам Дж. Неру, «Гималаи не только близки, но и очень дороги нам, ибо они всегда были частью нашей истории и традиций, нашего образа мыслей и нашей поэзии, приверженности и поклонения, они — в самой нашей крови и часть нашей натуры»¹. Тем не менее до конца первой половины нашего столетия восхождения на гималайские пики оставались исключительно монополией иностранцев.

Однако Эверест все-таки склонил свою гордую голову перед человеком. Впервые это произошло 29 мая 1953 года, когда шерп Тенцинг Норгей вместе с новозеландцем Эдмундом Хиллари достигли высшей точки планеты. Подвиг горца взволновал миллионы индийцев. Созданный вскоре по инициативе Дж. Неру Гималайский институт альпинизма в Дарджилинге стал основной базой по подготовке национальных кадров в этом виде спорта. Рано или поздно горовосходители Индии должны были сказать свое слово в высотном альпинизме.

С 1960 года на протяжении пяти лет они трижды пытались штурмовать вершину мира. «Мы уходим, но обещаем вернуться вновь», — записал в своем дневнике Гьян Сингх, начальник первой индийской экспедиции на Эверест. К сожалению, три ее участника 25 мая 1960 года повернули назад, не сумев преодолеть последние двести с небольшим метров. Яростная снежная буря преградила путь смельчакам.

В марте 1962 года целая армия носильщиков в восемьсот человек доставила двадцать тонн грузов новой

¹ J. Nehru. Foreword.— in: G. Singh. Lure of Everest. Delhi, 1967, с. V—VII.

экспедиции альпинистов Индии в Намче-Базар — столицу страны шерпов. Затем, разбив цепь высотных лагерей, на Южную седловину поднялась штурмовая группа. Здесь, в «самом негостеприимном месте на Земле», непогода заставила альпинистов отсиживаться двое суток. Лишь к вечеру 28 мая на высоте 8420 метров им удалось поставить последний лагерь (Лагерь 7). Бешеный, не утихавший ни на минуту ветер не позволил восходителям на следующее утро выйти на штурм. Предстояла еще одна трудная ночь на огромной высоте.

Рассвет 30 мая был удивительно ясным. Коли, Гьятсо и Данг вышли в путь. Томительно медленно набиралась высота. Неожиданно погода ухудшилась — спортсменов слепил взметаемый ураганом снег. В 14 часов 45 минут они достигли места, выше которого подниматься было невозможно, иначе они не успели бы вернуться в тот же день в палатку. Ночь на такой высоте без крова, да еще в непогоду, означала верную гибель. Трое восходителей нашли в себе мужество принять единственно правильное, однако весьма трудное решение — повернуть назад. Обидно было отступать, ведь до заветной цели оставалось всего каких-то сто пятьдесят метров! Лишь поздно вечером альпинисты достигли лагеря. Два с половиной часа в темноте они искали палатки. Пришла третья ночь, но кончилось дополнительное кислородное питание. Гонимая наступающими муссонами, экспедиция спешно эвакуировала лагерь. Два участника отморозили ноги, а высотный носильщик-шерп Тцеринг погиб от удара камнем.

Лишь в мае 1965 года наступил долгожданный миг — первая связка очередной индийской экспедиции, в которой шли Гомбу и Чима, доставила на вершину трехцветный флаг своей страны. Вскоре их успех повторили еще семь участников этой экспедиции.

Как известно, существуют разные версии о том, как была открыта самая высокая гора нашей планеты. Согласно одной, это сделал в 1852 году главный вычислитель Геодезической службы Индии бенгалец Радханатх Сикхдар. Стремительно вбежав в кабинет своего начальника, он воскликнул:

— Сэр, я открыл высочайшую вершину мира!

Согласно другой, эти слова спокойно произнес, подняв голову от стола, заваленного грудой таблиц и мате-

матических выкладок, помощник Сикхдара. Автор настоящей книги, тщательно изучив архивные материалы Геодезической службы, пришел к выводу, что Радханатх Сикхдар к этому открытию не имел никакого отношения. Оно — плод коллективных усилий, в том числе наблюдателя-топографа Армстронга и вычислителя Хеннеси.

Сотрудники этой службы произвели топографическую съемку вершин непальских Гималаев еще в 1845—1850 гг. и обозначили их римскими цифрами. Позднее путем специальных вычислений определялась высота вершин. Выяснилось, что ничем не примечательный пик под порядковым номером XV — самый высокий в мире. До этого почти сто лет самой высокой точкой планеты считался Чимборасо — потухший вулкан в эквадорских Андах. Затем такой же репутацией поочередно пользовались Дхаулагири (8172 м), Макалу (8481 м) и Гауризанкар, который ошибочно отождествил с Эверестом Герман фон Шлагинтвейт, один из трех немецких братьев — пионеров освоения Гималаев. Позднее удалось установить, что этот пик имеет высоту всего 7145 метров. В нашем столетии в результате непроверенных данных появились, а затем были развенчаны еще два претендента на титул высочайшей вершины земли — Амнэ-Мачин и Миньяк-Ганкар.

В 1856 году решением Королевского географического общества в связи с предложением Геодезической службы Индии высочайшей в мире вершине было присвоено имя сэра Джорджа Эвереста. Советский читатель мало знает о человеке по имени Джордж Эверест (1790—1866). Его отец был адвокатом. Получив военное образование, Джордж отправился на службу в Индию. Военный инженер и топограф по профессии, он много потрудился в деле улучшения условий навигации в дельте Ганга, геодезического измерения острова Ява, в проложении телеграфной линии, связывающей Калькутту с Бенаресом. С 1818 года Эверест лично участвовал в крупных съемках, проводимых Геодезической службой Индии, главой которой он являлся с 1830 по 1843 год. Эверест напряженно и много работал в тяжелых условиях в джунглях, где подчас опасней тигров и змей становились болезни. Так, Дж. Эверест и многие его помощники переболели тифом. Временами

он был так слаб, что без посторонней помощи не мог работать с большим теодолитом. За неустойчивость в работе коллеги прозвали его «Нэверестом» (игра слов: по-английски *never* — «никогда», *rest* — «отдых», т. е. «никогда не отдыхающий».)

Главным делом своей жизни Дж. Эверест считал геодезические работы на большом отрезке меридиональной дуги в Индостане, результаты которых он опубликовал в двухтомнике. Труды Эвереста были высоко оценены современниками. Он стал членом нескольких научных обществ — Географического, Астрономического, Азиатского и других.

В литературе неоднократно указывались разные высоты для Эвереста — 8888, 8882, 8842, 8825 и другие. В большинстве современных источников по географии и альпинизму чаще всего приводится цифра 8848. Известно, что эта высота — величина непостоянная. В связи с продвижением огромной платформы с севера на юг она постепенно увеличивается. Полагают, что за двадцать тысяч лет Гималаи поднялись на 1500—2000 метров, что составляет в среднем семь—десять сантиметров в год. Процесс повышения идет неравномерно, то затихая, то резко усиливаясь, как это произошло во время мощного Ассамского землетрясения 1950 года, когда высота Эвереста, вероятно, увеличилась метров на шестьдесят пять.

Чем же вызваны расхождения в определении высоты Эвереста? Наиболее существенными причинами неточности являются преломление света, отклонение отвеса от вертикали при установке теодолита из-за искажения силы тяжести под влиянием огромной массы Гималаев и трудности в определении точной формы геоида, а также разная толщина снежного покрова в зависимости от сезона и ошибки наблюдателя при теодолитном отсчете.

После завоевания Индией независимости штат Западная Бенгалия обратился к премьер-министру с настоятельной просьбой переименовать гору Эверест, дав ей имя Р. Сикхдара. Вопрос даже стал предметом обсуждения в индийском парламенте, но не был разрешен. В наши дни тибетцы и шерпы называют эту гору Чомолунгма или Джомолунгма, что значит «Богиня — Мать-Земля», «Богиня — Мать ветров» или «Богиня — Мать снегов», китайцы — Чжумуланма, а непальцы —

Сагарматха — «Вершина Неба» (на санскрите — *сагар* значит «небо», *матха* — «вершина»). Есть и другие варианты наименования этой горы и их перевода. В Индии и странах за пределами азиатского континента наибольшее распространение получило название Эверест.

Так уж сложилась история освоения человеком высочайших вершин мира, что первовосхождения на некоторые из них стали делом чести альпинистов определенных наций. Эверест традиционно считался «английской» горой, вторая по высоте вершина мира К2 — «итальянской», Нанга-Парбат — «немецкой», Манаслу — «японской»...

Борьба за покорение Эвереста напоминала эстафету: кому-то должна была выпасть честь пройти последний этап. И она по праву досталась английским альпинистам: 29 мая 1953 года их девятая по счету экспедиция наконец увенчалась успехом. Однако новый, качественный скачок в высотном альпинизме произошел немного раньше, в 1950 г., когда французские альпинисты овладели первым восьмитысячником — Аннапурной (8078 м). Начиная с того времени за пятнадцать лет в Гималаях и Каракоруме одна за другой были покорены все четырнадцать самостоятельных гор, превышающих 8000 метров.

В чем секрет такого успеха? Конечно, не в том, что выросло новое поколение неких «суперменов», которым оказались по плечу такие восхождения. Ведь и пионерам Гималаев было не занимать энтузиазма, упорства, смелости, силы и целеустремленности. Решающую роль сыграло накопление опыта и знаний, совершенствование техники и тактики высотных восхождений, улучшение рационов питания, альпинистского снаряжения и особенно кислородных аппаратов, которые стали более легкими и надежными. Немаловажное значение имело также и преодоление своеобразного психологического барьера: ведь долгое время бытовало мнение, что на склонах горных гигантов выше черты 8000 метров пролегал «зона смерти». И в этом, чисто психологическом, плане преодоление такого барьера можно, пожалуй, сравнить с прорывом человека в космос.

Из истории борьбы за овладение Эверестом известно, что редкая экспедиция на «Вершину Неба» проходит благополучно. Даже когда она бывает взята. Почти

в каждой — травмы, отморожения или смерть. И читатель невольно задаст вопрос: зачем все это?

Альпинисты, у которых риск входит в «правила игры», могут ответить словами победителя К2 итальянца А. Компаньони, что «нет ничего прекраснее, чем борьба человека с природой, когда ты остаешься с ней один на один. У альпинистов нет зрителей, и им не аплодируют. В такие мгновения они одни».

Невозможно, например, спокойно читать полную драматизма книгу Мориса Эрцога «Аннапурна», продиктованную им в госпитале по возвращении из экспедиции. Позднее в течение восьми лет он занимал пост верховного комиссара (министра) по делам молодежи и спорта Франции, стал членом Международного Олимпийского Комитета. Ценой огромных страданий и жертв заплатили французы за победу над первым восьмьютысячником. Но вот что сказал этот мужественный человек в интервью для французского телевидения: «Я считаю, что моя жизнь сложилась лучше, чем я мог ожидать, потому что Аннапурна дала мне то, о существовании чего я раньше не подозревал... И если бы я начинал ее заново, то, пожалуй, сделал бы то же самое, несмотря на страдания и боль».

Однако альпинизм — не спорт самоубийц, хотя и связан с риском. Только риск риску рознь. Он приемлем и хорош, если оправдан и разумен. Когда не переходят грань, отделяющую его от авантюризма. Сохранить жизнь в горах помогает чувство страха, рождаемое инстинктом самосохранения. Оно полезно, это чувство, так как сигнализирует об опасности. Важно не дать ему перерасти в панику.

Хиллари честно признался, что при возвращении с вершины Эвереста после Южного пика его и Тенцинга не покидал страх перед крутым снежным склоном, по которому предстояло спуститься. Они шли с максимальной осторожностью и рубили ступени в фирне столь тщательно, словно от этого зависела жизнь, что было близко к действительности. Это чувство отпустило их лишь тогда, когда спортсмены вышли на более безопасный участок юго-восточного гребня.

Героизм или безрассудство? Этот вопрос встает почти после каждого восхождения, пожалуй, самого выдающегося альпиниста современности Рейнхольда Мес-

снера, итальянца австрийского происхождения, имя которого уже давно привлекает внимание любителей альпинизма на всех континентах. И дело тут не только в его замечательных достижениях, хотя они и уникальны. Месснер — единственный в мире человек, за плечами которого уже одиннадцать (!) подъемов на вершины Гималаев и Каракорума высотой более 8000 метров: Манаслу, Хидден-пик, Брод-пик, Гашербрум II, Канченджанга, Шиша-Пангма, дважды по разным маршрутам — Нанга-Парбат и Эверест. Говорить о себе заставляет его отношение к альпинизму, его философский взгляд на покорение гор.

Мне довелось встречаться с Месснером. Впервые это произошло десять лет назад в Швейцарии. В один из дней работы Генеральной ассамблеи Международного союза альпинистских ассоциаций (УИАА), проходившей в Монтре, нам, делегатам, сначала показали фильм «Назад в горы», удостоенный приза Итальянского альпклуба, а затем представили автора сценария и единственного актера. Им оказался Р. Месснер, тогда еще только восходящая «звезда» западноевропейского альпинизма.

Сюжет фильма прост: задавленный морально сумасшедшим темпом городской жизни, человек вырывается на волю, в горы. Какой контраст после многоэтажных громад, где словно в сотах ютятся люди, назойливых реклам, мельтешащих светофоров, потоков вечно куда-то спешащих пешеходов! Простор, тишина, изумрудные альпийские луга, кристально чистый воздух, яркие цветы и серые гранитные скалы. Наконец-то можно вздохнуть полной грудью. Сброшен рюкзак, перекинута через плечо бухта веревки, и вот уже по отвесной стене высотой в несколько сотен метров в одиночку лезет альпинист. Спокойно, уверенно, безо всякой спешки и... страховки. Напряжение покидает зрительный зал только после того, как герой фильма благополучно выбирается наверх. Его лицо озаряет счастливая улыбка. Вдоволь налюбовавшись панорамой гор, он спускается по тропинке и шагает домой, но теперь уже легко, бодро, с каким-то особым блеском в глазах.

Выступает сам Месснер. Он взволнованно говорит о духовных и моральных ценностях альпинизма. О том, что горы помогают людям вернуться к давно забытой

ими простой жизни, что после дня, проведенного за письменным столом, соломенный тюфяк в горной хижине приятнее пуховой перины в городе, а глоток воды из ручья вкуснее стакана вина в таверне. Приглашают высказаться. Фильм произвел сильное впечатление. Но вот слово берет убеленный сединами англичанин. Он, конечно, восхищен блестящей индивидуальной техникой Месснера, однако замечает, как бы мимоходом, что лазить «соло» весьма рискованно, и посему желает герою долгой жизни. На трибуне бельгийский делегат. Да, конечно, и сюжет фильма хорош, и мастерство превосходно, но подавляющее большинство альпинистов, добавляет бельгиец, все же предпочитают делить радости и трудности восхождений со своими товарищами и друзьями.

Пресса заговорила о Месснере еще в 60-х годах, после того как он проложил новые стенные маршруты на Ортлер, Гран-Жорас, Эйгер, Чиветту, Мармолату и другие известные своей сложностью альпийские пики. Некоторые из них он прошел зимой и в одиночку. Затем начались выезды в Анды, горы Африки, Новой Гвинеи, Ирана, Афганистана, Пакистана, Непала. Грозная Нанга-Парбат — первый восьмитысячник Месснера. Только в 1953 году другой знаменитый альпинист-одиночка, австриец Герман Буль, положил конец проклятью «Голой горы», унесшей более двадцати жизней. Рейнхольд вместе с братом Гюнтером в 1970 году проложил на Нанга-Парбат новый путь по Рупальскому склону крутизной 70 градусов. Они заночевали на вершине, и к утру Гюнтер так ослаб, что для возвращения пришлось искать менее трудный путь. Первым спускался Рейнхольд. Когда, спустя некоторое время, он оглянулся, то брата не было, а на склоне виднелись следы большой лавины. Он искал его много часов подряд, всю ночь, отказываясь верить в гибель Гюнтера.

В базовом лагере руководитель экспедиции К. Херлигкоффер обвинил его в смерти брата. «В какой-то степени я действительно причастен к гибели Гюнтера, — считает сам Месснер. — Он бы не погиб, не пригласи я его участвовать в экспедиции. Не будь Гюнтер моим братом, он, возможно, и не последовал бы за мной на заключительном этапе восхождения. Только в этом смысле ответственность лежит на мне».

В горах важно уметь отступить, когда достигнут предел разумного риска. Месснер — яркий представитель школы экстремального альпинизма. Смелый до дерзости, он все же умеет иногда вовремя повернуть назад, как это было на южном склоне Макалу в 1974 году и на Дхаулагири три года спустя. Однако его одиночное бескислородное восхождение на Эверест с севера, пожалуй, выходит за рамки благоразумия. После шести недель активной акклиматизации он вышел на штурм 18 августа 1980 года в пять часов утра. В рюкзаке весом 20 килограммов были продукты, спальный мешок, легкая палатка. 20-го числа в 15.05 Рейнхольд достиг вершины, пробыл там сорок минут, сделал снимки и через два дня вернулся в лагерь «6500 м».

Позже он рассказал, что в самом начале подъема под ним обрушился снежный мостик и он упал в трещину глубиной десять метров. «Еще никогда я не испытывал такого ужаса, — вспоминал Месснер. — Хотелось кричать, звать на помощь, но я знал, что никто не протянет мне руку. Только через несколько часов выбрался я из трещины. Второй раз такую пытку я просто не перенесу. Я совершил все, что мог. Я истратил не только физические, но и все моральные силы. Теперь я знаю, что большего сделать уже не смогу. Одному совершать восхождение на Эверест — большое заблуждение. Горы предстали передо мной совершенно в ином свете. Я как будто попал в лагерь неприятеля. Ущелья враждебно следили за каждым моим шагом: ждали ошибок и были готовы убить меня... Подобные восхождения — это не что иное, как вызов смерти. Я выжил случайно».

Что же толкнуло Месснера на такое предприятие? Погоня за сенсацией? «Нет, я не смог бы пойти на Эверест ради сенсации. Что это дало бы? Случайные разговоры с любопытными да снимки в газетах... Я искал такого момента в жизни, где борьба за нее идет на границе моих возможностей. И дело тут не в Эвересте. С таким же успехом можно было попытаться в одиночку пересечь пустыню или пойти к Южному полюсу. Главное — что это увлекательное приключение и поединок, дуэль с самим собой». Месснер считает, что не настоящий мужчина тот, кто хоть раз в несколько лет не испытает свои предельные силы и возможности. Он утверждает, что серьезное восхождение — это своеоб-

разный поединок со смертью и искусство заключается в том, чтобы выйти из него победителем.

Да, Месснер — личность, безусловно, незаурядная, но с сильно развитым индивидуализмом. Для него, альпиниста-одиночки, характерно высказывание о том, что он не может заставить себя подчиняться какому-либо авторитету, чьей-либо власти, но одновременно он и не хочет подчинять своему авторитету других людей. Этим он объясняет, что ему очень трудно быть руководителем экспедиции, поэтому он ходит в одиночку.

Осенью 1982 года в столице Непала состоялась очередная Генеральная ассамблея международного союза альпинистских ассоциаций (УИАА), посвященная 50-летию этой организации, объединяющей ныне три миллиона восходителей мира. В фестивале альпинистских фильмов, проведенном по этому случаю, участвовал и Р. Месснер. Он продолжал отстаивать свое кредо и рассказал о своем становлении как альпиниста. Отклики прессы свидетельствуют о том, что видные альпинисты мира вновь выразили несогласие с некоторыми из выдвигаемых им идей, в том числе лорд Джон Хант и Юнко Табей, которая сказала, что альпинизм был и должен оставаться коллективным видом спорта.

Но не всем удастся выйти победителем из поединка, о котором говорит Месснер. Совсем недавно проиграл его другой всемирно известный альпинист — 33-летний японец Ясуо Като. Он уже дважды — с юга и севера — покорил Эверест, а затем решил повторить достижение Месснера, но в еще более жестких условиях — зимой и также в одиночку. «На грани безумия» — так расценил его намерение первовосходитель на вершину Эдмунд Хиллари. Тем не менее поздней осенью 1982 года на ледник Кхумбу прибыла маленькая экспедиция из семи японцев и четырех носильщиков-шерпов. За двадцать дней в быстром, а вернее сказать, лихорадочном темпе были установлены четыре лагеря на высотах 6100, 6650, 7300 и 7900 метров.

23 декабря Като вышел на решающий штурм, но из-за ураганных ветров и лютого мороза был вынужден отступить. Еще при восхождении на Эверест в 1980 году альпинист получил тяжелые отморожения пальцев. Теперь к ним прибавились новые, но это не заставило мужественного японца отказаться от своей мечты. Через

четыре дня, в 5 часов утра 27 декабря 1982 года он снова вышел на штурм, на этот раз вместе с Кобаяси. У них были очень ограниченные запасы кислорода (всего на 14 часов) и еды. Альпинисты шли не связываясь.

Стихия бушевала вовсю. Кобаяси сильно страдал от холода, двигался медленно и, наконец, в 85 метрах от цели остановился без сил. Като упорно продвигался вверх и в 17.55 достиг вершины, в третий и последний раз в жизни. Три часа ушло у него на то, чтобы спуститься к товарищу. Наступила темнота. Связавшись в половине восьмого вечера по радиотелефону со вторым лагерем, он сообщил об успехе и добавил, что Кобаяси жестоко поморозился, совершенно истощен и они вынуждены встать на бивак. «Здесь очень холодно, и я страшно замерз. На следующий сеанс выйду в 7 часов утра. Доброй ночи, Сасаки». Это были его последние слова.

Только тот, кто хоть раз испытал холодную ночевку в непогоду в горах, поймет, что это была за ночь для двух изнуренных восходителей, здесь, на огромной высоте, в снежном вихре и при холоде минус 32, без кислорода, палатки и спальных мешков (альпинисты надеялись вернуться в последний лагерь и поэтому вышли налегке). Ураган был такой, что ночью сорвало палатку даже во втором лагере. Напрасно ждал утром радист Сасаки выхода Като на связь. Посланный на поиски шерп Наванг Енден смог добраться до высоты 8000 метров, но никаких следов не обнаружил. Да их и не могло быть. Но, зная о невероятном упорстве и особой жизнестойкости Ясуо Като, министерство туризма Непала медлило с печальным известием и лишь под новый, 1983 год было вынуждено заявить, что эти два альпиниста не вернулись с восхождения.

После победы над Эверестом Тенцинга спросили, думает ли он, что вершина мира будет покорена еще раз. Горец ответил, что Эверест слишком велик, чтобы принадлежать кому-либо. Он принадлежит всем.

Действительно, высочайшая гора не осталась только «английской». Разными путями на нее поднялись уже более 130 альпинистов из восемнадцати стран: Австрии, Великобритании, Индии, Испании, Италии, Канады, КНР, Непала, Новой Зеландии, Польши, США, Фран-

ции, ФРГ, Швейцарии, Югославии, Южной Кореи, Японии и, наконец, Советского Союза. Трижды побывал на Эвересте шерп Сондаре (1979, 1981 и 1982 гг.) и японский альпинист Я. Като (1973, 1980 и 1982 гг., погиб при спуске). Четверо поднялись сюда дважды: шерпы Н. Гомбу (1963 и 1965 гг.), Пертемба (1975 и 1979 гг.) и Анг Фу (1978 и 1979 гг., погиб при спуске), а также Р. Месснер (1978 и 1980 гг., оба раза без применения кислородного аппарата, причем последний раз в одиночку). В числе покорителей — четыре женщины: японка Ю. Табей (1975 г.), тибетка Фантог (несколькими днями позже в том же году), полька В. Руткевич (1978 г.) и западногерманская альпинистка Х. Шмац (1979 г., погибла при спуске).

Эверест похож на пирамиду неправильной формы с тремя сходящимися к вершине ребрами — северо-восточным, юго-восточным и западным гребнями. Когда они были пройдены, начались попытки преодолеть склоны между ними, которых тоже три — северо-западный и восточный со стороны Тибета и юго-западный со стороны Непала.

К настоящему времени, включая послемуссонный сезон 1982 года, на Эверест проложено восемь маршрутов.

После первопрохождения в 1975 году юго-западной стены этой горы в Англии вышла книга К. Бонингтона «На Эверест по трудному пути». В американском издании ее назвали «Последний вызов». И поторопились. Потому что история альпинизма много раз доказывала, что здесь нет слова «невозможный» и, как только бывает решена «последняя серьезная проблема», возникает новая.

Подтверждением этого является блестящее прохождение советскими горовосходителями контрфорса юго-западной стены с выходом в верхней части на западный гребень и по нему к вершине. По мнению ведущих зарубежных альпинистов, это достижение экстракласса. Так считают многие альпинисты мира, в том числе президент Индийской федерации альпинизма Х. С. Сарин. Он сказал: «Советские горовосходители вписали новую страницу в историю покорения Эвереста. Никогда еще ранее сразу одиннадцати членам одной экспедиции не удавалось подняться на эту вершину. Никто еще не

восходил на Эверест по маршруту, проложенному спортсменами СССР, и не штурмовал его ночью»².

За это выдающееся достижение участники и организаторы экспедиции награждены орденами и медалями, а советские космонавты А. Березовой и В. Лебедев посвятили героям Эвереста 592-й виток вокруг Земли.

Сейчас в Гималаях ищут новые, технически более сложные стенные маршруты на восьмитысячники или же пытаются пройти уже освоенные, но в более трудных, характерных для экстремального альпинизма условиях — зимой, без кислорода, в так называемом «альпийском стиле», то есть без предварительной разведки, заброски продуктов, установки высотных лагерей, навешивания перильных веревок и помощи высотных носильщиков. Есть новые интересные пути и на Эверест. В ближайшие годы, вероятно, снова будут пытаться пройти юго-западную стену справа или почти посередине прямо в лоб по так называемой «диретиссима». Возможны траверсы вершины с юга на север и в обратном направлении, подъем на нее по восточному склону с ледника Канчунг.

Последнее время число альпинистских, научных экспедиций и туристских групп, приезжающих в непальские Гималаи, непрерывно растет. Ежегодно страну посещают 160 тысяч туристов и альпинистов, причем каждый год эта цифра увеличивается на двадцать процентов. Для любителей горных пешеходных путешествий уже открыты шестнадцать маршрутов-трекингов. Что касается альпинистов, то, заплатив «королевский сбор», они могут получить разрешение организовать экспедицию на любую из 122 вершин, перечисленных в официальном списке, опубликованном непальскими властями, включая Эверест.

Только весной 1982 года штурм гималайских пиков предприняли тридцать зарубежных экспедиций, осенью их число увеличилось до тридцати восьми. Наплыв желающих полюбоваться красотами гималайского королевства и испытать свое мастерство при восхождении в «Обители снегов» не может не радовать непальское Министерство туризма. Ведь доходы от туристских и альпинистских мероприятий составляют большую часть

² «Советский спорт». 6.VI.1982.

всех инвалютных поступлений страны. Однако с развитием туризма и альпинизма, к сожалению, происходит все больше загрязнение природной среды Гималаев. Потребовались срочные меры для защиты горной флоры и фауны, и они уже осуществляются. В 1976 году по решению правительства Непала огромная территория, прилегающая к району Эвереста, была объявлена национальным парком-заповедником. В октябре 1982 года в Катманду состоялась Генеральная ассамблея УИАА, которая специально обсудила и утвердила «Правила о поддержании чистоты Гималаев». В стране приступили к выполнению долгосрочной программы по изучению, сохранению и восстановлению природных богатств Гималаев.

Морис Эрцог оказался неправ, утверждая, что с покорением Эвереста стремление подниматься все выше и выше потеряло свой смысл. Эверест остается исключительно популярным, как высочайшая вершина нашей планеты, на которую нет легких путей. Во все времена года и на всех маршрутах он труден и опасен. Подтверждение тому — десятки безуспешных, хотя и отлично оснащенных, экспедиций, семьдесят жизней, уже потерянных при штурме. И тем не менее он словно магнит продолжает притягивать взоры восходителей всех континентов и «забронирован» уже до 1989 года.

Так, альпинисты Индии весной 1984 года собираются побить все рекорды. Они хотят совершить по юго-восточному гребню самое массовое восхождение на вершину мира: на штурм отправятся двадцать человек, в том числе женщины.

Как тут не вспомнить замечательные, полные оптимизма слова Джавахарлала Неру: «Даже если покорение Эвереста станет обычным событием, всегда найдутся более высокие Эвересты. Даже если в далеком будущем наша Земля станет местом без тайн, всегда найдутся другие пики для восхождений и другие миры для исследований. Для тех, кто готов бесстрашно отправиться в неизведанные моря и на непокоренные пики человеческих стремлений, никогда не будет недостатка в приключениях для ума и тела!»³

Е. Б. Гинпенрейтер

³ G. Nehru. Foreword.— in: G. Singh. Lure of Everest. Delhi, 1961, с. V—VII.

СОДЕРЖАНИЕ

Индир а Г анди. Предисловие	3
Конец мечте	5
Детство и юность	14
Горы зовут	36
По Непалу	61
Мы штурмуем вершину	106
Врачи и знахари	131
В Стоук-Мандевиле	147
Снова в Индии	165
Вершина в сердце	173
Приложение. Х. К. Сарин (<i>председатель Индийского альпинистского фонда</i>). Индийский альпинизм мужает . .	177
Л. Б. Алаев, Е. Б. Гиппенрейтер. Послесловие . .	181

Хари Алувалиа

ВЫШЕ ЭВЕРЕСТА

Воспоминания альпиниста

*Утверждено к печати
редколлекцией серии «Рассказы о странах Востока»
Академии наук СССР*

Редактор *Э. О. Секар*
Младший редактор *М. С. Грикурова*
Художник *Э. Л. Эрман*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *В. П. Стуковнина*
Корректор *И. И. Чернышева*

ИБ № 14756.

Сдано в набор 08.12.82. Подписано к печати
03.05.83. Бумага типографская № 1. Гарнитура
литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 10,5.
Усл. кр.-отт. 10,82. Уч. изд. л. 10,66. Тираж
30 000 экз. Изд. № 5123. Зак. № 486.
Цена 1 р. 10 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Набрано в Московской типографии № 13
ПО «Периодика» ВО «Союзполиграфпром»
Государственного комитета СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли.
107005, Москва, Б-5, Денисовский пер., дом 30.

Отпечатано в 3-й типографии
издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

1 р. 10 к.